

Министерство культуры Омской области
Омский государственный литературный музей
имени Ф. М. Достоевского

ОМСКИЙ ЛИТЕРАТУРНЫЙ МУЗЕЙ.
ТЕКСТЫ. МАТЕРИАЛЫ. ИССЛЕДОВАНИЯ
ВЫПУСК 2

Омск
2015

УДК 82:006.9(571.13)
ББК 83.3л611(2Рос-4Омс)
О-57

Рецензент:
доктор филологических наук *Э. И. Контева*

Под общей редакцией *В. С. Вайнермана*

О-57 Омский литературный музей. Тексты. Материалы.
Исследования. Вып. 2 / сост. и ред. Ю. П. Зародова. –
Омск : Издатель-Полиграфист, 2015. – 222 с. : ил.

ISBN 978-5-98236-062-5

Выпуск посвящён писателям, биографически и творчески связанным с Омском, и включает в основном ранее не публиковавшиеся художественные тексты и переписку А. Н. Новосёлова, А. С. Сорокина, Н. В. Феоктистова, Г. А. Вяткина, Вс. В. Иванова. В последний раздел помещена семейная хроника Н. П. Васильевой, дочери поэта, «Павел Васильев и сёстры Анучины».

Книга рассчитана на всех, кто занимается изучением сибирской литературы или просто интересуется её историей.

УДК 82:006.9(571.13)
ББК 83.3л611(2Рос-4Омс)

ISBN 978-5-98236-062-5

© Омский государственный
литературный музей имени
Ф. М. Достоевского, 2015
© Издатель-Полиграфист, 2015

От составителя

Второй выпуск сборника «Омский литературный музей. Тексты. Материалы. Исследования» посвящён писателям, которые биографически и творчески связаны с Омском и чьи юбилеи отмечались в 2014 году или будут отмечаться в 2015-м. В 2014 году исполнилось сто тридцать лет со дня рождения таких литературных корифеев и собирателей сибирских талантов, как Александр Новосёлов, Антон Сорокин, Николай Феокистов. Годом позже появился на свет Георгий Вяткин, спустя десять лет – Всеволод Иванов, ещё через пятнадцать – Павел Васильев. Все они (за исключением рано погибшего А. Е. Новосёлова) хорошо знали друг друга, входили в одни и те же литературные кружки и организации, печатались в одних изданиях, дружили, иногда враждовали...

В фондах Омского государственного литературного музея имени Ф. М. Достоевского эти писатели представлены по-разному: от крупного личного архива Н. В. Феокистова до нескольких единиц хранения из утраченного наследия А. Е. Новосёлова. Материалы их архивов постоянно перекликаются между собой, рассказывая об одних и тех же людях, событиях, поднимая похожие темы, раскрывая загадки, над которыми бьются исследователи. Например, сведения о первом литературном кружке в Омске можно найти в воспоминаниях Ф. А. Березовского, А. С. Сорокина и Н. В. Феокистова. Очерк Березовского «Александр Ефремович Новосёлов» хорошо знаком исследователям сибиряки (он был опубликован в первом номере журнала «Сибирские огни» за 1922 год), тексты же Сорокина и Феокистова публикуются впервые по рукописям. Републикация очерка Березовского имеет в сборнике двойное назначение: во-первых, делает этот важный в изучении истории сибирской литературы

и творчества А. Е. Новосёлова текст более доступным читателям; во-вторых, является источником для сравнения, дополнения и обобщения новой информации в изложении Сорокина и Феоктистова.

Сотрудники музея не ограничиваются изучением материалов, хранящихся в собственных фондах, они ведут постоянную поисковую и научную работу, частичный результат которой мы представляем в данном издании. В процессе работы над темой «История литературной жизни Омска первой трети XX века» были выявлены материалы А. Е. Новосёлова, А. С. Сорокина, Г. А. Вяткина, Вс. В. Иванова, хранящиеся в Институте русской литературы (Пушкинский дом) Российской академии наук, Российском государственном архиве литературы и искусства, Историческом архиве Омской области, Городском Центре истории Новосибирской книги, опубликованные в сибирской периодике.

При отборе текстов для публикации редколлегия сборника придерживалась следующих принципов:

- воспроизведение ранее не публиковавшихся художественных произведений и мемуаров из фондов Омского литературного музея имени Ф. М. Достоевского;
- републикация материалов из редких малодоступных источников, не переиздававшихся более пятидесяти лет;
- публикация неизданного эпистолярного наследия сибирских писателей;
- включение материалов из фондов других музеев, архивов, частных коллекций, найденных в результате исследовательской работы сотрудников музея и являющихся важным источником для изучения истории сибирской литературы;
- публикация краеведческих и литературоведческих исследований по сибирике.

Таким образом, сложилось деление сборника на три основных раздела: «Тексты», «Материалы», «Исследования».

В первый раздел сборника включены произведения А. Е. Новосёлова, Н. В. Феоктистова и Вс. В. Иванова, а также библиографические справки об этих авторах, составленные по справочной литературе и открытым интернет-источникам. Публикация прозы

Новосёлова дополнена воспоминаниями о писателе Ф. А. Березовского и А. С. Сорокина. Архив А. Е. Новосёлова был вывезен родственниками в Ленинград и погиб там во время блокады. Почти всё, что удалось отыскать и сохранить из его литературного наследия, вошло в три небольших издания сочинений, выходящих в Барнауле, Алма-Ате и Иркутске в 1950–1980-е годы. Публикуемые в сборнике произведения Новосёлова – казахская сказка «Один и четверо» и этнографический очерк «Иртышский казак» – были напечатаны в журнале «Сибирские вопросы», издававшемся в начале XX века в Петербурге, и позднее нигде не перепечатывались.

Архив А. С. Сорокина, насчитывающий более 600 дел, хранится в Историческом архиве Омской области. После смерти писателя было выпущено несколько сборников его произведений в Новосибирске, Иркутске и Омске. В последнее десятилетие интерес к творчеству Сорокина возрастает, появляются новые книги: Сорокин А. Тридцать три скандала Колчаку / сост., примеч. и предисл. И. Е. Лощилова, А. Г. Раппопорта. СПб. : Красный матрос, 2011; Сорокин А. С. Сочинения; Воспоминания (о Сорокине); Письма / сост. В. И. Хомяков. Тобольск : Общественный благотворительный фонд «Возрождение Тобольска», 2012 и малоформатное трёхтомное собрание сочинений Сорокина: «Манифест короля», «Голос Степного края», «33 скандала Колчаку». Омск : Золотой тираж, 2014. Основу этих изданий составили уже публиковавшиеся произведения, процент неизвестных текстов невелик.

Вниманию читателей предлагается два рассказа А. С. Сорокина, рукописи которых хранятся в фондах Омского литературного музея имени Достоевского, а также один из уникальных памфлетов «Книга Екклезиаста, или Проповедник для писателей Антона Сорокина», недавно поступившая в фонды Центра истории Новосибирской книги и подготовленная к печати заведующей Центра Натальей Ивановной Левченко.

Литературные заслуги Н. В. Феоктистова невелики, но тем не менее он играл заметную роль в истории сибиряки. Большой интерес представляет его личный архив, в котором имеются материалы о многих сибирских литераторах первой половины

XX века. В конце жизни Феокистов начал писать воспоминания о своей молодости, которые остались незавершенными, но даже в таком виде заслуживают внимания краеведов и литературоведов. Кроме воспоминаний, в сборнике впервые публикуется киносценарий Феокистова «Степная жакерия», повествующий о среднеазиатском восстании в 1916 году против объявленной царским правительством мобилизации мужского населения Средней Азии и Казахстана на тыловые работы в связи с участием Российской империи в Первой мировой войне.

Рассказ Вс. В. Иванова «У черты», написанный в омский период и опубликованный в газете «Сибирский казак» в 1919 году, предоставлен для публикации и прокомментирован старшим научным сотрудником Института мировой литературы имени А. М. Горького, кандидатом филологических наук Еленой Алексеевной Папковой.

Во второй раздел вошло ранее не публиковавшееся эпистолярное наследие Новосёлова, Сорокина, Вяткина, Вс. Иванова. Письма писателей-сибиряков друг к другу и к столичным литераторам, деятелям культуры и искусства позволяют уточнить факты биографии, выявить или уточнить окружение, литературную обстановку и т. д. Нам, например, показались интересными рассуждения А. Е. Новосёлова в письме к С. С. Кондурушкину о монополистах от литературы и печальной участи сибирских периодических изданий. А. С. Сорокин предстаёт перед читателем в своём привычном амплуа рекламиста и выдумщика, рассылающего свои пьесы для рецензий. Г. А. Вяткин представлен в сборнике только перепиской. Художественные тексты Вяткина не включены по той причине, что в 2005–2012 гг. в Омске было издано пятитомное собрание его сочинений. Но работа по изучению биографии Вяткина на этом не прекратилась, мы публикуем вновь найденные письма сибирского литератора к писателям, редакторам и издателям. Переписка была частью его работы как сотрудника сибирских газет, в которые он помещал обзоры новых книжных изданий. С некоторыми из корреспондентов постепенно складывались творческие и дружеские взаимоотношения, что хорошо видно на примере писем к В. Ф. Булгакову, личному секретарю Л. Н. Толстого, или к С. С. Кондурушкину.

До сих пор оставались полностью не опубликованными интереснейшие письма Вс. Иванова к А. С. Сорокину. Отдельные цитаты из них воспроизводились в нескольких изданиях: Учёные записки Омского государственного педагогического института им. А. М. Горького. Выпуск 47. Всеволод Иванов. Труды межвузовской конференции, посвящённой 70-летию со дня рождения писателя (март 1965). Омск, 1970. С. 158–161; Папкина Е. А. Книга Всеволода Иванова «Тайное тайных»: на перекрестке советской идеологии и национальной традиции. – М : ИМЛИ, 2012. С. 103; Папкина Е. Сибирская биография Всеволода Иванова // Москва. 2013. № 12. С. 132–144. Завершает раздел письмо Вс. Иванова к Н. В. Феокистову. Казалось бы, в этом кратком поздравлении с 25-летием литературной и общественной деятельности нет никакой значимой информации, но всё же публикаторов подкупил тот факт, что Иванов называет себя в этом обращении омичом, и даже не бывшим.

Третий раздел сборника составила книга «Павел Васильев и сёстры Анучины», написанная Натальей Павловной Васильевой (Фурман) – дочерью поэта.

Наталья Павловна окончила Московский авиационный институт (МАИ), по распределению уехала в Рязань, работала инженером-конструктором. Правду о своём отце – выдающемся поэте, расстрелянном в 1937-м, – она узнала только после его реабилитации в 1956 году. Бывая в гостях у тёти Евгении Николаевны Анучиной в Переделкино, встречалась с Борисом Пастернаком и Варламом Шаламовым, которые очень высоко оценивали поэзию П. Васильева. С тех пор начала читать его стихи и собирать материалы, связанные с судьбой и творчеством поэта. В конце 1980-х годов редкие, чудом сохранившиеся семейные фотографии, на которых запечатлён Павел Васильев со своими близкими и друзьями, а также большой архив Е. Н. Анучиной Наталья Павловна передала на хранение в Омский литературный музей. Постепенно стала заниматься просветительской деятельностью: читала лекции и писала статьи об отце, опубликовала письма Васильева к Г. Н. Анучиной, подготовила к изданию книгу со своим предисловием: Павел Васильев. Подымайся, песня, над судьбой! Стихотворения и поэмы. Рязань : Пресса, 2001. С 1990-го Наталья

Павловна является организатором Васильевских чтений, проходящих ежегодно в Рязани.

Публикуемая в сборнике книга Н. П. Васильевой создавалась на протяжении многих лет: с 1996-го по 2012 год. Рассказывает она о судьбах трёх близких людей: выдающегося поэта, его первой жены Галины и её родной сестры Евгении Анучиной – забытой сегодня советской писательницы. Это книга-биография, материалы которой основываются на документальных свидетельствах, воспоминаниях, архивных источниках. Большую ценность представляет для нас вторая глава, в которой приводятся неизвестные факты биографии Е. Н. Анучиной. (Например, ни в одной литературной энциклопедии мы не найдём даже точных дат её жизни.) Последняя глава книги составлена в виде семейной хроники за 1926–1947 годы и также содержит интересную и важную для читателей информацию. Безусловно, книга Н. П. Васильевой стала результатом большой разыскательской работы автора, что и позволило редколлегии сборника поместить её в раздел «Исследования».

Наталья Павловна очень хочет видеть свою книгу напечатанной, надеется представить её на литературную премию имени П. Н. Васильева, которая была учреждена в Омске, но последний раз вручалась в 2012 году. Откликнувшись на предложение Омского литературного музея, Н. П. Васильева дала согласие на публикацию в нашем сборнике.

Публикуемые тексты, кроме указанных выше, подготовлены к печати сотрудниками Омского литературного музея Ю. П. Зародовой, О. Ю. Караваевой, И. А. Махановой; все примечания (комментарии) к первым двум разделам и два к третьему – Ю. П. Зародовой (Ю. З.).

Тексты воспроизводятся по современным правилам орфографии и пунктуации. Орфографические ошибки, явные описки и опечатки исправлены. Введена буква «ё», отсутствующая в ряде источников. Языковые и стилистические особенности подлинников сохраняются, но при наличии неустранимых погрешностей текста (искажённые слова или стилистически неверные предложения) они оговариваются во внутритекстовых или затекстовых примечаниях. Слова, не дописанные авторами, дописываются

в угловых скобках – <...>. Слова, в расшифровке которых остались сомнения, помечены круглыми скобками со знаком вопроса – (?), неразобранные слова – (нрзб.).

Пояснения слов, неизвестных современному читателю, для удобства чтения даются как подстрочные примечания:

* (звёздочка/астериск) – авторские,

*) (звёздочка с закрывающей скобкой) – редактора-составителя.

Арабскими цифрами, набранными на верхнюю линию шрифта, обозначены затекстовые примечания и комментарии. В связи с тем, что примечания и комментарии к разделу «Исследования» подготовила Н. П. Васильева (они написаны в авторской редакции), в этом разделе введено дополнительное обозначение – арабская цифра с закрывающейся скобкой для примечания и комментария редактора-составителя.

В сборнике принята сквозная нумерация затекстовых примечаний в первом и третьем разделах для каждого текста, а в разделе «Материалы» – для каждого автора. В содержание введены адресные ссылки на страницы, где начинаются примечания к конкретному тексту (в круглых скобках курсивом после указания на страницу основного текста).

При составлении примечаний и комментариев были использованы словари, справочные издания, открытые интернет-источники, устные консультации старшего научного сотрудника Омского филиала института археологии и этнографии Сибирского отделения Российской академии наук Ш. К. Ахметовой.

В затекстовый аппарат издания, кроме блока примечаний и комментариев, включающего также указания на источники публикаций, входит список иллюстраций.

Ю. П. Зародова,
учёный секретарь
Омского государственного
литературного музея
имени Ф. М. Достоевского

Список сокращений

ГИАОО – Государственный Исторический архив Омской области

Главлит – Главное управление по делам литературы и издательств

ГЦиНк – Городской Центр истории Новосибирской книги

Д. – дело

Ед. хр. – единица хранения

ИМЛИ – Институт мировой литературы имени А. М. Горького Российской академии наук (Москва)

ИРЛИ – Институт русской литературы (Пушкинский дом) Российской академии наук (Санкт-Петербург)

ИТР – инженерно-технические работники

Л. – лист

ЛИТО – литературно-издательский отдел

НКВД – Народный комиссариат внутренних дел

ОГЛИМД – Омский государственный литературный музей имени Ф. М. Достоевского

ОЛМ – Омский литературный музей

ОМАПП – Омская ассоциация пролетарских писателей

Оп. – опись

ПСЗ-1 – Полное собрание законов Российской империи. Первое собрание

РГАЛИ – Российский государственный архив литературы и искусства (Москва)

Ф. – фонд

ТЕКСТЫ

Александр Новосёлов

Александр Ефремович Новосёлов (1884–1918) – писатель, краевед-этнограф, общественный и политический деятель. Родился в посёлке Железинский Павлодарского уезда Семипалатинской губернии в семье казачьего офицера. Учился в Омском кадетском корпусе, который покинул перед выпускными экзаменами, по-видимому не желая всю жизнь посвятить воинской службе. Через два года сдал экстерном экзамены на звание учителя. Работал в сельских школах Алтая, с 1907-го по 1917 год служил воспитателем Омского пансиона Сибирского казачьего войска. Начал печататься с 1903 года в газетах «Степной край», «Омский вестник», «Жизнь Алтая», «Сибирская жизнь», «Омский день» и других, в журналах «Сибирская неделя», «Сибирские записки», «Жертвам войны», «Летопись».

Новосёлов известен и как учёный-этнограф, проявлявший особый интерес к истории старообрядчества. Действительный член Русского географического общества, Новосёлов совершил несколько научных экспедиций на Алтай и в Казахстан, в районы старообрядческих селений, изучал местные архивы, записывал русский и казахский фольклор, собирал сведения о ритуалах погребального и свадебного обрядов. Из поездок он привёз и передал в Музей Западно-Сибирского отдела Императорского Русского географического общества (ИРГО) богатую коллекцию предметов быта старообрядцев. Выступал в печати со статьями и очерками этнографического характера. В 1913 году в «Записках Западно-Сибирского отдела ИРГО» был напечатан его «Отчёт о поездке на Алтай», а в 1916 году в этом же издании была опубликована обстоятельная статья Новосёлова «Задачи сибирской этнографии», где дано обозрение русской колонизации Сибири, ставится вопрос об особенностях разных групп русского населения Сибири – казачества, крестьян-старожилов (коренных сибиряков, по терминологии автора) и поздних переселенцев.

В годы революции Новосёлов занимается политической деятельностью. В 1918 году вошёл в состав Временного правительства автономной Сибири в качестве министра внутренних дел.

ОДИН И ЧЕТВЕРО

(Киргизская сказка)

Вблизи одного города в поселке джетак^{*} жила вдова с пятнадцатилетним сыном Сиргазой.

Жили они так бедно, что часто, вместо вкусных баурсаков^{*)}, прожаренных в курдючном сале, и чая, пили жидкую куждю^{**} из отрубей, а об мясе и не вспоминали. Редко, когда удавалось попасть им на поминки или свадьбу к богатому соседу, наедались они досыта душистым жирным мясом, опивались кумысом и густым холодным айраном, вспоминая потом об этом долго-долго, до следующего тоя^{***}). Как и другие джетаки, не имели они своего хозяйства, не имели скота и работали по найму у богатых соседей или русских.

Однажды приехали к вдове дальние родственники. Нужно было угостить их: так велит святой обычай. Но чем угостить? Был у вдовы единственный телёнок, добытый долгим и тяжёлым трудом, и велела она Сиргазе свести этого теленка на базар, продать и купить что нужно.

Идет Сиргаза с телёнком, а навстречу ему четверо барантачей^{****}).

Пошли рядом.

– Продай телёнка.

– Купите.

– Сколько хочешь?

– Пять рублей.

– Что ты, за такого-то телёнка?

---

^{*} Джетак – празднолежащий, назван так, как не имеющий хозяйства, на самом же деле у него – ни минуты отдыха; это – сибирский раб. В джетаки попадают все обедневшие, селятся около русских поселов и до старости живут в работниках.

^{*)} Баурсаки (казах. бауырсаки) – жаренные в масле или сале кусочки пресного или кислого теста.

^{**} Куждя – болтушка из отрубей.

^{***} Той – пир, пиршество; свадьба.

^{****} Барантач – тот, кто занимается барантой (казах. барымта) – изначально одна из форм решения родовых споров: угон скота – табунов лошадей в возмещение причинённого ущерба; позднее – набег с захватом чужой собственности.

– Да это – и не телёнок, а гусь! – захохотал один, повернувшись назад.

Оглянулся Сиргаза: действительно, вместо телёнка, переваливается гусь с ноги на ногу.

Горько заплакал он, а четверо стали хохотать над ним, и в конце концов он продал гуся за пятьдесят копеек.

Немного пришлось купить на пять гривен, но делать нечего, поплакала вдова и успокоилась.

На другой день идёт Сиргаза по базару и повторяет вслух:
– Ум есть, да денег нет... Ум есть, да денег нет... Вот если бы были деньги...

Услыхал эти слова бай, подозвал Сиргазу и спрашивает:

– Ну что же ты сделал бы с деньгами?

– Я бы в два дня нажил в десять раз больше.

Захохотал бай, а вместе с ним и все его подручные.

Сиргаза же пошёл дальше.

Но бай задумался и велел вернуть забавного юношу.

– Сколько же нужно тебе денег?

– Две сотни.

Ещё громче захохотали спутники бая, но он жестом остановил их и развязал свою длинную мошну.

– Вот, джигит, получай две сотни. Через два дня я буду здесь опять, и ты должен представить мне две тысячи. Если выполнишь – разделим пополам; если хвастуном окажешься – плохо тебе придётся от моих подручных.

Собравшийся народ дивился щедрости бая и долго шумел на площади, а Сиргаза, поблагодарив бая, отправился в другой конец базара. Там расположены юрты-харчевни, где постоянно толпится чёрный и белый люд и где круглые сутки можно получать кумыс, чай, жареную баранину и вдоволь свежих баурсаков.

Зашёл Сиргаза в первую юрту, отозвал хозяина в сторону и говорит ему:

– Дам я тебе сто рублей и приду завтра с четырьмя товарищами пировать. Пировать мы будем целый день, и, что бы я ни потребовал, всё должно подаваться немедленно. Может быть, на всю сотню съедим, а может, на половину – твоё счастье. Согласен?

Подумал хозяин, прикинул на пальцах и согласился.

– Только уговор такой: приказывать тебе я ничего не буду, а стану помахивать шапкой. Махну в первый раз – распорядись подать по чашке кумысу; немного погодя махну – опять, значит, кумысу нужно; махну в третий раз – подавайте тюстюк*, потом баранину, печёнку с салом, молодую конину – всё как полагается, и всего чтобы вдоволь.

Отдал Сиргаза сто рублей и пошёл в другую юрту.

Отозвал хозяина в сторонку и предложил ему сто рублей за дневное угощение на пять человек, уговорился с ним, когда и что подавать. Подивился хозяин, но согласился с радостью, рассчитав, что пятеро не в состоянии съесть на сто рублей.

Поздно вернулся Сиргаза домой, поел с матерью кужди и лёг спать, всё ухмыляясь про себя.

– Что ты смеёшься? – спросила его мать.

– Да думаю, как бы ты удивилась, если бы я принёс тебе за телёнка тысячу рублей.

Улыбнулась вдова и вздохнула.

Наутро Сиргаза разыскал на базаре четырёх барантачей. Те заметили его, пошептались о чём-то и стали кричать:

– Нет ли у тебя ещё телёнка?

– Не продашь ли ещё что-нибудь?

– Нет, я уж отторговался, всё кончил, хочу обедать идти... Хорошо поторговал сегодня, ищу вот угостить кого-нибудь... Пойдёмте – вы всё же знакомые люди: хоть на полтину, да купили.

Удивились четверо, но пошли с радостью.

Привёл их Сиргаза в первую юрту, усадил на почётное место и важно махнул своей шапкой. Тотчас же явился кумыс. Посидели немного. Махнул Сиргаза опять шапкой – снова подали кумыс. Опять махнул – и принесли им по большому куску тюстюка. Да какого тюстюка! Разве только ханы в старину ели такой тюстюк: жирный, сочный, немного с пригарью!.. Подавали потом на больших блюдах голову с ножками, варёную баранину, много сала и печёнки, молодую конину и снова кумыс. Сиргаза только помахивал шапкой и ни слова не говорил хозяину.

---

* Тюстюк – вырезка из бараньей грудинки с кожей, жарится на палке и подаётся перед едой, заменяя наши острые закуски.

Четверо наелись до отвала, едва встали с подушек и всё удивлялись. Но они изумились ещё больше, когда Сиргаза перед уходом и не подумал расплатиться с хозяином, а тот не только не спросил ничего, но ещё низко кланялся, провозжая гостей.

На другой день Сиргаза опять пригласил четверых на той, повёл их в другую юрту, усадил на мягкие подушки и важно махнул шапкой. Немедленно явилось по громадной чашке кумысу. Опять стал он помахивать, не говоря ни слова, – и кушанья подавались быстро, в изобилии, так что четверо не успевали их съедать и один за другим развязывали свои пояски.

В этот раз скоро покончили с угощением, потому что не могли уже есть. Когда четверо вышли на улицу, Сиргаза стал приглашать их и на третий день.

– Нет, тамыр*), если мы ещё и завтра так наедемся, то, наверное, умрём: не можем больше.

– Как хотите. А если вздумаете, поищите меня на базаре: мне ведь это ничего не стоит, только шапкой махнуть... Прощайте!

Пошептались о чём-то четверо и подступили к Сиргазе:

– Слушай, тамыр, продай нам свою шапку, дорого дадим: нравится она нам.

– Нет, не продам: мне она тоже нравится.

Переглянулись они и, заметив, что Сиргаза хочет уйти, стали упрашивать его:

– Продай, тамыр: хорошие деньги дадим.

– Если продам, то ведь недёшево – меньше двух тысяч не возьму.

– Что ты, ведь шапка – не золотая!

– Как хотите, мне нет нужды продавать с себя шапку.

Долго торговались они, то расходились совсем, не теряя, однако, Сиргазу из виду, то возвращались снова и, наконец, ударили по рукам.

Нехотя получил Сиргаза деньги, спрятал их и хотел было уйти.

– Нет, тамыр, – остановили его, – теперь наша очередь: приходи завтра сюда, угостим на славу.

– Можно, приду.

---

*) Тамыр – друг, приятель, побратим.

Рано пришёл Сиргаза на базар. Четверо уже были там, и вокруг них толпился народ: они всех приглашали на той и нарочно громко говорили между собою, что если гости не поместятся в одной юрте, то можно и другую занять, да и за третьей не станет дело.

Когда народу собралось достаточно, вся ватага, предвкушая обильный ас*, с разговорами и шумом ввалилась в первую юрту и стала рассаживаться. Обрадованный хозяин вынес все подушки, кошмы и ковры, рассаживая посетителей, причём четверо с общего одобрения заняли места посредине.

Один из них вынул из-за пазухи шапку и махнул ею над своей головой. Хозяин предупредительно справился, не беспокоят ли комары.

Махнул другой – хозяин ни с места.

Махнул третий – гости с удивлением стали оглядываться по сторонам.

Четвёртый догадался вывернуть шапку и махнул ею так, что пошибал у соседей аракчины^{*)}.

– Вы что тут размахиваете? Ведь этот джигит деньги вперёд платил, а потом и махал... Заплатите сначала...

Четверо вскочили и накинулись на Сиргазу.

Поднялся общий шум.

– Он обманул нас. Продавал нам такую шапку, чтобы махнуть и подавали всё, чего ни захочешь...

– Ничего я не говорил вам. Кто вам сказал это? Сами попросились, а я продавать-то шапку и не хотел.

Четверо и рты разинули... Гости долго шумели и не скоро разошлись. Сплёвывая аппетитную слюну, они ругали на чём свет стоит хвастливых и глупых людей.

Только что вышел Сиргаза на улицу – по базару едет бай, что дал ему деньги.

– Ну что, джигит, в котором кармане деньги лежат?

Подручные его смеются:

---

* Ас – обед, еда.

*) Аракчин – шапочка типа тюбетейки у народов Средней Азии. Её надевали обычно пожилые мужчины под тюбетейки или шапки, а также носили как домашний головной убор.

– Он этот карман дома оставил, завтра принесёт.
Но Сиргаза молча вынул кошель и подал две тысячи.

Не поверил сначала бай и глазам своим.

– Да где ты взял их? У кого украл?

– Нет, бай, я не украл.

И он рассказал, как рассчитался с четверыми за телёнка.

От души смеялся бай и удивлялся его находчивости, потом отсчитал тысячу и отдал.

Много собралось народу. Все ахали и с завистью смотрели на Сиргазу, а над барантчами долго издевались. Когда же они зашли в одну лавку и начали махать шапкой купцу, их со смехом прогнали с базара.

ИРТЫШСКИЙ КАЗАК

Иртышский казак относится к переселенцу с трудно скрываемым пренебрежением, и этому есть основание. Переселенец в своей массе, из поколения в поколение угнетаемый тяжёлой думой о земле, нечистоплотен и неприхотлив на еду. Даже и здесь в Сибири он не может сразу отстать от вековых привычек: та же тёмная низкая хата, тот же грязный безалаберный двор. А хлеб! Сказалась ли тут мякина, которую подмешивали дома, или что другое, только не всякий казак отважится попробовать произведение крестьянской кухни. Неудивительно: казачка и в будни печёт шаньги, «на которые хоть спать ложись», а в праздник уж редко-редко обойдётся без оладий или чего-нибудь подобного. На это она мастерица.

Жилища казака и бедняка переселенца (а таких большинство) несравнимы. Если крестьянскую землянку со всеми атрибутами перенести в посёлок, она не найдёт в нём места, кроме как на задах, у пригонов, где раскиданы такие землянки джатаков^{*)}. Казачий дом – из плохого, да из дерева и с тесовой крышей; не хватило сил на тёс – стоит без крыши. После каждого ливня баба терпеливо счерпывает воду с потолка, но ей и на ум не придёт

---

^{*) Джатак или джетака – название оседлых казахов, которые не могли кочевать по бедности, занимались земледелием. Также джатаками (казах. жата□) называли нищих.}

понудить мужа сделать крышу из дёрна или соломы, потому что это выйдет «по-крестьянски», а сделать по-крестьянски – значит впасть в дурной тон.

Внутри дом казака среднего достатка обставлен с тем мещанским комфортом, что целиком пришёл из города: обои, русско-го изделия простеночные зеркала, столы, покрытые филейной вязью^{*)}, дешёвые, но яркие картины, на окнах – тюлевые шторы. Всё покупное, «магазинское». В этом особенный шик.

На костюме казак не так разборчив, но казачка вырядиться любит. Не довольствуясь местной лавкой, она терпеливо откладывает по пяткам и гривенникам от продажи молока и калачей «пароходским» и не пропустит ни одного коробейника, не купив у него чего-нибудь втридорога.

Так мудрено ли, что в глазах казака «сиволапый» мужик с его крючковатыми, отёкшими в труде руками, с его всклокоченной головой, в его сермяжном одеянии – существо чуть ли не низшего порядка!

Жизнь не научила казака уважать труд. Он веками воспитывался на труде подневольном, всегда считал его ярмом и постепенно вырабатывал идеал – освобождение от труда.

Здесь необходимо оговориться, что нужно различать казака коренного, плод того генеалогического дерева, корни которого уходят в глубь старины, в глубь времени первого заселения Иртышской линии, и казака приписного, пришедшего далеко позднее, когда уже и коренной казак зажил более или менее оседло.

Приписные, эти потомственные земледельцы, принесли с собой свои старые привычки и на просторном наделе только развили их. Посёлок приписных всегда можно узнать по характерной для зажиточного крестьянина основательности в постройке хлебов и амбаров, по кучам соломы и ещё не тронутым скирдам.

Коренной казак, потомок чуть ли не ермаковской вольницы, как тип дольше всего сохранился вдоль по Иртышу.

---

^{*)} Филейной вязью – речь идет о красивых ажурных скатертях, «филейках», изготовлявшихся в два этапа. Казачки-рукодельницы сначала вязали из ниток крючком сетку, а затем промежутки между ячейками заполняли, вплетая иглой нить настилом или другим швом.

Казачье население с его оригинальным жизненным строем теперь резко вклинивается в более или менее однородную массу пришлого люда, и чем плотней и мощнее делается эта масса, тем сильнее она давит на экономически подгнивший клин.

Как жил казак в недалёком прошлом, как воспитывала его жизнь?

Под словом «казак» обычно принято подразумевать что-то крайне свободное, безудержно-разгульное.

Но видел ли сибирский казак настоящую волю?

Следует оглянуться назад.

Иртышское казачество зародилось искусственно, по воле правительства.

Правительство нашло необходимым прорезать степь живой стеной, и вот в самом сердце враждебной страны как этапы будущей колонизации возводятся одиночные крепостцы. Посаженный в них гарнизон живёт тревожной бивуачной жизнью. На такую жизнь были способны люди, не знавшие семьи; а если кто был вырван из семьи, тот скоро забывал о ней: всё замыкалось узким кругом – казарма и набег. Такая жизнь ни в чём не походила на жизнь в Запорожской Сечи, хотя на первый взгляд и есть данные для проведения параллели. В Сечь шли люди своей волей – на Иртыш гнало начальство. Там неперемное условие для вступления, отречение от женщины, было столько же признаком «лыцарства», сколько и вызывалось необходимостью; здесь одиночество было вынуждено. Там женщину из опасения соблазна гнали; здесь искали её, искали усиленно: делали набег в степь за киргизками, в лучшем случае выменивали девочек и, вырастивши, обращали их в жёны. Русская женщина была редкостью, но если она и попадала в крепость, то опять-таки не по своей воле: на Иртыш вели ссыльных. Какого сорта была женщина, доставляемая таким способом, можно судить по тому, что, например, «из 77 женщин, доставленных в 1759 году на линию через Омск, было сослано: 24 за мужеубийство, 10 – за детоубийство, 1 – за отцеубийство, 1 – за блуд с отцом, остальные за другие крупные уголовные преступления»^{*} Далее,

---

^{*} Щеглов И. В. Хронологический перечень важнейших данных из истории Сибири. Иркутск, 1883. С. 261.

запорожец свободно подчинялся требованиям сурового устава, который он сам же и вырабатывал, свободно отрекался от многих прелестей мира, посвящая свою жизнь идее воли и борьбе за неё, тогда как иртышский казак исполнял приказания свыше. Одним словом, там – полная воля, здесь – тесный круг обязанностей, там – добровольное подчинение личности уставу корпорации, здесь – подчинение за страх.

Жизнь казака протекала среди непрерывных тревог. Неугомонный степняк требовал напряжённого бодрствования. При необычайной лёгкости передвижения киргизские шайки в любой момент являлись в любом месте. Предупреждающая набег степняков сторожевая и разведочная служба поглощала большую часть времени и была главным занятием казака. Нередки были и ответные карательные набег в степь, которые вносили много оживления в серую жизнь.

Позднее, когда в степи стало тише, казак постепенно обзавёлся семьёй и домом. Но мог ли выработаться из него хозяин, когда он по-прежнему не принадлежал себе? По-прежнему он должен был нести разведочную службу, строить и поддерживать в исправности тысячевёрстную засеку, справлять казённую пашню и покос, добывать соль, поднимать тяжёлые дощаники^{*)} вверх по реке и т. д., и т. д.

Даже если у кого и была склонность к земледельческому труду, она гложла навсегда. Бивуачная жизнь наложила столь крепкое клеймо, что и до сих пор оно не стёрлось окончательно.

После того как обессилевший степняк сложил оружие и надобность в казаке, пограничном стороже, миновала, крепостцы, редуты и форпосты понемногу приняли вид обыкновенных оседлых пунктов, но часто наружно; по духу население их оставалось прежним.

Постоянный опекун казака, начальство, в стремлении перевести его с казённого жалования на свободный заработок делало не раз попытку насильственной прививки земледелия. Выписывали из России волов, необходимый инвентарь и приказывали запахать по столько-то десятин. Ослушников не находилось: на

---

^{*)} Дощаник – речное плоскодонное судно, лодка для переправы, перевозки грузов.

этот счет было строго. Но что это была за пашня! Оберегая свою шкуру, казак вёл дело так, что прямого слушания не высказывал, и, однако, спустя несколько лет обязательная запашка отменялась, как не достигшая намеченной цели.

Причина таких неудач та же, что и в опытах настоящего времени, производимых над инородцами, – органическая неподготовленность.

Сторонники форсированного перевода инородца с одной культуры на другую должны со всей серьёзностью относиться к таким примерам истории. Как и в данном случае, они с поразительной очевидностью показывают, что суть дела не в национальности, а в историческом возрасте народа, что если дать кочевнику или зверолову земельный надел, лесу на постройки и необходимый инвентарь, то это не значит, что выполнены все условия, при которых целому племени нет ничего легче, как заняться земледелием. Нет, пока это племя естественно недоразовётся до способности усвоить новый жизненный идеал, пока в данном направлении не изменится его психология, до тех пор не может быть и речи о переменах культуры...

Отвернувшись от земли, казак неизбежно должен был искать источник жизни в чём-нибудь другом, и он весьма внимательно стал направлять свои усилия по линии наименьшего сопротивления. Лозунг, выставленный им, мог быть сформулирован: больше выгод при возможно меньшей затрате труда.

Соседство кочевника-скотовода оказало своё влияние, и хозяйство казака в основе своей приняло характер скотоводческо-скотопромышленный. Но трудно сказать, привилось ли бы оно, если бы обстоятельства не отвечали полностью тем требованиям, какие казак предъявлял вообще к труду.

Искусно пользуясь создавшейся обстановкой, целиком вытекавшей из непосредственного соседства покорителя и покорённого, казак устроился не хуже помещика-крепостника. Весь беспокойный чёрный труд в своём хозяйстве он взвалил на киргиза: киргиз – и работник, и пастух, и ответственный приказчик, от которого хозяин изредка благоволил принять доклад.

Приобрести и умножить стадо не представляло особенных трудностей. Достаточно разорённый обрушившимися на него

обстоятельствами и уже достаточно вкусивший от денежного хозяйства, степняк впадал всё в большую и большую экономическую зависимость от казака и часто сам искал его поддержки, хотя она и обходилась ему недешёво. Среди холодной, голодной зимы он смиренно шёл к линейскому тамыру^{*)} за рублём. Казак давал охотно. Ещё бы! За рубль, много два киргиз обязывался отдать телёнка, причём в течение года он должен был кормить его, так как киргизская корова без телёнка молока не даёт. Если через год киргиз почему-либо не мог отдать телёнка, он просил отсрочки. Казак соглашался ещё охотнее, так как через два года он получал уже двухлетнего, а через три – трёхлетнего быка: таков был священный обычай. Таким образом, проценты за долг вырастали до колоссальных размеров. Называлось это «задавать в телят». Все, кто мог, у кого случались свободные деньги, «задавали в телят»: нельзя было найти предприятия, более выгодного и в такой степени обеспечивающего затраченный капитал. Выделенные из общей массы крупные скотопромышленники объявляли с осени об открытии кредита на «задачу» и не закрывали его, пока не составлялась необходимая партия скота.

И насколько был честен степняк в своих обязательствах, можно судить по тому, что никогда такие сделки не оформлялись иначе, как записью «на память», и не бывало случая, чтобы киргиз отказался. Как ни болело его сердце, он гнал на казачий двор иногда целые табуны, а на следующую зиму шёл опять за рублём. Позднее он научился лжи и изворотливости: он понял, что только с этим оружием можно более или менее успешно противостать натиску тех, кто видит в нём прежде всего источник наживы. Теперь «задают» «в масло», «в кожи», и киргиз, хорошо узнав цену продуктам своего хозяйства, нелегко даётся в руки любителей быстрой наживы. Так что в этой области у казака остались только приятные воспоминания.

Большое значение в казачьем хозяйстве имели промыслы извозный и рыболовный. Но, год за годом, условия жизни менялись, и чем дальше, тем быстрее и ощутительнее.

---

^{*)} Иртышских казаков, служивших на пограничных линиях в составе Сибирского линейного казачьего войска, называли линейцами. Тамыр – друг, приятель, побратим.

Киргиз уже вышел из социального младенчества, и ското-промышленность постепенно вылилась в формы, требующие затраты труда гораздо большей, чем то было раньше. Извозный промысел в корне подорвали пароходы, а рыбная ловля, благодаря экстенсивной эксплуатации, обратилась, скорее, в забаву, кормиться которой уже стало немислимо.

Так во всех отраслях казачьего хозяйства быстро назревал кризис.

Единственным и вполне естественным выходом их создавшегося положения было земледелие. Но нелегко было игнорировать веками воспитанное отвращение к труду. Правда, семья за семьёй, станичники тянулись в поле, но пашня эта ничем не отличалась от принудительной казённой. Пахали как бы между делом, намеренно небрежно и серьёзного значения такому занятию не придавали. Один станичник так охарактеризовал иртышского земледельца: «засеет двумя пудами десятину, сядет за куст и ждёт, когда забредёт киргизский табун. Раза два-три в лето получит за потраву – вот и сыт». В основе этой шутки лежит голая правда: соха была слишком тяжела и неудобна, а земля требовала напряжённого труда и, главное, труда чёрного, чего никак нельзя было сочетать с понятием о «бае», каким казак изо всех сил старался быть перед наивным степняком. Как мог он поступиться тем, чем всегда импонировал кочевнику? Он знал, что достаточно ему протянуть руку к сохе, как тотчас же ореол барства растает и киргиз поведёт себя с ним запанибрата.

Но, не касаясь земледелия, необходимо констатировать, что вообще хозяйство коренного казака велось и кое-где ведётся и теперь при условиях, чуть ли не полностью исключающих прогресс.

Фактическим хозяином в мало-мальски зажиточном казачьем дворе являлся киргиз.

Как логический и неизбежный результат событий XVIII века, врасплох застигнувших девственную степь, в социальном быту кочевника народилось новое явление – пролетариат. Казак воспользовался этим обстоятельством: киргиз-пролетарий попал к нему в работники. Около поселков, на задах, раскинулись аулы джатаков. Дырявые юртёнки, похожие скорей на шалаша, плохо

греют и совсем не защищают от дождя, но обитателям их думать об удобствах не приходит и в голову: день поглощает непрерывная работа, а ночью только бы соснуть. На зиму джатаки переходят в землянки среди скотских пригонов. Там работы ещё больше. Летом киргиз-работник запасает дрова, жерди, колья, вехи, производит неотложный ремонт во дворе, а при случае возводит и новые постройки, потом едет на покос; осенью готовит на зиму пригоны; зимой – на полном его попечении весь хозяйский скот.

А казак вышагивает барином. Он приходит на пригон «досмотреть», сделать внушительные указания, но дальше этого участие его в хозяйстве не распространяется.

Свежего человека, имеющего определённое представление о сельском жителе, поражает то, что и в будни, и в праздник в иртышском посёлке можно встретить большие компании станичников, коротающих время на завалинках. На вопрос, как же ведётся хозяйство, любой из них только снисходительно улыбнётся: «А на что же работник? Работник своё дело знает». Можно представить себе, как справляется киргиз со «своим» делом!

Корень этого явления опять-таки нужно искать в глубине истории казачества. Если вспомнить, что на Иртыше исторически не так давно существовало рабство, то в характере взаимоотношений казака и джатака не останется ничего непонятно-го. Рабство, укоренившись особенно с падением Джунгарского царства, не миновало и Иртыша, тем более, что ещё ранее было узаконено*. Рабы были дешёвы баснословно, но на Иртыше они часто доставались ни за что в качестве пленников. Так, «в 1745 г. казачий отряд в 150 человек из Черлаковского форпоста нападает на аулы Аблая, отбивает 780 лошадей и 92 верблюда и захватывает 48 человек пленных киргизов, которые, по прибытии отряда на линию, были розданы офицерам и казакам в услужение»**. Такие случаи не были редкостью.

---

* Указ императрицы Анны Иоанновны 1736 г.¹

** Путинцев Н. Г. Хронологический перечень событий из истории Сибирского войска со времен водворения западносибирских казаков на занимаемой им ныне территории. Омск, 1891. С. 20.

Уже тогда, на заре оседлости в степи, казак-домохозяин не мог обойтись без посторонней рабочей силы, была ли она вольнонаёмной или подневольной: он периодически отрывался на службу, бросая хозяйство почти на произвол судьбы. Постепенно присутствие киргиза-работника на казачьем дворе сделалось как бы органической необходимостью. Позднее, освобождённый от целого ряда повинностей, казак был более предоставлен себе и имел полную возможность отдаться хозяйству, но вековая привычка крепко стиснула его, вросла в него. Освободиться же от неё он и не делал попыток: не было надобности, благополучие его от этого только выигрывало. Да раб, раскрепощённый юридически, и не думал уходить, ему нельзя было уйти: его сковывала цепь гораздо более прочная – цепь экономическая.

Наличность дешёвой рабочей силы в лице киргиза надолго отсрочила необходимость чёрного труда. Но жизнь с возрастающей настойчивостью выдвигала свои требования, и отступать перед ней, не изменяя прадедовским идеалам, становилось всё труднее.

В инстинктивном стремлении обойти крестьянскую соху, казак пускал в ход всю изобретательность, на какую был способен. Как утопающий, он готов был ухватиться даже за соломинку, и именно такой соломинкой был лес, а не земля. И вот застонали степные колки от стука топоров, заскрипели по ночам везы по направлению к иртышским пристаням. Но... соломинка дала ровно столько, сколько могла, и жизнь подошла, наконец, в упор. Загнавши казака в тупик, она продиктовала ему условия современной экономической формации и заставила принять их полностью.

Каким-то лихорадочным стихийным порывом было стремление казака на пашню. В несколько лет рухнули и рассыпались устои прежнего хозяйства, и на месте их теперь уже значительно выросли новые, вполне способные выдерживать всю тяжесть сложной громоздкой надстройки. Грань между коренным и приписным казаком как-то сразу стусевалась.

Решающее значение в этом процессе имел наплыв русского крестьянства.

Вместе с «казённым» переселенцем-лапотником из России пришёл переселенец-арендатор, искусный эксплуататор земли. Он наглядно показал казаку то, чего последний ещё не имел случая видеть, показал, что и как можно взять от земли. Когда в степи, часто рядом с посёлками, появились хутора с паровыми мельницами, с машинными, лесными и соляными складами, когда на соседних полях зажелтели бесконечные полосы, – казак понял, в чём его спасение. Теперь уже казак, целыми днями просяживающий на завалинке, далеко не типичен, и скоро его смело можно будет перевести в разряд пережитков. Теперь он не посматривает в степь, не идут ли с мукой «мужики», теперь «мужик» у него под боком, но он уже мало нуждается в нём. А давно ли это было: томские крестьяне за двести верст везли муку на казацкую линию, как за Полярный круг, где немыслима зернокультура? Было это чуть ли не вчера.

Правда, коренной казак во многом остался прежним: ещё немало в нём беспечности и лени, ещё не втянулся он в новое хозяйство и не вкладывает в него всю душу, но всё это скоро придёт: жизнь заставит. И как бы ни издевался щеголеватый станичник над крестьянином, он, не замечая того, учится у него на каждом шагу. Уже не редкость видеть в казачьем посёлке саманную постройку, тёплый хлев, соломенную крышу и двухсаженную полевую телегу. Но и на того, и на другого, и на казака, и на крестьянина, нужна культурная узда; оба они хищники, и ненадолго удовлетворит их аппетит сибирский чернозём.

Итак, даже беглый взгляд на историческое прошлое в достаточной степени выясняет причину тех особенностей в характере казака, что с такой резкостью бросаются в глаза.

Целый ряд прочно связанных между собою фактов направил казака по тому пути, на каком застал его век напряжённейшей борьбы за существование и сразу поставил в положение, мало чем отличающееся от того, в каком теперь находится любое инородческое племя: или вычеркивай себя из всех списков, или принимай все условия жизни. Но не может быть и тени сомнения в способности казака выдержать натиск экономического урагана: его природная сметка, веками воспитанная изворотливость уже и теперь дают ему значительный перевес перед забитым

крестьянином. Ещё несколько лет – и коренной казак как тип исчезнет совершенно. Путь его в будущем уже ясно определён, и тем легче ему будет идти по незнакомой дороге, чем чаще и толковее он будет получать указания. Крестьянин его разбудил, но учиться у крестьянина тем приёмам, с какими всего легче высосать все соки из земли, значит, снова поставить впереди себя преграды, дойдя до которых в будущем нужно будет снова биться головой о стену и искать в ней лазеек.

Не допустить его до этого должно быть главной задачей нарождающейся агрономической организации в войске.

Ф. А. Березовский¹

АЛЕКСАНДР ЕФРЕМОВИЧ НОВОСЁЛОВ

Новосёлов был столь крупной фигурой, что будущий историк сибирской литературы и общественного движения в Сибири не сможет обойти молчанием его имя.

Я попытался сообщить лишь некоторые элементы, характеризующие его как человека, писателя и революционера. Но и к этой части моего очерка следует подходить как к субъективной оценке.

Познакомился я с Александром Ефремовичем летом 1909 года в глухую пору Столыпинской реакции.

Однажды ко мне в квартиру вошёл один из партийных товарищей (тоже писатель-беллетрист)² в сопровождении незнакомого лица. Товарищ назвал его фамилию: Новосёлов.

Тогда эта фамилия ничего мне не говорила. Но внешность незнакомца невольно обращала на себя внимание: немного выше среднего роста, стройный, в тёмном изящном костюме, в бело-снежной крахмальной сорочке; а движения медленные, несколько угловатые и лицо жителя сибирских просторов: сухое, чуть-чуть продолговатое с еле пробивающейся светло-русой растительностью; резко очерчены скулы и голубые глаза – напоминающие азиатскую кровь; широкий и открытый лоб, но тоже какой-то особо вырубленный – сибирский; широкий подбородок и тонкие губы; в глазах светится пытливый ум и еле сдерживаемый юмор, который в разговоре нет-нет да и прорвётся. Говорит медленно, твёрдым и сочным баском, а тонкие губы со складкой настойчивости и упрямства часто кривятся в улыбку, которую он старательно сдерживает.

Не мог удержаться, спрашиваю:

– Вы казак?

Александр Ефремович сдержанно смеётся:

– Из этих самых... Железинский³...

Товарищ шутиливо изложил цель прихода:

– Мы к вам, Алексеич, по литературной части... Надо бы начинать. Партийная работа невозможна... Надо хоть литературу двигать...

Я в это время вёл переговоры с неким Круковским⁴, владельцем типографии и редактором, об участии в его газете. Круковский предложил мне стать во главе редакционной коллегии и подобрать сотрудников, не возражая против марксистского направления.

Всё это я изложил своим гостям.

– Вот и великолепно! – сдержанно воскликнул Новосёлов. – Значит, пишем...

– А вы тоже пишете? – спросил я Новосёлова.

Он опять улыбнулся:

– Немного... грешен!.. Да негде печататься... В погани Круковского не хочется пачкаться... А если возьмём газету в свои руки... поставим!

Последние слова Новосёлов произнёс с какой-то упрямой настойчивостью и самоуверенностью.

Литературный кружок, образовавшийся при редакции газеты Круковского, стал издавать небольшой журнальчик.

Новосёлов напечатал первый свой рассказ, обративший на себя внимание.

В рассказе изображалась революционная отрывка 1905 года среди сибирских казаков. Подвыпившие казаки одной из пограничных сотен, чувствуя смутный душевный протест против самодержавного гнёта, объявили забастовку. Несколько человек ушло в горы. Среди горной тайги и пахучих горных трав выпалились. Утром, с больной головой, лёжа на траве и сплёвывая сухую слюну, обсуждали нелепость своего положения и план возвращения в сотню. Кажется, на этом рассказ и кончается.

Я не имею под руками ни одного из произведений Новосёлова, передаю сущность его рассказов и в дальнейшем по памяти. Но и сейчас, через двенадцать лет, передо мной как живые рисуются фигуры угрюмых казаков, их нелепый бунт, алтайские горы, смолистый воздух и эта сухая, перегорелая с похмелья слюна, которую выпавшиеся бунтари поминутно и досадливо сплёвывали. Крохотный рассказик при чтении производил сильное впечатление. В нём выпукло и сочно рисовалась суро-

вая Сибирь и её угрюмые аборигены. В то же время от рассказа веяло чем-то мягким, купринским.

При первой же встрече я высказал Новосёлову свои впечатления от чтения рассказа.

И опять меня поразило: он выслушал меня без малейшего смущения, как будто чувствовал, что иначе и быть не могло.

***

После того как товарищи разочаровались в Круковском, бросили газету и журналчик (который тотчас умер), в конце 1909 года на почве литературных интересов в Омске организовался чисто семейный литературный кружок из Новосёлова, Митрича⁵, Е-ва⁶, А. С-на⁷, поэта Ф-ва⁸ и меня.

Этот кружок существовал несколько лет – вплоть до 1916 года.

Собирались почти еженедельно. Читали новую литературу, свои произведения, обсуждали и спорили. Часто к нам заходили партийные товарищи. Тогда споры переносились в область политических вопросов. В этих случаях Новосёлов разговаривал с кем-нибудь из присутствующих, не принимавших участия в спорах на политические темы. А после тихонько говорил мне, иронически улыбаясь:

– И хочется вам, Алексеич, чепухой заниматься? Ведь ерунда всё это... Зря вечер пропал...

Иногда собирались по-семейному – отдохнуть от одуряющей работы и службы. Но и тут часто не могли удержаться от соблазнительного литературного творчества – сочиняли коллективно роман или рассказ.

Заголовок и начало в большинстве случаев давал беллетрист Е<ршов>, остальные продолжали плести каждый по-своему канву романа. Е<ршов> рисовал свою главу в юмористических тонах и сразу же вызывал смех. Новосёлов продолжал сочным баском, с серьёзной сосредоточенностью на лице и вдруг кончал свою главу таким неожиданно карикатурным финалом, от которого в комнате раздавался гомерический хохот. Сам А<лександр> Е<фремович> сдерживал душивший его смех и лишь вытирал платком катившиеся от смеха слёзы.

Весной 1910 года Новосёлов, Ефремов, я и несколько партийных товарищей решили переехать из города на дачу. Местом для постройки дач выбрали солёное озеро Чёртова Яма, расположенное в восьми верстах на юг от Омска⁹.

По вечерам, после захода солнца, в нашей «Нахаловке», как называлась северная часть «Чёртовой Ямы», стоял невообразимый шум. Сюда почти со всего дачного посёлка собирались детвора и подростки. Разводился из сухой травы высоко пылающий костёр, пелись хоровые песни, рассказывались сказки и весёлые анекдоты; шла непрерывная детская возня; через костёр прыгали и визжали – дети и взрослые.

Александр Ефремович и здесь умел приковать к себе внимание. Обычно он начинал рассказывать какую-нибудь серьёзную историю и кончал опять таким финалом, от которого над Нахаловкой долго стоял непрерывный хохот взрослых и детей.

Причём дети начинали после этого упрасивать его прыгнуть через костёр. Улыбаясь, Александр Ефремович отмахивался от наседавшей детворы:

– Ну вас... не умею я!.. Вот пристали... Ей-богу же не умею!

Он исчезал куда-нибудь в ночную тьму, прятался в задних рядах толпы, окружавшей костёр. А потом вдруг неожиданно вырывался из тьмы и, как мяч, летел через высокое пламя.

Воздух оглашался восторженным рёвом детворы, которая уже не отставала от него до полночи: тормозила его, боролась и бегала с ним взапуски до тех пор, пока он, мокрый от пота, сваливался около костра и, обтирая платком пот, просил:

– Ну, будет, чертенята!.. Ну, сдаюсь!.. Ну чего вам ещё?

Ребятишки торжественно визжали.

***

Вплоть до Февральской революции Александр Ефремович служил воспитателем в казачьем пансионе, в котором дети казачьих офицеров готовились для поступления в кадетский корпус. Кажется, с конца 1911 года Новосёлов стал носить форму военного чиновника. В это время ему было не больше 27–28 лет, а в его русых волосах была уже значительная доля седины. Но его

задушевный характер и жизнерадостность, скрытые под внешней сдержанностью, оставались неизменными.

Служба в пансионе давала ему много свободного времени, и он интенсивно его использовал для литературных работ.

Летом он ездил на Алтай, пользуясь заданиями Омского географического общества по этнографии, и черпал из наблюдений над жизнью алтайских старообрядцев-крестьян материал для своих рассказов.

Один из таких рассказов «На пасеке» обратил внимание всех, кто его прочёл. В рассказе нарисована жизнь пожилого алтайского пасечника-богача, наметившего себе в жёны молодую, красивую девушку. На пасеку приехал молодой жизнерадостный учитель, покорила сердце таёжной красавицы и в несколько дней разбил иллюзии матёрого пасечника. Рассказ написан яркими и сочными красками. Красивая природа Алтая в рассказе сливается с красивыми и радостными переживаниями молодой парочки. При чтении чувствуется непобедимая сила торжествующей жизни, терпкий запах смолистых кедров и аромат сотового мёда.

После этого рассказа некоторые товарищи говорили об Александре Ефремовиче как о будущем сибирском Толстом.

У меня же всегда напрашивалось сравнение Новосёлова с Куприным. И в этом, и в последующих произведениях Новосёлова суровая и своеобразно красивая природа Сибири, угрюмые аборигены-сибиряки под его красочным пером всегда облекались в какой-то мягкий элегический флёр, свойственный лишь Куприну. Даже юмор рассказов Новосёлова напоминает элегический юмор Куприна. Это сравнение ещё больше утвердили во мне рассказы Новосёлова «Санькин марал» и «Жабья жизнь».

При чтении «Санькина марала» в памяти невольно встаёт купринский «Изумруд», а не толстовский «Холстомер». А «Жабья жизнь» своими красками (не фабулой) напоминает купринскую Олесю.

Читая мелкие и крупные рассказы Новосёлова и часто беседуя с ним, я убеждался, что рамки рассказов ему тесны. В его натуре и в приёмах творчества чувствовалась непочатая художественная сила, бьющий через край, но сдерживаемый до поры до времени широкий писательский размах, готовый вылиться

в огромное и сочное литературное полотнище. Попытку такого широкого изображения жизни Новосёлов дал в повести «Беловодье», напечатанной в журнале Горького «Летопись» (там же печаталась и «Жабья жизнь»). Повесть навеяна жизнью алтайских старообрядцев, их древними поисками новой истинной веры, поисками обетованной земли «Беловодья», где сохранилась эта «истинная вера». Как и все произведения Новосёлова, повесть написана широкими и сочными мазками. Здесь Новосёлов, как писатель, рисуется бытовиком огромной силы и огромного размаха.

***

Помимо литературной работы, Александр Ефремович увлекался этнографией, работая в Географическом обществе и, как известно, после Февральской революции увлёкся революционной деятельностью.

Но в этих областях он показал себя наиболее слабым и неподготовленным. В этих областях Новосёлов, несомненно, немало пережил глубоких разочарований. А революционная деятельность привела его к роковой и преждевременной гибели.

Я имел возможность наблюдать Новосёлова в течение восьми лет. И у меня сложилось непоколебимое убеждение, что этот, безусловно, талантливый человек был, на удивление, мягким и чутким к своим и чужим поступкам; как и всем людям, ему свойственны были ошибки и заблуждения, являвшиеся результатом двух особенностей его характера: упрямой настойчивости и болезненного честолюбия. Эти черты характера часто заводили его очень далеко, за грань этически терпимого, и затем заставляли глубоко страдать.

Я вспоминаю выступление Новосёлова с публичным докладом по этнографии в Географическом обществе. Доклад был совершенно неудовлетворительный¹⁰. В нём Новосёлов показал себя не обладающим необходимыми знаниями предмета и чрезвычайно слабым оратором.

Страдали за его доклад мы, друзья его, собравшиеся в количестве нескольких человек; видно было, что страдал и сам он. В разговоре со мной он подтвердил неудовлетворительность и тяжёлые переживания после доклада.

***

Как я уже отметил, политикой Новосёлов не интересовался, по крайней мере до 1916 года, когда он впервые стал проявлять интерес к идеям областничества. И то больше с литературной стороны. К этому времени в Сибири организовалось «Общество изучения Сибири», возглавляемое, кажется, Потаниным и другими областниками. Новосёлов вел с ними переписку. Мечтал о сибирском областном журнале.

И всё же для меня было совершенно неожиданным, когда приехав в июне 1917 года с Кавказского фронта в Омск, я узнал, что Новосёлов состоит в партии социалистов-революционеров и занимает большой административно-политический пост в казачьем войске.

В первый же день мы встретились на «Чёртовой Яме», где по-прежнему он жил летом.

По старой привычке я шутливо спросил:

– Ефремыч! Как вы попали чуть не в атаманы казачьего войска?

Новосёлов ответил подчеркнуто серьёзно:

– По выборам, Алексеич... ничего не поделаешь... выбрали! Вы ведь знаете казаков... если их предоставить самим себе – натворят!.. А за мной они пойдут... Сейчас в них просыпается старая вольница... истинная демократия.

– А как вы попали к эсерам?

Александр Ефремыч подумал и также серьёзно продолжал:

– Долго думал – куда идти?.. И решил: эсеры сейчас единственная партия, умеющая понять интересы революционной России и отвечающая требованиям переживаемого момента... Кроме того, это партия, которая не замыкает человека в узкие догматические рамки и даёт каждому члену возможность выявления всех своих интеллектуальных способностей... Даёт человеку возможность всесторонне проявить своё многогранное «я»... А у вас – душно!.. Впрочем, вы ведь знаете: я и прежде был индивидуалистом и вашей программы никогда не разделял...

А я слушал его и в голове решал: что возьмёт верх в этом незаурядном человеке – политическое честолюбие или огромный литературный талант?

Несомненно было одно: милого, простого, до слез хохочущего Александра Ефремыча не стало. Передо мной сидел человек с напускным чванством, настойчиво рвущийся к большой политической карьере, ради которой он принесёт в жертву и свой талант, и свою любовь к литературе.

Свои размышления я решил выразить вслух, облачая в мягкую форму:

– Бросьте, Ефремыч... Пишите лучше рассказы и повести... Политика вам не свойственна. Кроме разочарований, она ничего не принесёт вам... Партия, так же как и литература, берёт всего человека...

Александр Ефремыч улыбнулся и самоуверенно произнёс:

– Пустяки... Не боги горшки обжигают! Можно совместить и то и другое...

Он остановился и после небольшой паузы, с какой-то упрямой настойчивостью, закончил:

– Нет уж, Алексеич... Будем работать!

Через неделю я уехал на фронт и больше уже не встречался с Новосёловым.

Вернулся в Омск в мае 1918 года и узнал, что Сибирской областной думой Новосёлов избран министром внутренних дел. Это известие и известие о бегстве Новосёлова от большевиков в Китай меня не удивило.

Сидя в Омске, в концентрационном лагере¹¹, осенью 1918 года получил ошеломляющее известие об убийстве Новосёлова.

Это было в дни колчаковского переворота. Новосёлов приехал с Востока и занял пост министра в правительстве Директории.

За день или за два до переворота к квартире Новосёлова на автомобиле подъехали два офицера и пригласили его на заседание Совета министров. В действительности же увезли в какую-то квартиру, окружённую казаками. Теми самыми казаками, которых Новосёлов идеализировал как «демократическую силу», готовую идти за ним. Там ему предложили подписать прошение об отставке и убираться из Омска. Как говорят, Новосёлов отказался выполнить предъявленное требование.

Это было похоже на него.

А дальше дачные сторожа Загородной рощи рассказывали о такой сцене.

Утром в Загородную рощу въехал автомобиль и остановился в глубине рощи, около глубокого рва. Из автомобиля вышли два офицера и один штатский. Все трое медленно направились вдоль бровки рва, мирно беседуя. Через несколько минут один из военных несколько приотстал, выхватил из кобуры револьвер и в упор выстрелил в затылок штатскому. Взмахнув руками, штатский упал. Тогда двое военных взяли его за ноги, стащили в ров и там ещё раз выстрелили. Затем сели на автомобиль, быстро уехали в город.

Это колчаковские наймиты расправились с непокорным Новосёловым.

Убийцы-золотопогонники получили от «Верховного правителя» щедрую денежную награду, а товарищ Новосёлова по партии и по министерским креслам эсер Вологодский лицемерно пролил слезу и... назначил семье покойного 25 тысяч рублей пособия.

Жутью веяло от рассказов о гибели Новосёлова.

Некоторые товарищи, сидевшие в лагере, знали его как эсера и как писателя. Первым известиям об убийстве не поверили. Через два дня сомнения рассеялись.

К кружку, обсуждавшему событие, подошёл один из товарищей и полусушутя, полусерьёзно продекламировал:

– Братья-писатели! В нашей судьбе что-то лежит роковое...

Все замолчали.

В душе боролись сложные чувства. Новосёлов был нашим политическим противником. На нём лежала доля ответственности за бушевавшую в Сибири реакцию и за то, что мы сидели под охраной чехов. В то же время до боли было жаль талантливого писателя, окунувшегося в водоворот не свойственной ему жизни и погибшего от рук культурных дикарей и вероломных «друзей».

А. С. Сорокин

О СМЕРТИ И ЖИЗНИ ПИСАТЕЛЯ

Я был в Павлодаре, у меня там умерла дочь. И в это время мне сообщили об убийстве Новосёлова. Сообщавшие с наглостью

говорили: «Вы должны быть рады, он был ваш враг», – но не радовался я, я плакал. Правда, А. Е. Новосёлов, признавая мой талант, во время издания в 1915 году¹ сообщил мне, что моя рекламная деятельность и восхваление себя недопустимы и если я не брошу эту деятельность, то мне будет объявлен бойкот с этого времени.

Кружок писателей, группировавшихся около Новосёлова², переменил ко мне отношение: мне не стали подавать руки, и я был исключен из сотрудников многих сибирских изданий. Мне пришлось работать три года под псевдонимом, несколько раз писатели хотели примирить нас, но из этого ничего не выходило: каждый из нас верил в свою правоту. А эти две правды были слишком противоположны. Когда настали дни революции, состоялось примирение: тут при Олениче-Гнененко³ и Вяткине⁴ мы подали друг другу руки. Потом мы встречались часто у А. Оленича-Гнененко, и примирение было полное. Я многое получил от Новосёлова, киргизские и староверческие мои рассказы всецело вытекают из творчества А. Новосёлова, правда, у каждого из нас была своя техника писания. Новосёлов был бытовик, я символист...

Когда группа писателей снималась со старым писателем Сибири⁵, Митрич сказал: «Поставьте их рядом, это большие писатели, гордость Сибири». И мы снялись стоя рядом, хотя оба смотрели в противоположные стороны. Слишком различны были наши пути.

В той стране, <где> не уважают писателей, где Новосёлов служил смотрителем школы, в той стране, где старый семидесятилетний Митрич давал уроки прапорщикам, где Артём и Оленич были конторщиками, где Гребенщиков⁶ был писарем, поэт Феоктистов прислужником в монастыре. В той стране, где гениальный поэт Тачалов⁷ был разносчиком газет и музыкантом в весёлом доме... где Вс. Иванов⁸ был клоуном и год таскался с шарманкой и обезьяной, показывал фокусы. В той стране, где от голода И. Славнин⁹, поэт, делается вором, я, А<нтон>С<орокин>, не для себя, а на благо будущих писателей нагло закричал о своей гениальности. Это мне было стыдно делать, это мне было позорно делать, мне, скромному человеку. Но гибнуть не хотелось, быть хроникёром не хотелось. Подчиниться судьбе сибирских писателей не хотелось.

Фотография на память: (слева направо) стоят А. С. Сорокин и А. Е. Новосёлов; сидят А. И. Ермолов, Н. В. Феоктистов, М. М. Сиязов, В. Д. Соколов (Митрич), Ф. А. Березовский. Омск, 1914

Реклама принесла мне вред и позор, но имя моё стало известно даже и в столицах. И меня печатали...

В судьбе же сибирских писателей это роковое неизбежно, вот почему и погиб Новосёлов. Митрича хоронили шесть человек, Сиязова двадцать человек. Новосёлова-министра хоронили тысячи с музыкой, но, если бы он умер писателем, его хоронили бы тоже не больше десятка близких друзей.

Каждый день в газете «Дело труда» печатаются воззвания о пожертвовании в пользу семьи и на памятник, и эти пожертвования поступают в рублях. Казалось бы, Сибирь должна дать тысячи и сотни тысяч человеку, так много сделавшему для Сибири. Однако этого нет. Как о писателе нет статей. Писатели сибирские молчат. Ничего не пишут о погибшем своём товарище...

Нельзя убивать человека, но убить писателя талантливого — преступление, которое нельзя назвать на языке человеческом.

Омск, 22 октября 1918 года

Антон Семёнович Сорокин (1884–1928) родился в Павлодаре в богатой купеческой семье. Окончил в Омске шесть классов мужской гимназии. Сменил множество профессий. Учился в иконописной мастерской, занимался торговлей кожей и солью. До 1919 года служил счетоводом в Омском управлении железной дороги. В советское время работал регистратором в пригородной больнице. Печататься начал с 1900 года в сибирской периодике. По собственному признанию, написал более двух тысяч рассказов. Наиболее известные произведения Сорокина – монодрама «Золото», переиздававшаяся четыре раза при жизни автора, и повесть «Хохот жёлтого дьявола». Сорокин отличался эксцентричным поведением, его имя было окружено ореолом сенсаций, скандалов и мистификаций, по всей Сибири он снижал репутацию графомана и саморекламиста. О своих выходках в «белом» Омске Сорокин, объявивший себя королем сибирских писателей, рассказал в книге «33 скандала Колчаку». Сорокин также занимался фотографией и живописью, устраивал выставки своих картин под открытым небом, используя городские заборы. Дом А. С. Сорокина по улице Лермонтова, 28 был своеобразным литературным клубом, где собирались люди творческих профессий, устраивались писательские собрания и чтения. В 1928 году Сорокин по дороге из крымского санатория, куда не был принят по причине открытой формы туберкулёза, скончался в Москве, где и был похоронен на Ваганьковском кладбище.

ВЕЧНАЯ ЖИЗНЬ¹

Господа присяжные судьи, да, я убил профессора Бернарди, моё убийство кажется бесцельным, как выяснило следствие, я не был ни врагом профессора Бернарди, ни воспользовался деньгами, хотя и имел возможность взять из несгораемого шкафа около двадцати тысяч рублей и бежать за границу. Но я не взял, напротив, я пришёл и заявил, что я убил профессора Бернарди, я, его лучший друг. Я не хотел сказывать причину, которая побудила меня совершить преступление. Я совершил преступление

и должен нести возмездие. Я отказался от защитника, но вот ночь перед судом я не спал и думал, я пересмотрел вновь эти причины, которые заставили меня совершить убийство, и пришёл к заключению, что я не мог не убить профессора Бернарди. Было бы преступление оставить этого человека живым. После таких мыслей я решил защищаться. Я плохо владею языком и не буду так красноречив, как прокурор, настаивающий на том, чтобы ко мне была применена высшая мера наказания, потому что я убил профессора, чтобы воспользоваться замечательным научным открытием профессора Бернарди. Прокурор сравнивал меня с предателем. Профессор Бернарди считал меня лучшим другом, делился своими мыслями, посвятил меня в свои научные открытия. И вот, когда профессору Бернарди удалось сделать замечательное открытие, я из зависти убил профессора. Дело было не так: профессор и я работали над открытием лекарства против чахотки, проработав десять лет, испробовав различные соединения химических веществ, наконец мы открыли новое соединение, которое назвали энезоль,² – настойку. Это было средство против чахотки, на каждое новое открытое средство мы возлагали большие надежды. Когда это средство было применено на больных, то получились такие блестящие результаты, что превзошло наши мечты. Больные через пять минут становились здоровыми и жизнерадостными, подумайте, через пять минут после вспрыскивания. Как вам известно, профессор Бернарди был старик, ему было семьдесят лет, и вот, чтобы испытать на себе новое средство, так как больные жаловались на страшную боль по всему телу в течение пяти минут... по его просьбе я сделал вспрыскивание, и случилось чудо. Через три дня профессор помолодел. Морщины разгладились, он стал совершенно молодым и даже через неделю женился на молоденькой девушке...

После мы сделали вспрыскивание самым старым столетним старухам и старикам. Старухи и старики становились молодыми. Чудесное средство энезоль очищало кровь от вредных бактерий старости. Обновлённая кровь восстанавливала полуразрушенную ткань, и сказал профессор Бернарди:

– Мы открыли замечательное средство. Отныне по милости профессора Бернарди и ассистента Дейнеки Эльворти челове-

чество будет бессмертно... Завтра же эта весть полетит по про-
волокам всего мира. Тысячи газет возвестят человечеству веч-
ную жизнь...

Мы легли спать. Я долго не спал, я думал о том, что мы
принесли человечеству: избавление от всех болезней и смерти
или вечную жизнь и большее страдание из-за куска хлеба, чем
имеем мы теперь. Я думал: «Хорошо, все люди будут вечные,
потому что им будет делаться впрыскивание энезоля, что тогда
получится – быстро размножится человечество, и уже не будет
хватать хлеба, и будут умирать с голода, а вечные люди, дорожа
своим богатством, не будут ничего давать детям, что будет тогда...
Тогда будет беспрерывная война за жизнь и хлеб...».

Когда я на другой день всё это сказал профессору Бернарди,
он ответил, что я прав, но можно впрыскивать только людям,
выдающимся своими умственными способностями. И тогда более
умные, способные, те, которыми гордится человечество, будут
вечны. Разве не хотели бы люди, чтобы были вечно живы Гёте,
Шекспир, Толстой, Андреев или Шуман, Шопен, Бетховен или
Рембрандт, Шишкин, Верещагин... «Но что они сделают во всю
свою вечную жизнь? – сказал я. – Одни напишут тысячи книг,
другие тысячи тысяч романсов, опер, третьи – тысячи тысяч кар-
тин... Не вечно ли и сейчас человечество? Разве, умирая, стари-
ки не передают свою жизнь детям...».

– Не будем об этом рассуждать, мы сделали великое откры-
тие и не вправе его утаить... Сию же минуту мы должны изве-
стить газеты о нашем замечательном открытии.

Я сказал: «Нужно подумать, прежде чем отдать откры-
тие людям». Профессор Бернарди сказал: «Не будем об этом
думать. Сейчас же напиши рецепт и отправь в газеты». Я отка-
зался исполнять это поручение. Тогда профессор Бернарди стал
писать сам... И когда он писал, я говорил: «Чего хочет профессор
Бернарди? Славы... Но что такое слава... для вечного Бернар-
ди... Для вечного Бернарди нужны деньги, деньги... а то забу-
дут вечные люди Бернарди, и будет, быть может, Бернарди про-
сить милостыню, и никто не даст. Так будет переполнена земля
вечными людьми. Криком, стоном, проклятиями, убийствами
наполнится мир».

Профессор Бернарди писал, а я подошёл и выстрелил в голову профессору Бернарди, в мозг, в тот мозг, который изобрёл вечную жизнь... Я также бы убил того ножом, кто изобрёл порох... Открытие профессора Бернарди для мира было бы более вредным и принесло бы более ужасные мучения... Я уничтожил рецепт. Если можете – судите... Если можете, если смеете – судите спасителя человечества.

Проклятые люди... За что меня засадили в сумасшедший дом...

Ассистент Эльворти.

ЧТО ТАК ЖАЛОБНО ПОЮТ

Редакция журнала «Шмели» справляла двадцатипятилетний юбилей секретаря редакции Андриана Платоновича Пискарёва в ресторане. Юмористы и сатирики говорили так хорошо, что старик растрогался и заплакал... А потом сказал:

– Господа, приглашаю вас всех ко мне отобедать... К тому же и новоселье отпраздновать... Домик свой купил... Небольшой домик, и нельзя сказать, чтобы в центре города, но всё-таки умру спокойно: семью обеспечил...

– На какие же это деньги вы купили домик? – спросил юморист Авдеенко.

– На свои собственные, двадцать пять лет копил... Но не думайте, господа, что я скопил из жалования... Жалования мне едва-едва хватало... У меня был посторонний доход... тысячу рублей в год... Всего за двадцать пять лет я накопил с процентами тридцать тысяч.

– Вот что... это интересно, какой же это доход?

– За домик я дал тридцать тысяч, слава богу, семью обеспечил...

– Это уже не домик, а дворец... Ну-ка, Андриан Платонович, сказывайте, откуда у вас такие деньги? – спросил юморист Авдеенко.

– Рассказывать долгая история... Вы не знаете, молодые. Когда я поступил секретарём редакции при основании, я просил отдавать все непригодные рукописи мне... Этот пункт вошёл

в условие... Ежедневно я стал сначала уносить непригодные рукописи, а потом увозить на одной лошади... а затем на двух и на трёх... Редакция была удивлена таким обилием рукописей, а дело объяснялось просто... Я писал авторам открытки, чтобы ещё присылали побольше, писали покрупнее и оставляли поля побольше, может, что-нибудь пригодится... Рукописи почти все на обыкновенной писчей бумаге, на одной стороне написано, а другая – чистая. Вот я открыл фабрику пакетов для мелочных лавочек... Как видите, дело шло хорошо... Через двадцать пять лет я имею свой домик...

– А не знаете, сколько же рукописей вы переклеили на пакеты?

– Сосчитано, всё сосчитано... Самые лучшие рукописи – это поэтов. Их было получено за двадцать пять лет один миллион четыреста тысяч рукописей от одной странички до двухсот... Потом идут прозаики. Получено восемьсот рукописей от тридцати двух страничек вплоть до романов в триста страниц. А один послал полное собрание своих сочинений, переписанных на ремингтоне¹ в половину листа. Всего тридцать два тома по пятьсот страниц... Затем идут юмористы и сатирики, от них я получил два миллиона рукописей. Всего за двадцать пять лет я превратил в пакеты двадцать пять тысяч пудов рукописей... Как сказал сатирик Пугачёв, в других редакциях печки топят, на отопление хватает на зиму... Выпьем что ли коньяку по рюмочке... А о писателях говорить скучно... Сколько их, куда их гонят, что так жалобно поют...

Но почему-то рассказ секретаря Пискарёва произвел тяжёлое впечатление. Юмористы и сатирики стали прощаться и разъехались. И каждый вспомнил, как много он извёл бумаги, пока его заметили и стали печатать и платить деньги.

КНИГА ЕККЛЕЗИАСТА, ИЛИ ПРОПОВЕДНИК ДЛЯ ПИСАТЕЛЕЙ АНТОНА СОРОКИНА

От публикатора

Предлагаем познакомиться с неизвестной рукописью А. С. Сорокина, одного из оригинальнейших сибирских писателей. Он называл себя «королем писателей», «первым сибирским рекламистом». О его скандальных выступлениях ходили легенды, но эпатажная маска не заслонила талантливую интересную автора. Творчество Сорокина наделено нравственно-философской направленностью, которая оформлена в дидактические новеллы-притчи, часто на библейские сюжеты. «Книга Екклесиаста, или Проповедник для писателей» относится именно к этому жанру.

«Екклесиаст» – название книги, входящей в состав священных канонических писаний Ветхого Завета. Автор её выступает от имени царя Соломона в последние годы царствования. Екклесиаст объявляет суетными все дела и труды человеческие, пишет о невозможности познать всё.

Подобно священной книге «Екклесиаста», рукопись Сорокина также имеет двенадцать глав, также изображает суету и ничтожество только не всего земного, а писательской жизни. «Слова Екклесиаста, сына Давидова, царя в Иерусалиме...», – так начинается текст древней книги. «Слово Екклесиаста писательского Антона Сорокина первого короля шестой державы» – начальные строки сочинения Сорокина. Но наша цель не сравнительный анализ двух произведений, а желание познакомить с интересной находкой из литературного наследия колоритного сибирского писателя А. С. Сорокина.

Рукопись была обнаружена в архиве сибирского писателя Кондратия Никифоровича Урманова¹, который хранится в Городском Центре истории Новосибирской книги (Новосибирск).

На наш взгляд, персональный фонд Урманова интересен как источник для изучения не только творческого наследия писателя, но и его литературного окружения (Вс. В. Иванова, Н. И. Анова, Л. Н. Мартынова, Е. Н. Пермитина, И. Е. Ерошина, В. Я. Зазубрина...).

Н. И. Левченко

Глава 1

1. Слова Екклезиаста*) писательского Антона Сорокина, первого короля шестой державы.

2. Суета сует в писательстве и искусстве, сказал Екклезиаст писательский Антон Сорокин. Всё суета сует.

3. Что пользы писателю от его книг. Гонорар за строчку, превращённый в хлеб и квартиру, не счастливее ли его всякий ремесленник.

4. Приходят и уходят писатели, печатаются и исчезают книги и вновь печатаются.

5. Восходит и заходит солнце, приходят писатели и уходят, и их многолетний труд что дела однодневки-подёнки.

6. Идёт ветер к югу и переходит к северу и кружится на ходу своём, слова и мысли – не ветер ли в мозгах человеческих, не возвращаются ли обратно мысли, уже прошедшие.

7. Все реки текут в море, но море не переполняется. Все книги читаются, и умом люди не переполняются.

8. Не может писатель рассказывать всего, что писалось и что будет писаться. Ничего не напишешь нового, чего не было написано ранее.

9. Бывает, о чём говорят – смотри: вот это новое, но это было написано ранее.

10. Не помнят долго мысли писателей, и что будет написано – недолговечно.

11. Я, Экклезиаст писательский, был королём шестой державы в Омске.

12. И продал я душу и сердце моё тому, чтобы исследовать и испытать мудростью всё, что делается под солнцем. Это тяжёлое занятие для писателя, и упражнялся в нём.

13. Много я перечитал книг и вижу: всё суета и томление духа.

14. Кривое нельзя назвать прямым, и, чего не написано, нельзя читать.*

15. Говорил я в сердце моём так: вот я возвеличился и приобрёл мудрости больше всех писателей, которые были до меня, и душа моя видела много мудрости и знания.

---

*) Так в источнике

16. И предал я сердце и душу мою тому, чтобы познать мудрость, познал безумие и глупость, узнал, что и это томление духа.

17. Потому что во mnogой мудрости много печали, и кто умножает познание – умножает скорбь.

18. Лучше быть идиотом, чем Антоном Сорокиным, потому что каждый идиот посмеётся над мудростью, не утруждая ума.

Глава 2

1. Сказал я в душе своей: дай я испытаю тебя весельем, и писал я юмористику для смеха, в «Сатириконе»² и «Будильнике»³ печатался, но и это суета.

2. О смехе сказал я глупость.

3. Вздумал я усладить себя славой и душу сделать глупой. Мои рекламы были остроумны и многочисленны, как рекламы о гильзах Катыка⁴.

4. Предпринял я большие дела. В мыслях я владел всем миром.

5. Выстроил дворцы, насадил парки, сотворил новых людей и жизни.

6. Я был всемогущ в творчестве, я вёл войска в битву, я творил новые неведомые миры, я был всемогущ, как Бог, и богат, как Соломон.

7. Мудрость моя пребывала со мной.

8. Чего бы ни пожелала душа моя, всё я мог сделать и удовлетворить ненасытную душу. Питал я её стихами, и драмами, и романами, и рассказами, рисовал картины.

9. Мудрость моя была большей, чем бывших до меня.

10. Сократ, Эзоп, Магомет, Шекспир – всё это нищие духом перед моей мудростью.

11. Чего ни пожелала душа моя, все исполнял я, и радовалась душа моя, и это было отрадой в трудах моих.

12. Оглянулся я на все дела свои. Вот я написал 24 тома по 320 страниц, напечатал за 20 лет 2000 рассказов по 200 строчек и вижу: всё суета сует. Семя, брошенное на камень, не дает плода.

13. И обратился я к самовосхвалению и рекламе, ибо что может ещё сделать писатель сверх того, что уже сделано мною.

14. И увидел я преимущество глупости перед мудростью. Глупым жизнь дает упитанное жиром тело, а мудрость сушит тело.

15. У мудрого глаза в душе, а глупый не видит мозгами, но одинакова участь у обоих. Душой я писал сценарии для кино, и мои глаза души через экран были достоянием глупцов.

16. Для чего же я стал мудрым? За 5 рублей можно купить 24 тома Льва Толстого и перечувствовать мысли гения. Так дешёва мудрость.

17. Умные книги таскаются на толчке вместе с глупыми и погибают наравне.

18. И возненавидел я искусство.

19. И возненавидел я сотворённую жизнь в своих книгах.

20. И не знаю я, кто мои читатели. Кто заплатит рубль за книгу и десять копеек попадут мне, а остальные издательству, редактору, наборщикам, а за десять копеек возьмут мои мысли, как цветы, и бросят под грязные ноги. Глупые за десять копеек будут распоряжаться трудом моим, которым я трудился и стал мудрым.

20⁵. Бесплодны блудницы, не таковы ли и книги, общедоступные по цене, захватанные грязными руками. Зараза на грязных страницах, на загнутых уголках, а книги в библиотеках с подклеенными листами не то же ли, что заштукатуренные белилами и покрашенные румянами морщины блудниц.

21. И обратился я, чтобы внушить душе своей отречься от всего труда и уничтожить, не хотел я так дешёво продавать свою мудрость.

22. Трудился я с знанием и мудростью и должен сделать свои мысли публичными.

23. И что я буду иметь за это? Меньше чем лавочник и калашница с обжорки*).

24. Все дни мои скорби, мои труды, беспокойство, и даже ночью душа моя не знала покоя и творила новые жизни.

25. И всё-таки моя мудрость не питала меня и послала считать на счётах в здравотдел Омдора⁶.

26. Копил я мысли, как ростовщик золото, чтобы за копейки отдать идиотам.

---

*) Обжорка – обжорный ряд, рынок, где продаётся готовая еда.

Глава 3

1. Всему своё время. Всякая книга необходима в своё время.

2. Время выпускать книгу, время продавать в магазине, время тащить на толчок, и время нести страницы в мусорную яму.

3. Время творить, и время молчать.

4. Время юмористике, время футуристическим книгам и имажинистическим, символическим, время порнографии. Всякой книге своё время. Время призывать к убийству, и время призывать к мирным трудам.

5. Время рассылать книги приложением к журналам, и время переплести их и ставить на библиотечные полки.

6. Время получать гонорар за строчку, и время покупать на эти деньги пищу для новых мыслей.

7. Время молчать. Иногда молчание писателя следовало бы оплачивать гонораром по часам и дням.

8. От пищи зависят мысли: какова пища, таковы и книги.

9. Книги воскрешают прошедшее, и не 50 лет живёт человек, а тысячи лет, благодаря книгам. Мы знаем мысли и персов, и египтян, и всех народов.

10. Бездарного и талантливому писателя одинаково судят идиоты и критики, неудавшиеся писатели.

11. И сказал я в душе своей. Писатели, помните теорию Дарвина. Вы животные, умеющие писать книги, но участь ваша одна, и нет преимущества перед скотом. Что пользы тебе, известному писателю, свои мысли навязывать другим и заражать своими мыслями мозги другого. Каждая собака счастливее тебя. Она думает только для себя, не для других. Всё суета сует.

12. Наступит время, и мертвыми будут твои книги.

13. Настанет время, и никто не вспомнит твои книги, и будут курить на толкучках свёрнутые странички, собачьи ножки с вонючей махоркой.

14. И так увидел я, что нет ничего лучше, как наслаждаться писателю мыслями своими, ибо это доля его, ибо доживают писатели до того, что видят свои мёртвые мысли на барахолках и в пыли архивов, библиотек. Не лучше ли от позора сохранить свои мысли?

Глава 4

1. И обратился я и увидел всякие угнетения. Вот слёзы угнетённых, а утешителя у них нет, в руке угнетающих их сила, редактора и издатели морят талантливых писателей голодом, а бездарные живут сыто.

2. И ублажают мёртвых, которые давно умерли с голода, издают их книги в сафьяновых переплетах с золотым обрезом на бумаге Верже⁷, с иллюстрациями, на меловой бумаге, а живые таланты мёрзнут и голодают, и их мысли никому не нужны, пока живы сами писатели, а потом, когда они умрут, о них напишут биографии, опишут жизнь такой, какой они не знали, и издадут их, и поставят их книги рядом с классиками.

3. И блаженнее их всякий лавочник и парикмахер.

4. Видел я, что слава писателю приносит и врагов, и вражду, и зависть.

5. Бездарные живут лучше талантливых, потому что бездарных читателей больше.

6. Лучше один хлеб, заработанный любимым ремеслом, чем вино и масло, заработанные писательством.

7. И увидел я ещё суету на земле.

8. Писатель бездарный, а читателей у него много, и платят ему деньги за бездарные мысли.

9. Легко порвать одну нитку и не порвать втрое скрученную. Легко читать бездарные книги и тяжело читать талантливые, и потому многих талантливых писателей знают по имени, а книг их не читают.

10. Лучше талантливая книга, изданная на плохой бумаге, чем бездарная на бумаге Верже.

11. Береги свои мысли и не отдавай самые ясные, а то останешься с опустошённой душой.

Глава 5

1. Пиши меньше, а то я видел многотомные писания тех, кто гонялся за построчным гонораром и утопил душу свою в многословии.

2. Ибо как сновидения бывают от множества забот, так и глупые книги познаются по множеству глупых слов.

3. Лучше не писать никаких книг.
4. Не позволяй устам осуждать твоих прежних мыслей. Старик вспоминает дни детства, так и ты относись к прежним мыслям.
5. В множестве сновидений, как и в множестве снов, много суеты.
6. Если видишь притеснение талантливого писателя и нарушение справедливости, не удивляйся: бездарные всегда дружно действуют против талантливых.
7. Кто любит золото, не насытится золотом, и кто любит мысли, и того не насытят мысли, и это суета.
8. Умножаются книги писателя, умножаются и читатели, и какое благо для создавшего книги.
9. Пресыщенный мыслями не заснёт спокойно.
10. Есть мучительный недуг: богатство мыслей во вред телу.
11. Родит талантливый писатель сына, и будет он бездарным.
12. Какая же польза писателю трудиться на ветер?
13. Для живота трудится писатель.
14. Талант – пища для человека и наслаждение.

Глава 6

1. Есть зло, которое видел я на земле, и оно часто бывает между людьми.
2. Писатель талантливый голодает, а наслаждение жизнью получает издатель.
3. Если какой бы человек родил сто детей и прожил бы многие годы и тело его не наслаждалось бы довольством, я бы сказал, что собака счастливее его.
Если бы писатель написал сто томов, а не пользовался бы платой и его книги не издавались бы, я бы сказал: переписчик счастливее его.
4. Напрасно приходил такой писатель и отошёл в небытие.
5. Все труды писателя для рта его, и душа не насыщается.
6. Какое же преимущество писателя перед читателем, разве только одно: писатель получает деньги за мысли, а читатель платит за книгу.

7. Лучше видеть глазами, чем иметь обнажённую душу, чувствующую боль человеческую, как глаз свет.

8. Ибо кто знает, что хорошо для писателя во все дни суетной жизни, и кто скажет писателю, что будет с его произведениями после смерти его.

Глава 7⁸

1. Доброе имя писателя даёт больше дохода.

2. Писатели страхов и ужасов заработают больше, чем юмористы, помните это.

3. Обличение даёт доход писателю, а потому не бойтесь обличать.

5. Видел я такую суету: нравственный писатель ради денег сеет разврат, не делает этого.

6. Лучше читать книги мудрых обличающих, чем слушать песни смеха и веселья глупцов.

7. Творчество юмористов то же что треск тернового хвороста под котлом. И это суета.

8. Притесняя писателей, известный писатель делается глупым, а гонорар повышенный убивает творчество.

9. Не пиши книги в гневе: будет глупая книга.

10. Не говори, что прежде писателям жилось лучше: это не от мудрости.

12. Хорошо быть писателем богатым.

13. Потому что золото дает жизнь мыслям.

14. Во дни благополучия писатель не создаёт талантливых книг.

15. Всего насмотрелся я в жизни: талант гибнет, а графоманы наслаждаются жизнью.

16. Не говори много о мудрости своей: это, кроме врагов, ничего тебе не даст.

17. Хорошо, если кроме писательского ремесла ты знаешь ещё какое-нибудь.

18. Скромность мудрого делает его мудрость в 10 раз больше.

19. Читатели, не обращайтесь внимание на всякое слово, если бы его написал и известный писатель. Бывают писатели рабы читателей.

20. Ты должен знать, что и ты бываешь рабом талантливостого писателя.

21. Кто говорит: я мудр – мудрость и талант далеки от него.

22. Кто исследует мудрость и разум – найдёт глупость и безумие. Сорные травы растут среди пшеницы, боясь таких сорных мыслей.

23. Никогда не пиши про любовь: пусть о любви пишут бездарные.

24. Вот что я нашёл и сказал, Экклезиаст писательский Антон Сорокин.

25. Одного писателя из тысячи нашёл я, а писательницы женщины не нашёл.

26. Только я нашёл, что мысль человеческая затемнена многословием и понятное стало непонятным, ибо пустились люди во многие помыслы.

Глава 8

1. Писатель не властен над творчеством, чтобы удержать свои мысли, и нет спасения в борьбе творчества с здравым смыслом.

2. Бывает время, когда творчество властвует над человеком и делает его как бы безумным.

3. Не скоро открываются вредные мысли в книгах, и потому не страшатся писатели говорить всё, что не следует.

4. Есть и такая суета на земле: талантливых писателей постигает то, чего бы заслуживали графоманы.

5. И сказал: нет ничего лучше заработать больше денег, продать мысли и купить пищи и веселья, и это даст опять новые мысли.

6. Когда я обратил сердце моё на то, чтобы постигнуть мудрость, и обозрел дела, которые делаются на земле, то нашёл, что многие писатели утруждают себя непосильными мыслями и должны лечиться в доме сумасшедших, от яркого света слепнут глаза, от многот мудрости слепнет душа.

7. Сколько бы писатель ни писал, всего он не запишет, даже своих мыслей.

Глава 9

1. Всему и всем одно, одна участь таланту и бездарности.
2. Это-то и худо. Во всём, что делается на земле, иногда писателя злого, безумного делают известностью, потому что много безумцев на земле.
3. Писатель бездарный, читаемый живёт лучше, чем писатель талантливый, нечитаемый. Собаке живой лучше, чем мёртвому льву.
4. Пройдёт время, и нет чести писателю, и никто не читает их книг, и так пей, ешь, веселись, пока читают твои книги.
5. Наслаждайся жизнью, ибо трудно ремесло писательское.
6. Пиши больше, пока оплачиваются твои рукописи, потому что, если ты не будешь работать, к чему ты способен, ты не знаешь ничего делать, даже переписчиком и то не способен быть.
7. И видел я, что не проворным достаётся успешный бег, не храбрым – победа, не мудрым – хлеб, и не у разумных – богатство, и не искусным – благорасположение, но время и случай для всех их.
8. Ибо человек не знает своего времени, рабы попадают в сеть, птицы запутываются в силках, так и писатели гибнут от многословия.
9. Вот какую мудрость видел я под солнцем.
10. Выпускает писатель небольшую книжку, и книга ходит, тысячи книг пишут, печатаются тысячи писателей, и небольшая книжка кормит сотни тысяч людей.
11. Мудрость лучше силы, и слова мудрых, высказанные сжато и спокойно, читаются лучше, чем истерические выкрики глупцов.
12. Мудрость сильнее оружия, и часто книги превращаются в грохот орудий, потому что нужно писать книги обдуманно.

Глава 10

1. Мёртвые мухи портят и делают зловонной благовонную масть мироварника^{*)}, то же делает небольшая глупость известного писателя.

---

^{*)} Мироварник – библейск., мастер, составляющий благовонную мазь и курения.

2. Книги мудрости пишутся писателем годами, глупые книги тянутся днями.

3. Дурака не спрашивай: сам скажет, глупую книгу узнаешь по многословию.

4. Видел я бездарных писателей, живущих богато, и талантов, живущих голодом.

5. Критики, злословящие молодой талант, обречены на гибель.

6. Легче таскать камни, чем читать глупые книги.

7. Злоязычные книги опаснее змей.

8. Слова мудрого дороже денег, слова глупого – убыток.

9. Начало книги – глупость, и конец – безумие.

10. Глупый бросает слова и радуется больше, чем богач, помогающий деньгами.

11. Труд глупого – утомление для его тела.

12. Горе тебе, земля: ты обременена книгами. Фундамент культуры – книга.

13. Книга облетает мир, как птица.

14. Благо тебе, земля, когда люди не имеют книжных листов, засиженных чёрными точками – гигантскими мухами ротационок^{*)}.

Глава 11

1. Рассылай книги свои для отзыва: по прошествии времени увеличится требование на книги.

2. Бывают книги, переполненные жалостным чувством, и читающие проливают слезы.

3. Кто следит за читателем, тому не писать, и кто наблюдает за продажей книг, тому не издавать.

4. Никто ещё не знает пути творчества.

5. Пиши каждый день: мысли – улетающие птицы.

6. Книга-царица может сердцам повелеть.

7. Приятно читать хорошо изданную <книгу> в переплёте.

8. Бывают вечные книги, и никто не знает их долговечность.

Тайна, когда умирают дети и живут старики.

9. Удаляй печаль от сердца своего, когда пишешь книгу.

---

^{*)} Ротационка – полиграфическая печатная машина с вращающимися цилиндрами, между которыми проходит бумага; ротационная машина.

Глава 12

1. Придёт время, и скажет писатель: «Нет мне радости от моих книг, для чего я потерял время?».

2. И умрёт писатель, и понесут его гроб три-четыре человека, а умрёт блудница – повезут её на катафалке, и провожать будут сотни человек, она одна наградила болезнью, и её провожают, писатель сеял слова разума, и никто его не провожает.

3. Суета сует, сказал Экклезиаст писательский Антон Сорокин, король шестой державы.

4. Кроме того, что Экклезиаст был мудр, он учил писателей к дружной жизни, он испытал много: был купцом, счетоводом, фотографом, художником – восемнадцать было у него профессий.

5. Старался Экклезиаст приискать слова мудрости и изящные символы.

6. Слова его как вбитые гвозди.

7. А что сверх всего этого, то берегись составлять много книг: конца не будет, и много читать утомительно для тела.

8. Сущность творчества – красота и краткость.

9. Слушай суфлёра и повторяй слова: таково творчество, душа – театр, творчество – суфлёр, пьеса – книга, читатели – зрители.

10. Всякая книга – слова души человека, и потому не суди строго глупых книг, как ты не осуждаешь идиотов.

6 мая 1922 года

Николай Васильевич Феоктистов (1884–1950) родился в городе Змеиногорске Алтайского края в семье почтово-телеграфного служащего. Учился в семипалатинской мужской гимназии, из восьмого класса которой был исключён за организацию забастовки.

С 1906 года начинает службу корректором, литературным сотрудником в газетах «Семипалатинский листок», «Омский телеграф» и «Сибирская жизнь». Публикует в газетах и свои стихи. В 1913 году в омском издательстве «Печатное искусство» вышла первая и единственная поэтическая книга Феоктистова «Стихи». И эта же книга стала первой авторской поэтической книгой, изданной в Омске.

Во время Гражданской войны Н. В. Феоктистов работал в омской газете «Революционная мысль», был редактором органа Совета казачьих депутатов «Вольный казак». В 1918 году был арестован за большевистскую направленность газеты и приговорён к расстрелу, но ему удалось совершить побег из Омской тюрьмы. С 1920 года Феоктистов вернулся к литературной деятельности. Обладал яркими организаторскими способностями, вокруг него группировались молодые поэты Леонид Мартынов, Павел Васильев, Евгений Забелин, Сергей Марков, Василий Казин, Иван Ерошин. Им была организована Семипалаинская ассоциация пролетарских писателей. В 1920-х годах Феоктистов – ответственный редактор губернских органов печати в Кзыл-Орде и Петропавловске, редактор радиогазеты в Новосибирске, заместитель редактора Центральной рабочей радиогазеты в Москве. В 1932-м в Москве была издана книга «Песни киргиз-казаков», представленная как переводы с казахского П. Н. Васильева, Л. Н. Мартынова, С. Н. Маркова и Н. В. Феоктистова, на самом деле туда вошли оригинальные стихи этих поэтов. Своим первым редактором с благодарностью называли Феоктистова Сергей Марков, Кондратий Урманов, Николай Анов и др.

Во время Великой Отечественной войны находился в эвакуации в Самарканде, в 1944 году переехал в Москву.

ИЗ КНИГИ ВОСПОМИНАНИЙ «СТРАНИЦЫ ЖИЗНИ»

СВЯТОЕ СЕМЕЙСТВО

Давно это было. После возвращения из Петербурга, вынужденного не только моей материальной необеспеченностью, но и, главным образом, потому что моя особа стала объектом слишком пристального внимания полиции, побывав в родном для меня Семипалатинске, осенью 1911 года я возвратился в Омск. С учёбой, очевидно, было покончено навсегда. Передо мной встал вопрос о работе. Ещё в Семипалатинске незадолго до отъезда в беседе с матерью, я понял, что в Семипалатинске мне оставаться нельзя: здесь меня знала каждая собака, причём не было секретом и то обстоятельство, что вместо аттестата зрелости у меня в кармане лежит волчий паспорт – памятка гимназической «забастовки» в 1905 году¹.

Памятуя об этом, я даже не делал никаких попыток устроиться куда-либо на государственную службу. Это было совершенно безнадежно. Работа у местных Тит Титычей, т. е. частная служба, претила мне, да я бы и «не ужился» ни у кого из них. Манила меня сцена, и я уже попробовал свои силы на театральных подмостках в качестве любителя, в качестве актёра, и даже не без успеха. Но... Театр требовал абсолютной свободы, а я был скован и, прежде всего, привязан к семье. Отец умер, я остался старшим в семье, на руках была старушка-мать и младший брат, которого я пытался «вывести в люди». Уезжать от них далеко я не мог. Оставалась ещё газетная работа, о журнальной я уже не говорю. В Сибири тогда был единственный тощенький журнальчик «Ленские волны», издававшийся где-то на севере². Словом, из Семипалатинска надо было уезжать, там в то время даже газеты не было. Я так и сделал.

Приехав в Омск, попытался я поступить в Омскую контрольную палату. Приняли. Стал я писать и переписывать какие-то бумажки. Не лежало у меня сердце к этой работе. Тем не менее – старался. Я знал, что даром денег не дают. Не помню уж, сколько я получал жалованья. Мало что-то. Начальником у меня был молодой довольно симпатичный человек, некто Курепин. Он много работал. Я старался от него не отстать. Это, по-видимому, обра-

тило его внимание на меня. Стали мы кой-когда разговаривать. Из этих бесед я понял, что он службист довольно умный, видимо, что-то заставляло его «очень стараться» для того, чтобы выбиться, а он, очевидно, тоже убедился, что я – парень не дурак, к тому же грамотный, и он решил, видимо, помочь мне тоже выбиться из трудной и нудной канцелярской лямки. Управляющим Омской контрольной палаты был статский генерал Николаев. Мне надлежало, по совету Курепина, поговорить с ним, сказать, что я серьёзно хочу стать настоящим контрольным чиновником, дабы он дал мне соответствующий ход. Это было в его власти. Как-никак, а, видимо, они тоже по-своему там «подбирали кадры». Не помню уж, как назывался тот первый «кадр», который я должен был освоить, кажется – «счётный чиновник». Так вот должности такого счётного чиновника я должен был добиваться.

Написал при содействии Курепина заявление и через несколько дней предстал пред светлые очи начальника Контрольной палаты. Помню, что одет я был довольно прилично, держаться мало-мальски умел, но особенной прыти в чиновничестве не проявил. Кратко рассказал свою несложную автобиографию. Всё шло хорошо, но чем-то, очевидно, я всё же начальству не понравился. Выслушал, правда, меня он довольно благосклонно. Задал мне несколько вопросов, на все я ответил благополучно, но последний ответ, когда он спросил, что я буду делать, если мое ходатайство будет отклонено, останусь ли я в Контр<ольной> палате на службе, – я чистосердечно заявил, что в таком случае нам придется расстаться с вами, Ваше превосходительство.

Прямота и определённость ответа, по-видимому, решили мою судьбу: на другой день Курепин с грустью заявил мне, что Его превосходительство не счёл возможным удовлетворить мою просьбу ввиду краткости моей службы в Палате. Он очень уговаривал меня возобновить просьбу через месяц, так как тогда уже будет у меня два месяца службы и т. д. Но я поблагодарил Курепина и тут же подал ему заявление на имя Николаева с просьбой немедленно освободить меня от работы в Палате.

Такая «фронда» была по тому времени дерзостью, и меня не задержали...

По правде сказать, я даже рад был такому обороту дела. Жаль мне было только милого человека – Курепина: он оставил во мне самые хорошие воспоминания.

Надо сказать, что храбрость и решительность моих решений определялись не только моими личными качествами. Да я просто даже не имел права так поступать, рискуя остаться безо всякого заработка, но ещё до моей решительной беседы с генералом Николаевым в кармане у меня лежала записка редактора-издателя местной газеты «Омский телеграф» Иосифа Марковича Познера, приглашавшего меня зайти к нему в редакцию для переговоров. Я не был в неведении о характере и целях предстоящей беседы с Познером. В течение двух предшествующих лет Познер печатал на страницах своей газеты «Омский телеграф» много моих стихотворений (правда, ни копейки не платя мне за них). Особенно охотно он печатал мои стихотворения, которые я посылал ему из Петербурга в бытность мою студентом сельско-хозяйственного института им. Каракаша³. А как бы мне пригодился тогда этот поэтический гонорар в мои бедственные студенческие годы! Но я не просил, а сам он... не догадался, что надо бы малость поддержать парня. (Но об этом как-нибудь после.)

Я предполагал, что Познеру нужен литературный работник. Если бы переговоры окончились неудачей – у меня ещё была возможность поехать в Томск и попытаться устроиться в «Сибирской жизни». Там тоже уже было напечатано несколько моих стихотворений. Но в Томск надо было ехать, а денег для поездки у меня не было. Надо было как-то договариваться с Познером Иосифом Марковичем.

И вот я у Познера. Надо сказать, что это была не первая наша встреча. Не знаю, как он, а я его помню с Семипалатинска. «Я знал его ещё тогда – в те баснословные года», когда носил синий гимназический мундирчик с белыми пуговицами и узким серебряным позументом на воротнике мундира. Был я тогда подростком, только что начал писать стихи и стал интересоваться девушками. Не помню, в котором я тогда был классе, кажется в пятом. Словом, я находился в том возрасте, «когда нам новы все впечатления бытия...». И вот в это самое время вздумалось жене мест-

ного (семипалатинского) вице-губернатора Екатерине Степановне Ницкевич, представительной кавалерственной даме (бывшей фрейлине императрицы Марии Фёдоровны), организовать у себя на дому танцкласс для соответствующего обучения наиболее «способных» гимназистов и гимназисток. У самой Марьи Степановны была дочка-подросток Марочка, правда воспитывалась она дома при помощи специально приглашённой гувернантки-англичанки. Марочка эта была тогда ещё совершенно бесформенной девочкой с коротким туловищем и чрезмерно длинными ногами. Возможно, что забота о своей дочке доминировала (да иначе и быть не могло) в этих хлопотах рачительной мамы об организации танцкласса. В Семипалатинске того времени легко можно было обучиться верховой езде, но танцам невозможно, да и не у кого. Но Екатерине Степановне что называется «повезло». Среди чиновников областного правления нашлось несколько молодых людей, поклонников Терпсихоры, и среди них оказался даже почтенный областной лесничий – Иосиф Маркович Познер. Вот ему-то и поручена была роль семипалатинского Ногеля*. Он оказался моим первым учителем танцев, и ему я обязан репутацией хорошего танцора-плясуна в годы моей юности. В числе немногих «счастливчиков» я был отобран «самой» Екатериной Степановной в число учеников её танцкласса и присутствовал на вступительной лекции И<осифа> М<аркови>ча, когда он вводил нас в тайны искусства Терпсихоры. Я оказался одним из «способнейших» учеников и через два месяца танцевал как... Сильфида. (Как часто, «придя в меру ума и возраста», я жалел о том, что не проявил таких способностей в математике!)

Губернатором в Семипалатинске в те годы был небезызвестный генерал (Богданович? – скобки и знак вопроса автора. – Ю. З.), убитый потом в Уфе⁴. По случаю первого выпуска танцкласса (второго уже не было) губернатор устроил бал в своём губернаторском доме. (Дворцом называть его никто не рисковал.) Мне довелось принять участие в этом празднике не только в качестве одного из «успешно закончивших» школу Терпсихоры, но и в качестве декламатора. Читал я помню «Альпухару» Бенедиктова... Познер выступал в качестве распорядителя на балу

* Знаменитый учитель танцев в Москве в первые десятилетия XIX века.

и лихо плясал мазурку. Потом всё это рассыпалось и разбежалось. Правда, мне тяжело пришлось расплачиваться потом за то внимание, которое мне было уделено когда-то Екат<ериной> Степановной. На вечерах я просто боялся встречаться с ней. Дело в том, что дочка «ея превосходительства» Марочка подросла и стала не меньше своего *papa* – бывшего кавалергарда. Вообще она превратилась в довольно нескладную длинную девицу с коротким туловищем и длинными ногами. Танцевать с нею было сущим наказанием не только малорослым юношам, но и тем, кому грозила возможность быть принятым в гвардейские полки. Приглашать Марочку на танцы кавалеры избегали, и часто можно было видеть её грустно сидевшей со своей монументальной мамашей. Помню, что мне несколько раз приходилось при встрече с Екатериной Степановной (когда я вовремя не успевал удрать от неё) слушать её укоризненные слова: «Коля, что ж вы не танцуете с Марочкой? Подите, пригласите её на вальс или на мазурку...». Делать было нечего, и бедный Коля шёл и раскланивался перед саженой девицей, которая часто по забывчивости опускала руку не на плечо, а на... голову своему кавалеру. А он, не достав рукой до слишком высоко расположенной талии, хватался за... что придётся, и... она уносила его в вихре вальса. Однажды во время вальса на повороте в большом зале общественного собрания Марочка оказалась одна: кавалер не удержался и отлетел куда-то в сторону... Но я слишком отвлёкся от темы моего повествования.

Прошло несколько лет. И. М. Познер оставил службу и по примеру многих ушёл в деловой мир расправлявшей крылышки крупной буржуазии. Он стал дельцом – коммерсантом-предпринимателем. Делец он был, что называется, «высокой пробы». Когда я приехал в Омск в 1911 году, Познер был уже домовладельцем и жил в своём большом каменном доме с большим садом, на въезде в Загородную рощу⁵, за знаменитым в своё время садом Губаревой⁶. Постоянно на бирже в кругу таких же «предприимчивых» людей, искателей счастья и лёгкой наживы. Уже тогда я (так в рукописи. – Ю. З.) стал каким-то образом совладельцем больших земельных участков на левом берегу Иртыша, за мостом возле будущего Куломзина⁷. Достойным товарищем его

в этой земельной спекуляции был немец Филипп Филиппович Штумпф⁸. На стороне Познера было то преимущество, что он был образованным и умным человеком. По происхождению он был еврей, принявший православие. Женился в Семипалатинске на дочери советника Обл<астного> правления – фон Герн. Жена его, Екат<ерина> Владимировна, была довольно бесцветная дама. Были у них две дочери: Катя и Зоя.

Когда-то, ещё в студенческие годы, Познер каким-то образом соприкасался с журналами, даже пытался сотрудничать с Н. А. Некрасовым в «Современнике», словом, он знал силу печатного слова, и неудивительно, что, сделавшись буржуазным дельцом в Омске, начал издавать газету «Омск<ий> телеграф». Писал статьи и любил подписывать их псевдонимом «Граф-Теле». Не столько его литературные способности (которые у него всё же имелись), сколько тот факт, что он был редактором-издателем своей газеты, позволяли ему часто заявлять о себе: «Я – человек-перо!». Но лавры Бальзака ему, конечно, только снились.

Я уже не помню деталей нашего свидания с И. М. Познером в Омске, но встретил он меня не то что радушно, а даже как-то радостно. Он сразу предложил мне начинать у него работу в «Ом<ском> тел<е>граф<е>» в качестве заведую<щего> редакцией (тогда такого термина ещё не было) и секретарём. Жалованье – 100 руб. в месяц. По тем временам это было очень неплохо. Я так был обрадован возможностью сразу устроиться на хорошо оплачиваемую работу, что не стал входить в подробности, согласился и через день уже начал свою работу. Такая «решительность» с моей стороны и полное отсутствие реплик относительно круга моих обязанностей, видимо, очень понравились Познеру. Он немедленно ввёл меня в курс работы, познакомил со своим братом, тогда ещё молодым человеком, выполнявшим в газете обязанности «отв<етственного> редактора», Виктором Марковичем (довольно сухим и малосимпатичным человеком). Познакомил с управл<яющим> конторой Владимиром Андреевичем Гончаровым и его женой – зав<едующей> подпиской и проч<ими> конторскими делами Екатер<иной> Константиновной, корректором – Василием Петровичем Голубевым – милым, хорошим,

весьма образованным и умным человеком (в 1907 году – он оказался Вас<илием> Петров<ичем> Громовым, сыном иркутского прокурора – револ<юционером>-социалистом (эсером) левого крыла), с типографией (у Познера была своя типография): метранпажем Ёлкиным и с «красой и гордостью» «Омского телеграфа», недавно приглашённым фельетонистом Борисом Владимировичем Лехно. Обо всех этих людях необходимо сказать несколько слов, но не сейчас, так как воспоминания о них увели бы меня далеко от темы моей повести о «святом семействе»⁹, повести, записать которую я считаю своим долгом, для выполнения этой моей задачи я не остановился даже перед прекращением (пока её не закончу) всех остальных моих работ.

Итак, продолжаю. С Познером мы, в общем, поладили. Газету свою он называл «органом свободной мысли», и, надо сказать, он стремился сохранить за собой репутацию честного человека и публициста в рамках той относительной «свободы», которая процветала тогда под эгидой Степного генерал-губернаторства, возглавляемого генералом Надаровым¹⁰. Познер был типичный либерал-предприниматель. Он как-то умел вести свои дела так, что газета оставалась газетой, а его коммерческая предпринимательская деятельность шла своей колеёй, и хотя, конечно, «Омск<ий> телеграф» и в этой области его деятельности играл роль «столпа», на который она опиралась, но прямого отношения как бы не имела. Словом, он стремился, насколько это было возможно, остаться человеком и дельцом так сказать в двух ипостасях. Мне, как журналисту, он дал в газете довольно большую автономию. Это меня радовало, и по временам я искренно забывал, что редактор-издатель «Омского телеграфа» не только «человек-перо», как он любил говорить о себе, но и биржевик, делец-предприниматель.

Работая в газете, постепенно я знакомился с омским обществом того времени, у меня возникали связи с отдельными общественными деятелями. В небольшом кругу моих знакомых были «Митрич» (Владимир Дмитриевич Соколов¹¹) – старый народовец, с которым я познакомился ещё в Семипалатинске, куда он был выслан, Мих<аил> Мих<айлович> Сиязов¹², Александр Ефремович Новосёлов, Сергей Клементьевич Воронков (бывш<ий>

редактор сатирического журнала «Сибирская строка»¹³). Это люди, близкие мне по своим убеждениям, общему складу идей и убеждений. Были у меня и другие знакомые – из адвокатуры братья Шипилины, писатели Антон Семёнович Сорокин¹⁴, Артемий Ильич Ершов¹⁵ и другие.

Познер обычно заезжал в редакцию около двух часов дня, уже побывав на бирже и закончив свои личные хозяйственные и коммерческие дела. Знакомился с телеграммами Российского телеграфного агентства и в общих чертах с содержанием следующего номера газеты. На это уходило не больше полутора часов, после чего с полчаса мы беседовали. Однажды в одну из таких бесед я сообщил Познеру, что в Омске организуется литературный кружок, принять участие в котором приглашён, между прочим, и я. Организатором этого дела была группа местных литераторов во главе с Александром Ефремовичем Новосёловым, который и передал мне приглашение прийти на организационное собрание, которое должно было состояться у одного из участников будущего литературного кружка – Березовского Феоктиста Алексеевича.

Познер, поинтересовавшись составом приглашённых и узнав, что в числе их находятся Сиязов, Митрич, А. С. Сорокин, очень одобрительно отозвался о всех участниках за исключением одного – Березовского.

– Вот что, Николай Васильевич, дело это хорошее, и я рад, что вы примете участие в кружке, но вы здесь человек новый, знаете далеко не всех, и я хотел бы сказать вам несколько слов о Березовском. Ведь вы с ним ещё незнакомы, и вам предстоит первая встреча с ним у него на квартире, где будет проходить организационное собрание вашего кружка.

Я насторожился. Нужно сказать, что до сих пор, когда я рассказывал ему о моих новых знакомых в Омске, Познер никогда и ни о ком не отзывался отрицательно, но, когда я назвал фамилию Березовского, он как-то брезгливо усмехнулся и высказал мне своё предостережение.

В это время нас прервали. Вошёл метранпаж Ёлкин и репортёр Каплин. Я сдал материал для набора в завтрашний номер, принял хронику от Каплина и отпустил его.

Когда мы снова остались одни, Познер вернулся к прерванному разговору.

– Так вот, Николай Васильевич, имейте в виду, что Березовский, рекомендуя себя каждому встречному и поперечному ярым революционером и демократом, в действительности весьма тёмная и крайне несимпатичная личность. Я, зная вашу несдержанность, и горячую молодую любовь к людям, и доверчивость, считаю своим долгом предупредить вас: будьте осторожны в соприкосновениях с этим человеком. Он далеко не тот, кем хочет казаться.

Я поблагодарил за предупреждение, но в то же время попросил Познера сказать, в чём же собственно выражается порочность этого человека.

25 ноября 1949 года

СТЕПНАЯ ЖАКЕРИЯ¹

По материалам восстания в Казахстане в 1916 году.

Расширенное либретто для киносценария

Девиз: «У каждой эпохи свои есть герои...»

Действующие лица:

Муса Тургаев.	Мэри – дочь губернатора.
Сабит Тургаев.	Марсеков – помощник присяжного поверенного.
Биткул.	Распопин – казачий офицер.
Мать Мусы.	Армейский генерал.
Малеванный – староста.	Жандармский полковник.
Поп.	Соболев – чиновник особых поручений.
Дьячок.	Кораблёв – шофер.
Чингожин – волостной управитель.	Фон-Киниц – крестьянский начальник.
Омре – певец-акын.	Ушаров – полицейский урядник.
Смагул – кузнец.	
Ванька – сельский писарь.	
Старая киргизка.	
Губернатор.	Киргизы, казаки, стражники.

Примечание:

Казахи везде именуются «киргизами» в целях сохранения существовавшей в то время терминологии.

Автор

I

Жаркий июльский солнечный день. Большой переселенческий посёлок в степи. Церковь, поповский дом, дом сельского правления, торговая лавка, саманные хаты крестьян-переселенцев.

Церковная колокольня, на верхнем ярусе колокольни, у колоколов, дьячок (звонарь) и мальчик лет десяти напряжённо смотрят вдаль, на уходящую в холмы степную дорогу. С колокольни видно, как вдали появляется небольшое облако пыли. Мальчик тормозит отца, хочет бежать вниз. Дьячок удерживает сына. Оба ещё некоторое время смотрят на дорогу. С колокольни виден в клубах дорожной пыли запряжённый тройкой коней тарантас. Позади тарантаса два скачущих всадника.

Дьячок отпускает мальчика, тот кубарем спускается вниз по колокольной лестнице.

Тарантас, запряжённый тройкой коней, быстро приближается к околице. В тарантасе в белом кителе с полковничьими погонами, развалившись на подушках, сидит крестьянский начальник. На облучке (на козлах) рядом с кучером – полицейский урядник. За тарантасом – верхом на взмыленных конях два конных стражника с винтовками.

Ямщик стегает коней. Тройка несётся во весь опор.

На колокольне дьячок, поглядывая на дорогу, звонит во все колокола, приплясывая на доске, к которой привязаны верёвки от колокольных языков.

Тройка лихо с бубенцами и колокольчиками подкатывает к церковной паперти. С паперти спускается поп в полном облачении с крестом в руках. За попом молодой паренёк в стихаре, в руках у него миска с водой и кропило.

За попом степенно выступает сельский староста с бляхой на груди. Он держит блюдо с хлебом-солью. Полотенце покрывает блюдо, на котором лежит каравай хлеба.

За старостой – лавочник и несколько человек хорошо одетых крестьян-стариков.

Тройка останавливается у паперти. Урядник быстро соскакивает с козел и помогает крестьянскому начальнику выйти из экипажа. Крестьянский начальник «прикладывается» к кресту. Поп благословляет его крестом, потом кропит водой. За крестьянским начальником тоже самое проделывают стражники.

Крестьянский начальник принимает от старосты переданный ему с низким поклоном «хлеб-соль» и передаёт блюдо уряднику, который относит всё это в тарантас.

Поп быстро разоблачается, сбрасывая ризу и епитрахиль на руки прислуживающему причетнику, который уносит весь этот церковный «сайман»*) в церковь. Поп подходит к крестьянскому начальнику, здоровается, пожимая его руку обеими руками, заискивающе и радостно улыбается.

В сопровождении свиты крестьянский начальник направляется к дому попа. По дороге к дому попа крестьянский начальник быстро передает пачку бумаг старосте. Староста уходит.

Сельское управление. Староста наклеивает на доску, висящую у входа в правление, одну из только что полученных от крестьянского начальника бумаг. Около объявления несколько любопытных. Читают наклеенное на доске высочайшее повеление и приказ губернатора о реквизиции киргиз на тыловые прифронтовые работы. (На экране полный текст приказа.) Около доски быстро собирается толпа, преобладают женщины и старики.

К крыльцу поповского дома подъезжает тройка в сопровождении конных стражников. Остановилась у крыльца. Собирается небольшая толпа, люди идут от сельского управления.

На крыльце появляется крестьянский начальник в сопровождении попа, попадьи, лавочника и других.

Крестьянский начальник, простившись с попом, попадьёй, направляется к тарантасу. Из толпы навстречу ему выходит молодая красивая крестьянка:

---

*) Сайман – оборудование, снаряжение².

– Ваше благородие, староста сказывал, что приказ вышел кыргызов на войну гнать. Так, может, наших мужиков теперь возвратят? Мочи нет без мужиков-то. Одни снохачи на селе почитай остались. Работать некому...

Крестьянский начальник, обращаясь к старосте:

– Растолкуй ей, что киргиз берут не в замену, а в помощь нашим доблестным воинам.

Садится в тарантас.

Кожевенный завод в городе. У чанов работают полуголые люди. Среди рабочих мощная энергичная фигура киргиза Муса.

Один из русских рабочих подходит к Мусе с газетой в руках («Областные ведомости»). Читает приказ о реквизиции степного населения на тыловые прифронтовые работы.

(На экране «приказ».)

– Да, Муса, видно, и до вас очередь дошла...

Муса берёт газету из рук рабочего, долго, задумчиво смотрит на неё. Потом отдаёт газету товарищу и, сняв фартук, решительно идет к умывальнику.

Муса, уже одетый, в конторе кожевенного завода получает расчёт.

II

Большой киргизский аул в степи. С одной стороны степная равнина переходит в невысокие пологие холмы, с другой стороны – озеро, камыши.

С холма спускается всадник. Он торопит усталого коня. Подъезжает ближе – это Муса.

До аула уже дошли плохие вести о реквизиции киргиз на тыловые прифронтовые работы. Весь аул как растревоженный муравейник. Группы людей, обсуждающих печальную новость. Многие женщины плачут, встречаются плачущие старики.

Муса едет по аулу, здороваясь с некоторыми из встречных. Миновав аул, Муса останавливает коня у одной из крайних юрт.

Между кустов чия протянут волосяной аркан, лежащий на земле. Спешившийся Муса привязывает к аркану чембур своего коня.

Выбежавшая из-за юрты собака с лаем набрасывается на Мусу, он отгоняет собаку камчой (бичом), направляется к юрте. Быстро открывает дверь и входит в юрту.

Внутренность бедной казахской юрты. Посредине очаг, от которого поднимается лёгкий дымок. За очагом против входа сидит старуха – мать Мусы.

Сцена встречи. Мать Мусы плачет. Муса успокаивает мать. Оглядевшись, спрашивает мать:

– Где брат?

– Сабит уехал на волостной съезд. Там крестьянский начальник приехал.

Муса снимает армяк, берет кунган^{*)} с водой, выходит из юрты.

Мать Мусы собирает сыну поесть.

Входит Муса. Ставит кунган около дверей юрты. Из-за чиевой^{**)} перегородки выходит мать, подаёт Мусе полотенце и, уходя, говорит:

– Пойду к Айше. Скажу, что ты приехал. Она о тебе очень скучала.

Муса вытер руки полотенцем. Садится и, поглядывая на дверь, принимается за еду.

Через несколько времени дверь порывисто открывается. Входит Айше. Муса вскакивает, обнимает и целует девушку. Разговаривая, оба садятся на кошму. Счастливую улыбку Айше скоро сменяют слёзы. Муса её успокаивает. Входит мать Мусы. Взглянув на заплаканную Айше и на сына, старуха отвернулась. Плечи её вздрагивают от сдерживаемых рыданий.

Дом волостного управления в большом киргизском кстау (имовье). Над входными дверями вывеска с чёрным орлом:

---

^{*)} Кунган (кумган) – металлический или керамический узкогорлый кувшин с носиком, ручкой и крышкой, из которого лили воду на руки перед принятием пищи.

^{**)} Чий – многолетнее травянистое растение семейства злаки, или мятликовые. Его сухие стебли использовали для плетения циновок, панно в качестве топлива и сырья для бумажного и целлюлозного производства.

АРЧАЛИНСКОЕ
ВОЛОСТНОЕ
УПРАВЛЕНИЕ

Просторная комната. На стене (в простенке) в золочёной раме портрет Николая II. Посредине небольшой письменный стол, покрытый сукном. За столом крестьянский начальник и письмоводитель-переводчик. На скамьях, стоящих вдоль стен, ближе к столу крестьянского начальника, сидят в богатых «жалованных» халатах пять волостных управителей, за ними пожилые богатые киргизы (аксакалы). Стражники стоят у дверей при входе.

Окна в комнате распахнуты настежь, в них видна степь, саманные мазанки киргиз, юрты, верблюды, группы пеших и конных киргиз.

День знойный. Крестьянский начальник поминутно обтирает платком толстое распаренное зноем лицо. На столе перед ним несколько бутылок с лимонадом. Наливает. Пьёт. Отодвинув стакан, говорит:

– Итак, развёрстка по волостям принята. К 20-му июля все реквизируемые киргизы должны быть доставлены в город. Уклоняющиеся будут наказаны по всей строгости законов военного времени.

Обращаясь к переводчику:

– Переведите!

Переводчик говорит. Когда он закончил перевод, поднимается один из управителей и, почтительно обратившись к крестьянскому начальнику, говорит. Потом его речь переводит переводчик:

– Управитель Арчалинской волости Чингожин говорит, что все они – верноподданные великого русского царя и повинуются беспрекословно, но на этот раз боятся, что последнее повеление может остаться невыполненным не по их вине. Управители просят отсрочить явку реквизируемых до окончания полевых работ. У многих киргиз есть посевы. Некому будет собрать урожай. Степь волнуется...

Выслушав это заявление, крестьянский начальник побагровел и, ударив по столу кулаком, закричал:

– Никаких отсрочек! Высочайшее повеление должно быть выполнено немедленно!

Услышав этот окрик, все управители опустили головы. Крестьянский начальник раздражённо собрал разбросанные по столу бумаги и затолкал их в портфель. Встал, давая этим понять, что заседание окончено. Все встают.

Крестьянский начальник выходит из-за стола. Комната постепенно пустеет. К крестьянскому начальнику подходит волостной управитель Чингожин с переводчиком. Переводчик говорит:

– Управитель просит вас заехать к нему в аул. Отдохнуть и покушать барашка.

В знак согласия крестьянский начальник кивает головой. Чингожин кланяется, подходит к стоящему у дверей джигиту и отдаёт ему какое-то приказание. Тот быстро выходит, и через несколько секунд мимо окон вихрем пронесится верховой.

Крестьянский начальник, оставшись один, ходит в задумчивости по комнате. Дверь медленно открывается. Входит управитель Чингожин. Он осторожно подходит к присевшему на стул возле окна крестьянскому начальнику, который его не замечает. Чингожин осторожно окликает его:

– Таксыр (начальник)!

Крестьянский начальник вздрагивает от неожиданности:

– Чего тебе? Позови переводчика.

Чингожин отрицательно качает головой:

– Талмач керек джог (переводчика не нужно). Сама мала-мала сказал можна...

За окном появляется Муса. Он стоит несколько секунд в просвете окна, слушая разговор Чингожина с крестьянским начальником и видя всё, что происходит в комнате. Потом Муса отходит и скрывается за простенком.

– Твоя моя знаишь. Твоя ребенка есть. Моя парень есть – Халил. Война керек джог... таксыр, салдат Халил не нада... Бай болды... Бери пожалста...

Суёт в руку крестьянскому начальнику пачку крупных кредиток. Тот быстро отворачивает фалду кителя и спускает деньги в карман брюк.

В окне появляется Муса и наблюдает всю эту сцену.

Крестьянский начальник кладёт руку на плечо Чингожина и говорит:

– Бог один, вера разная... Ладно. Устрою...

Чингожин, радостно пожимая руку крестьянскому начальнику, благодарит его. В окно виден подъехавший, запряжённый тройкой тарантас. Крестьянский начальник берёт со стола фуражку, портфель и направляется к выходу. За ним следует Чингожин.

У крыльца дома волостного управления тарантас, запряжённый тройкой отличных коней, которых с трудом держат несколько джигитов. Полукругом – толпа киргиз. В переднем ряду стоит Муса.

Крестьянский начальник в сопровождении Чингожина и других направляется к тарантасу. Преграждая ему дорогу, из толпы быстро выходит нищенски одетая старуха-киргизка. Она ведёт за собой, держа за руки, трех маленьких ребят (самый маленький совсем голый). За старухой выступает тоже очень бедно одетый юноша лет двадцати.

Старуха, растолкав окружающих, хватая за рукав крестьянского начальника и что-то горячо говорит ему, показывая на детей и на молодого парня.

Подходит переводчик и объясняет:

– Это самая бедная женщина в ауле, вдова. У неё четверо детей. Из них один взрослый, вот этот парень – Биткул. Он единственный кормилец. Она просит освободить его от реквизиции.

Крестьянский начальник, нахмурившись, говорит:

– Объяснить ей, что по высочайшему повелению не может быть никаких льгот...

Быстро подходит и садится в тарантас. За ним в тарантас лезет Чингожин. Лошадей отпускают, и они с места в карьер быстро уносят экипаж в степь. За ним мчится целая орда сопровождающих.

Наблюдавший за этой сценой Муса, с изменившимся от гнева лицом, обращается к толпе с горячей речью:

– Вот за кого мы должны идти умирать. За тех, кто сотню лет грабит и разоряет казахский народ, за тех, кто отбирает наши земли, кто считает нас хуже собак... Если нам приходится умирать, умрём в наших родных степях.

Возбуждённая толпа горячо приветствует Мусу. Когда волнение немного утихает, Муса поднимает руку и говорит:

– Кто не хочет быть бараном, которого погонят на бойню, приходите сегодня вечером в кузницу Смагула. Подумаем и решим, что делать...

III

В небольшом горном ущелье саманная кузница. Сгущаются вечерние сумерки. В кузнице виден раскалённый горн.

На большом каменном жёрнове, на котором обычно обтягивают колёса, сидит Сабит и несколько молодых джигитов. В стороне, поодаль от кузницы, видны темные силуэты пасущихся стреноженных коней.

Некоторое время лица освещены только слабым отблеском раздуваемого в кузнице горна, потом приносят хворост, вереск, разжигают небольшой костёр, вокруг которого располагаются вновь приезжающие джигиты.

В полосу света входит старик с домрой в руках. Молодёжь приветствует его. Сабит спрашивает:

– Почему ты здесь, Омре, а не у волостного управителя? Там сегодня той^{*)}... Почётные гости...

– Нет у меня песен для тех гостей. Сегодня я буду петь вам, молодым и сильным.

Старик садится возле костра, настраивает домру. Молодёжь прекращает разговоры, усаживается вокруг костра, приготовившись слушать.

Омре окинул всех быстрым загоревшимся взглядом, ударил по струнам и запел:

Песня Омре.

Во время пения Омре из кузницы выходит кузнец Смагул. При свете костра видно его освещённое снизу мускулистое энергичное лицо и могучую коренастую фигуру. Потом во время пения Омре в свете костра появляются фигуры Мусы и Биткула. Они стоят молча, внимательно слушая песню Омре.

---

^{*)} Той – пир.

Муса подходит к окончившему песню Омре и говорит ему:

– Спасибо, Омре, за песню. Спасибо, что ты пришёл к нам, а не к тем, кто сидит сейчас в белой юрте Чингожина...

Джигиты собираются вокруг Мусы, окружают его плотным кольцом. Муса обращается к ним с речью. Джигиты внимательно слушают.

Когда Муса закончил речь, выходит кузнец Смагул и говорит:

– Борьба неизбежна, ты прав. Ты поведёшь нас. Тебя будем слушать.

Муса опускает голову, на минуту задумался, потом говорит окружающим:

– Хорошо. Я подчиняюсь, но дайте мне двух помощников.

Смагул берет за руки Биткула и Сабита и подводит их к Мусе. Все выражают одобрение.

Отведённая крестьянскому начальнику богатая белая юрта. Посредине, на белой кошме, застланной коврами, большой круглый, на низеньких ножках, стол, в беспорядке заставленный закусками и бутылками с вином. На столе – большая керосиновая лампа. Повсюду следы только что закончившейся попойки.

Слева от входа, у кереге^{*)} юрты, красивая металлическая кровать, покрытая простынёй, роскошным одеялом. Гора подушек.

За столом, против входа, на подушках лежит крестьянский начальник. Он без кителя. Сильно пьян.

Рядом с ним – урядник, тоже пьяный, но не в такой степени, как начальник.

Урядник наливает в стакан вина и пьёт.

Крестьянский начальник пытается встать, но не может удержаться на ногах и падает. Урядник помогает ему встать. Тот качается. Поддерживаемый урядником, делает несколько шагов от стола. Его тошнит.

Урядник ведет крестьянского начальника к кровати, усаживает его, стаскивает с него сапоги. Не удержавшись, падает с сапогом.

---

^{*)} Кереге – деревянная решётка в юрте.

Крестьянский начальник осоловевшими глазами смотрит вокруг:

– А где же девочка?

– Сейчас приведет, ваше высокоблагородие...

Крестьянский начальник засовывает руку под подушку, вытаскивает пачку кредиток. Самодовольно ворчит:

– Хорошие ребята... эти управители... верноподданные...

Несколько кредиток бросает уряднику:

– Это тебе, Ушаров, за верную службу...

Урядник прячет деньги. Прислушивается:

– Никак ведут, ваше высокоблагородие...

Урядник идёт к двери.

Юрта Айше. Внутри темно. Двери медленно открываются, входят двое. Внутренность юрты один из них освещает электрическим фонарём. В полосе света, скользящего по стенам, видна бедная обстановка юрты.

Вошедшие направляются к чиевой перегородке, за которой на кровати спит девушка. Один из вошедших заглядывает за перегородку, делает знак другому, тот бесшумно отодвигает чий.

В луче света кровать, на которой лежит спящая Айше. Пробуждённая светом фонаря, она открывает глаза. Видя незнакомых людей, дико вскрикивает:

– А-аа!..

Вошедшие бросаются к девушке, один – схватывает её за руки, другой – зажимает рот рукой. Набрасывают ей на плечи халат и волокут к двери. Айше быстрым движением освобождает руки, вырывается и выбегает из юрты. Двое бросаются за нею в погоню.

Айше быстро бежит по аулу. Преследователи догоняют её и схватывают. Айше отчаянно отбивается и кричит, она зовёт жениха:

– Му-са-а-а!..

Короткая борьба. Айше падает. Её рот затыкают полой халата и быстро волокут по аулу.

Ночь. По степной дороге едут шесть всадников. Впереди Муса и Сабит. До слуха всадников доносится крик Айше. Муса и Сабит переглянулись и пришпорили коней...

Айше волокут к юрте крестьянского начальника. Она отчаянно отбивается. Рот её заткнут полой халата...

Скачущие всадники слышат отчаянный крик Айше, зовущей Мусу. (На экране сцена, когда схватывают Айше её преследователи.)

Перекошенное злобой лицо Мусы. Он бешено хлещет нагайкой коня. Кони мчатся во весь опор.

Айше подводят к юрте крестьянского начальника и вталкивают в юрту в одной рубашке. Халат остаётся в руках её конвоиров.

Юрта крестьянского начальника. Запнувшаяся за порог Айше падает и попадает в руки подошедшего в это время к двери урядника. Он схватывает Айше сзади и толкает к постели, на которой сидит крестьянский начальник. Айше сопротивляется.

В этот момент дверь юрты быстро распахивается, вбегают Муса, за ним Сабит с револьверами в руках.

Ударом револьвера по голове урядника Муса опрокидывает его и освобождает Айше.

Сабит приставил дуло револьвера к голове крестьянского начальника. Тот в испуге поднимает руки вверх и медленно сползает с кровати.

Айше срывает одеяло с кровати и, завернувшись в него, отходит и становится в стороне.

Муса подходит к кровати, берёт брюки крестьянского начальника, осматривает карманы, достаёт револьвер и пачку денег. Потом поднимает подушки, из-под которых сыплются кредитки.

Презрительно смотрит на крестьянского начальника и, указывая на Айше и на рассыпанные деньги, говорит:

– Что ж, ваше высокоблагородие, всё это тоже – «по высочайшему повелению»?

Сабит в это время отстёгивает и снимает с убитого урядника кобуру с револьвером и шашку. Потом, отрезав конец волосяного аркана, крепко вяжет за спину руки крестьянского начальника.

Входит Биткул. За ним в сопровождении трёх джигитов два обезоруженных стражника со связанными за спиной руками. Джигиты вооружены винтовками и прочим оружием стражников.

Муса отдает приказание. Арестованных уводят. Крестьянский начальник направляется к выходу в одном белье. Муса бросает ему его брюки.

В юрте остаются Муса и Айше. Муса садится и погружается в глубокое раздумье. Айше медленно подходит к нему и порывисто его обнимает.

IV

Утро. В белой юрте, где ночью пировал крестьянский начальник, – штаб восставших. За круглым столом совещаются Муса, Сабит, Биткул и несколько джигитов.

Работает «степной телеграф» – приезжают и входят в юрту гонцы от соседних аулов. Восстание разрастается.

Идёт сбор оружия. В юрту входят старики и молодые казахи, приносят всевозможное оружие: дробовики, берданки, шомпольные кремневые ружья, изредка винтовки. Старики несут старые кольчуги, суюлы^{*)}, шашки.

Входит кузнец Смагул. Он принёс несколько образцов выкованных ночью наконечников для пик. Все внимательно рассматривают изделия Смагула.

У стены в юрте куча всевозможного собранного у населения аула оружия.

В юрту врывается вооружённый джигит, обращается к Мусе:
– Муса, нас сняли с караула. Народ расправляется с арестованными.

---

^{*)} Суюл – возможно, имеется в виду сойыл – длинная массивная дубина, изготовленная из берёзы. Этот вид ударного оружия использовался казахами во внутренних междоусобных конфликтах, при охране стад, на охоте.

Муса вскакивает и в сопровождении Сабита бросается к выходу.

Хорошая новая юрта. Вход в неё охраняется двумя вооружёнными джигитами. Они с винтовками в руках сидят по обе стороны дверей юрты.

Внутренность той же юрты. Крестьянский начальник и двое его стражников со связанными за спиной руками сидят в разных углах юрты, привязанные верёвками к кереге, чтобы не могли сойтись вместе. У порога юрты лежит убитый ночью урядник.

Перед юртой собирается толпа киргиз. Они горячо обсуждают происшествия минувшей ночи. Площадь перед юртой быстро заполняется народом. Преобладает молодёжь. За ними робко мелькают белые джавлуки^{*)} аульных женщин. Толпа быстро увеличивается. Растет возбуждение. Раздаются возгласы:

– Долой насильников! Довольно рабства! Смерть этим царским собакам!

Толпа надвигается на юрту. Охраняющие встали и пытаются задержать наступающих. Минутное замешательство. Толпа хлынула и смыла караул.

Несколько человек врывается в юрту.

Через минуту с арканом на шее появляется крестьянский начальник и два стражника.

Крестьянского начальника волокут и быстро привязывают верёвкой за ноги к хвосту дикого жеребца.

Толпа расступается. Жеребца отпускают, он вихрем уносится в степь, волоча за собой привязанный груз.

Над головами стражников поднимается целый лес суюлов и палок...

Подъехавший на коне Муса увидел, что самосуд уже совершился.

Переселенческий посёлок (тот же, что и в 1-й части). День близится к вечеру.

---

^{*)} Джавлук (казах. жаулық) – головной убор из белой материи замужней женщины-казашки, оставляющий открытым только лицо. Он плотно облегал лицо, шею, голову, а сзади лежал свободно.

По улице к дому сельского управления едут три всадника. Это – Сабит и с ним два джигита. У сельского управления все спешиваются. Один остаётся у лошадей. Сабит с другим джигитом входят в сельское управление.

Обычная обстановка сельской «сборни». В переднем углу почерневший образ древнего «Спаса». В простенке набекрень портрет последнего самодержца. Стол, два-три табурета, лавки по стенам. На полу грязь и шелуха от семечек. Над столом убогая керосиновая висячая лампа, до черноты засиженная мухами.

За столом староста Малеванный и сельский писарь Ванька – молодой парень. На лавке у окна трое крестьян-стариков.

Входит Сабит с одним из своих спутников. Здравается со старостой, подает ему запечатанный конверт.

Староста важно вскрывает пакет, вынимает и вертит перед носом бумагу, потом передает её писарю:

– Читай, Ванюшка. Я опять очки дома забыл.

Писарь читает:

На экране текст письма:

АРЧАЛИНСКОЕ
волостное правление.
18 июля 1916 года.
№ 10

В. – Срочно

Тугульскому сельскому старосте ввиду незаконного и самовольного захвата жителями Тугуля табуна лошадей в количестве 25 голов, принадлежащих жителям аула № 4 Арчалинской волости, предлагаю немедленно вернуть коней и передать для доставки в волость подателю сего письма Сабиту Тургаеву. Вопрос о возмещении убытков за поправу вашей пашни предлагаем разрешить судебным порядком.

За вол. управителя арчалинской волости Муса Тургаев.

Выслушав содержание письма, староста отодвинулся от стола, чтобы его всего можно было видеть. Сложил полу своего пиджака наподобие свиного уха и, показывая на него, обратившись к Сабиту говорит:

– А свиного уха не хочешь?!

(Сабит отплёвывается.)

– Кто этот Муса Тургаев? Куда вы дели своего управителя Чингожина? Умер он что ли?

– Чингожин сбежал. Волостью управляет Муса Тургаев.
Говори: отдаёшь лошадей?

Староста отрицательно качает головой.

Сабит озлобленно плюет на пол и, повернувшись, хочет уйти. Староста вскакивает с табурета и норовит ударить Сабита по голове. Сабит уклоняется от удара и в свою очередь коротким и сильным ударом бьёт старосту в лицо. Тот падает. Писарь и присутствующие крестьяне бросаются на джигитов. Но те успевают выскочить за дверь и припереть её снаружи толстой жердью. Все трое быстро садятся на коней.

В это время двое мужиков и староста вылезают в открытые окна, спускаясь задом наперед. Увидя это, Сабит мигнул своим спутникам. Те быстро подъезжают к окнам и по нескольку раз вытягивают по задницам застрявшего в окне старосту и другого мужика, после чего вскачь уходят по улице за околицу села.

Староста вылез наконец из окна. Писарь Ванька подаёт обозлённому старосте винтовку.

Староста с разбитой физиономией, по которой струится кровь, долго целится из винтовки по скачущим уже далеко джигитам, положив её на дробила стоящей около дома брички.

Выстрел... и один из спутников Сабита падает с лошади. Сабит оглядывается, быстро поднимает к себе в седло упавшего товарища. Другой – схватывает коня за повод. Сабит оглядывается ещё раз и видит, что староста опять прицеливается из винтовки. Сабит нагнулся, сколько позволяет лука седла. Пуля сбивает с головы Сабита малахай. Всадники карьером уходят в степь и скрываются в сопках.

Глубокая тёмная ночь. По степи едут всадники. Отряд человек в сотню. Едут осторожно, выслав вперёд разведку.

Впереди чуть белеют стены саманных домов Тугуля. Всадники останавливаются. Короткое совещание руководителей отряда, после которого отряд делится на два и окружает село с двух концов.

Через несколько времени в разных концах села вспыхивают пожары.

Проснулись в хате. Бегут к окну. Выбегают на двор. Бегут к стойлам и конюшням, выгоняют скот, лошадей.

Звонарь поднимается на колокольню. Набат.

Несколько старух прут против огня с иконами.

Пожар разгорается.

Во время всеобщей паники по сельской улице с гиком проносятся киргизы. Заарканивают и гонят выпущенных на волю из конюшен лошадей, гонят рогатый скот.

Хата сельского старосты Малеванного. Староста с подбитой, ещё не зажившей физиономией смотрит в окно. Потом лезет на полати, достает винтовку, выходит в сенцы. Открывает глазок в двери, просовывает в отверстие дуло винтовки и целится по скачущим вдоль улицы киргизам.

В это время позади него с револьвером в руке поднимается из-за стоящих в углу мешков Сабит. Он ударяет старосту по руке в тот момент, когда он хочет спустить курок. Малеванный оглядывается, узнаёт Сабита и с испуга роняет винтовку. В упор на Малеванного смотрит дуло револьвера.

– Это тебе за убитого товарища... – говорит Сабит и стреляет в упор. Староста падает...

Несколько бричек с сидящими в них полуодетыми женщинами и детьми и кое-каким скарбом мчатся по степной дороге.

В свете чуть брезжущего утра видно: киргизы гонят большой косяк коней и стадо рогатого скота.

Позади – зарево догорающего пожара.

V

Кабинет в доме губернатора. Красивая стильная мебель, ковры, картины. Камин. Небольшой библиотечный шкаф. На стене большая карта Средней Азии и Западной Сибири.

Губернатор (спиной к зрителю) рассматривает карту Западной Сибири. В руках у него телеграммы, сводки. Прочитав телеграммы, губернатор берет лежащие на столике специально заго-

товленные булавки с флажками и вкалывает булавки в разные части карты.

Медленно открывается дверь. В ней появляется красивая голова девушки.

– Можно, папа?

Губернатор вполборота кивает ей головой.

Девушка медлит, остановившись в дверях, загораживая вход и не пуская кого-то, стоящего за её спиной.

Губернатор оборачивается и видит идущего за девушкой Марсекова (это молодой, лет 27, красивый статный киргиз небольшого роста, помощник присяжного поверенного).

Девушка (ей лет 20) подходит к отцу и целует его в щёку.

Губернатор, приветливо улыбаясь, здоровается с Марсековым.

Марсеков, кивнув на карту:

– Всё с немцами воюете, ваше превосходительство.

– Ошибаетесь, уважаемый. На этот раз я занят внутренним врагом. Отмечаю новые очаги восстания ваших земляков.

Берёт Марсекова под руку и подводит к карте.

– Вот всё это (указывает на флажки) – новые вспышки мятежа. Не нравятся мне ваши земляки, Максуд Марсекович, не нравятся...

Марсеков пожимает плечами, вынимает портсигар, закуривает. На лице у него лукавая усмешка.

Сделав несколько шагов по кабинету, Марсеков останавливается перед книжным шкафом. Достает одну из книг в старом хорошем переплете и подходит с ней к губернатору, который тем временем опять занялся накалыванием флажков на карту.

Дочь губернатора с озабоченным видом следит за работой отца.

Марсеков говорит:

– Ваше превосходительство, вы знаете, что по своему социальному положению я не могу сочувствовать бунту. Но познакомьтесь вот с этим документом, и вы согласитесь, что мои земляки не так уж не правы...

Марсеков открывает книгу, находит нужную страницу и передает губернатору. Губернатор читает:

(На экране текст манифеста Николая I, согласно которому при замирении Казакстана были дарованы казакскому народу особые льготы в отношении освобождения от воинской повинности в течение девяноста лет).

Когда губернатор прочитал документ, Марсеков берёт у него книгу и ядовито замечает:

– Вся беда в том, ваше превосходительство, что мои землячки помнят об этом «высочайшем» обещании и знают, что время ещё не истекло. К сожалению, об этом позабыл или совершенно этого не знал министр внутренних дел господин Штюмер.

Губернатор, насупившись, смотрит некоторое время на Марсекова и потом запальчиво говорит:

– Вы забываете, господин Марсеков, что «почётную повинность крови» в настоящей войне должны нести все народы Российской империи. Такова воля государя. Киргизы не исключение: высочайшее повеление касается всех инородцев Средней Азии, Кавказа и Степного края...

Дочь губернатора (Мэри) берёт книгу у Марсекова и решительно читает.

Марсеков подходит к губернатору:

– Не будем спорить, ваше превосходительство. Каждый из нас исполнит свой долг. Что касается меня, то я попытаюсь избавить вас от забот по усмирению той части степи, где находится мой аул. Завтра я уезжаю в степь и зашёл откланяться вам и Марии Николаевне.

Прощается с губернатором крепким рукопожатием. Подходит с поклоном к Мэри. Она встаёт и, отстраняя отца, провожает Марсекова, выходит вместе с ним из кабинета.

Проходя по гостинной, Мэри останавливает Марсекова, кладёт ему руки на плечи и говорит:

– Послушай, Макс, а это не опасно? Не езди лучше в степь.

Марсеков снимает с плеч одну за другой руки Мэри и, целуя их, говорит:

– Не волнуйся, дорогая. Я не буду искать смерть в степи. Но у меня там тысячные табуны. В них моё, а следовательно, и твоё богатство.

Смеётся и привлекает Мэри к себе.
– Ведь бедного ты меня не будешь любить...
Мэри порывисто обнимает Марсекова.

Раннее утро в городе. Казармы казачьего полка. Стоят пулемёты и несколько горных орудий.

Из казармы на площадь выезжает казачья сотня под командой вахмистра. Останавливается на площади.

Короткая подготовка к учебной «рубке лозы».

На площади расставляются козлы со свежими прутьями лозняка.

По команде вахмистра казаки по одному во весь опор скачут с обнажённой шашкой и на скаку рубят лозу.

Пропустив 10–15 человек, вахмистр отбирает плохих рубак, выстраивает их отдельной группой, подъезжает к ним и говорит:

– Учись, как надо кыргызские «кочаны» (в смысле головы) рубать.

Выбрасывает шашку вон из ножен и во весь карьер несётся на воображаемого врага. Ловким двойным ударом срубает верхушки прутьев и с сияющей физиономией возвращается к сотне.

Прутья заменяются новыми, и рубка продолжается.

На красивом коне подъезжает казачий офицер Распопин. Команда: «Смирно!» Сотня замирает. Офицер здоровается с сотней и потом наблюдает за учением.

В казармы провозят горные орудия (пушки).

Степное утро. Кузница Смагула на Бель-Тереке. Работают два горна.

Кузнец Смагул с другим кузнецом и помощниками куют наконечники для пик. Около кузницы груды жердей, из которых тут же несколько плотников и столяров делают древки для пик.

Другая группа киргиз занята насаживанием железных наконечников на древки. Готовые пики нагружают на двух больших верблюдов, и в сопровождении конников караван с пиками уходит в степь.

Одновременно на степной двухколесной арбе, запряжённой верблюдом, провозят воз жердей.

Несколько верховых приехали с мешками, из которых высыплют железный лом.

Вечер. В доме губернатора маленькое «суарэ».

В зале – танцы под рояль. Офицеры, чиновники, два гимназиста. Дамы, девицы.

Мэри с Распопиным отплясывает мазурку.

За карточным столом губернатор, армейский генерал, жандармский полковник и некто в штатском. Играют в винт. Полковник объявляет «большой шлем».

К губернатору подходит чиновник особых поручений Соболев (высокий, тонкий), передаёт ему распечатанную телеграмму. Губернатор читает, меняется в лице. Быстро встаёт из-за стола, бросая игру, и в сопровождении генерала и полковника уходит в кабинет. Соболев отправляется за ними следом.

Кабинет. Губернатор подходит к письменному столу, повернул выключатель настольной электрической лампы. Он очень расстроен. Обращается к присутствующим:

– Киргизский бунт, господа, принимает крайне тяжёлые формы.

Передаёт полученную телеграмму генералу. Тот читает вслух:

(Текст телеграммы на экране):

Пять дней тому назад Арчалинской волости зверски убит исполнении служебных обязанностей крестьянский начальник Фон-Киниц тчк Вместе ним сопровождавшие его служебной поездке урядник и два полицейских стражника тчк Положение угрожающее тчк Моей волости принимаю меры предупреждения локализации восстания тчк Случае возможности дальнейшего информирую Марсеков.

Некоторое время все молчат. Жандармский полковник нервно ходит по кабинету. Губернатор подходит к карте и прикалывает новый флажок. Армейский генерал сидит в кресле задумавшись, он опустил руку, в которой осталась телеграмма.

Жандармский полковник останавливается и говорит:

– У нас остаётся один выход: карать, карать и карать...

Все собираются у карты Степного края. Губернатор горячо говорит, указывая на два района. Совещание быстро заканчивается.

Губернатор отдаёт какое-то приказание Соболеву. Тот быстро уходит и через минуту появляется в сопровождении казачьего офицера Распопина.

Распопин вытягивается перед армейским генералом:

– Честь имею явиться, ваше превосходительство!

Генерал подходит к Распопину, пожимает ему руку и передаёт телеграмму. Распопин прочёл, возвращает телеграмму генералу и говорит:

– Возмутительно, ваше превосходительство!

Генерал строго смотрит на Распопина и говорит:

– Так вот, завтра вы отправляетесь с вашей сотней не в Чингисскую, а в Арчалинскую волость. Кроме пулемётов, вы получите одно горное орудие. Ваша боевая задача – беспощадно наказывать мятежников. Вы понимаете, есаул (при слове «есаул» Распопин вздрагивает, так как он ещё только подьесаул. Слова генерала звучат обещанием производства).

Распопин вытягивается ещё больше и, выпятив грудь и вытаращив глаза, ревёт:

– Рад стараться! Будет исполнено, ваше превосходительство, беспощадно!..

Генерал подаёт ему руку. Распопин подобострастно пожимает её, кланяется остальным, находящимся в кабинете, и быстро уходит.

После короткой беседы встанут и прощаются с губернатором генерал и жандармский полковник. Когда они ушли, губернатор говорит подошедшему проститься с ним Соболеву:

– Распорядитесь-ка, чтобы Кораблёв подготовил машину. Послезавтра мы с вами выедем в степь.

После ухода Соболева губернатор берёт большой альбом с фотографиями, открывает, находит портрет убитого крестьянского начальника Фон-Киница и долго смотрит на него. Берёт

сигару, хочет закурить, но руки дрожат, сигара падает на пол. Губернатор опускает голову на руки и тихо плачет.

Утро. В полном походном снаряжении во главе с Распопным и другим офицером при одном орудии и двух пулемётах казачья сотня выступает из казармы. За сотней походный обоз: зарядные ящики, кухня и проч.

Сотня остановилась на площади против церкви. Там уже всё подготовлено для «напутственного» молебна. Стоит накрытый парчовой скатертью стол, на столе – миска с водой и кропило. Тут же, у стола, поп с причетником.

Начинается молебен. Впереди Распопин со своим субалтерно-офицером и вахмистром. Поп благословляет крестом «благочестивое воинство». Офицеры и вахмистр прикладываются к кресту, поп всех их слегка кропит «святой» водой.

Потом поп обходит ряды казаков, благословляет их «оптом» и обильно кропит их водой. Когда вода попадает на лошадей, они отворачивают морды.

Молебен окончен. Команда: «Накройсь!»

Казачья сотня крестится и надевает фуражки.

Сотня перестраивается и в походном порядке на рысях уходит из города.

Степь. Сотня в походе. Песенники...

VI

Степь. На небольшом увале группа хорошо одетых всадников-киргиз. Впереди на прекрасном аргамаке, в богатом казачьем национальном костюме – Марсеков.

Под увалом по широкой равнине проходят громадные стада рогатого скота, косяки коней, тысячные отары овец, много верблюдов.

Весь этот скот направляется в одну сторону в сопровождении конных пастухов. Некоторых пастухов Марсеков подзывает к себе, что-то говорит им и отпускает. На лице его горделивая и властная мина: он властитель всего этого «живого богатства».

Не дожидаясь, пока пройдёт весь скот, Марсеков спускается с холма и в сопровождении всей свиты едет к виднеющемуся вдали большому богатому аулу.

Богато убранная байская юрта. За большим круглым столом на белых вышитых кошмах и коврах сидят богачи-баи. В центре, облокотившись на подушки, – Марсеков.

На столе большая эмалированная чаша с кумысом, против каждого из сидящих за столом красивое кесе*).

Все внимательно слушают Марсекова:

– Через пять дней наши стада будут далеко. Пока всё это не кончится, скот надо держать возле границы, когда нужно будет – я дам знать, и вы перейдете границу. Наблюдайте за пастухами.

Все в знак согласия кивают головами. Некоторые пьют кумыс.

Сидящий рядом с Марсековым аксакал (волостной управитель) сделал хорошую зарядку «носыбаем» (нюхательный табак), помолчал и обратился с вопросом к Марсекову:

– А как быть с набором? Нам с этим делом не справиться: никто не хочет идти...

Марсеков, хитро улыбаясь, достаёт красивый портсигар, закуривает. Потом, наклонившись над столом, тихо говорит окружающим:

– Не надо торопиться. Городу сейчас не до нас, пока только не допускайте никаких выступлений. Подождём. Посмотрим, как будут развиваться события. Нам необходимо выиграть время, чтобы скот успел дойти до границы.

Аксакалы одобрительно кивают головами. Слушая Марсекова, все сблизили головы над столом (снять сверху).

Марсеков продолжает:

– На всякий случай будем кочевать на Кзыл-Су. Там собирается шесть волостей. Там переждём события, а в случае успеха мы будем сильны своей массой.

Все сидят глубоко задумавшись.

Открывается дверь. Входит Сабит с товарищем.

После приветствия Сабит заявляет:

---

* Кесе (кесе, каса, касы) – большие пиалы для шурпы, лагмана и др.

– Мы, казаки Арчалинской волости, восстали. Не сегодня-завтра ждем карателей. У нас мало оружия, но мы решили бороться. Я послан просить помощи. Будет ли помощь?

Старик волостной управитель хочет что-то сказать, но его предупреждает Марсеков. Он встаёт и торжественно заявляет:

– Через день на помощь к вам выйдет от нас отряд наших джигитов. Можешь сказать, что тебе обещал это Максуд Марсеков.

По степной дороге быстро несётся легковой автомобиль. В нём, кроме шофёра Кораблёва, – губернатор и Соболев.

Машина догоняет растянувшуюся по дороге казачью сотню. Машина останавливается у головной части сотни.

К авто подъезжает Распопин. После взаимных приветствий – оживлённый разговор. Распопин говорит:

– До Арчалинского аула ещё верст двадцать будет, пожалуй, даже с гаком, как говорят здешние хохлы. Дорога хорошая, но ездить не советую: здесь уже возможна встреча с вооружёнными бандами мятежников.

Губернатор улыбается:

– Ну, мы недалеко. Двигай, Кораблёв!

Машина быстро двинулась вперёд. Губернатор достаёт бинокль. С высоты небольшого холма, когда машина обогнала сотню вёрст на восемь, стоящий в машине губернатор смотрит в бинокль на убегающую вперёд дорогу. В поле зрения бинокля масса всадников (показать в бинокль).

Губернатор, протянув руку, берёт за плечо шофера:

– Стой! Кораблёв, останови машину!

Шофёр быстро тормозит и останавливает автомобиль. Сейчас же выходит из машины и начинает её осматривать.

Губернатор и Соболев стоя смотрят из машины в бинокли.

В поле зрения биноклей навстречу движется масса всадников. Губернатор, не отрываясь от бинокля, говорит Соболеву:

– Однако их масса. Я думаю, что перед нами не менее тысячи человек.

– Возможно... А не пора ли нам возвращаться, ваше превосходительство?

– Да, да, вы правы (нагибаясь к шофёру, который залез под машину). – Кораблёв, что ты там делаешь? Поворачивай, едем обратно.

Шофер, весь в пыли, вылезает из-под машины с растерянным видом, говорит:

– Ехать нельзя, ваше превосходительство. Поломка.

Губернатор и Соболев, переглянувшись, с искажёнными от ужаса лицами одновременно бессильно опускаются на сиденье автомобиля.

Кораблёв вытаскивает из-под своего сиденья в машине домкрат и ящик с инструментом, лезет опять под машину.

Первым приходит в себя чиновник особых поручений. Он встаёт и трясущимися от волнения руками наводит бинокль. В поле зрения бинокля уже значительно ближе грозная масса скачущих всадников.

Потом поднимается губернатор. Он тоже пытается посмотреть в бинокль, но от сильного волнения, обессилев, валится на подушку сиденья авто.

Кораблёв ставит домкрат под переднюю ось машины.

Повозившись с домкратом, замазанный и пыльный шофёр подходит к губернатору и говорит:

– Ваше превосходительство, я не могу сказать, успею ли исправить машину вовремя. Вам бы следовало пока что бежать навстречу казачьему отряду. Если я успею управиться с машиной вовремя – мигом вас догоню, а если нет – туда мне, значит, и дорога...

После этой реплики Кораблёв опять залез под кузов.

Соболев сразу оценил правильность и спасительность совета Кораблёва и уговаривает сомлевшего от страха губернатора воспользоваться скорее благоразумным советом шофёра.

Губернатор с большим усилием поднимается, подносит к глазам бинокль, в поле зрения которого крупные фигуры скачущих всадников. Зритель узнает едущих впереди Мусу и Биткула. Позади всадники с пиками.

Губернатор бросает бинокль, снимает и сбрасывает пальто, галоши и фуражку, подаёт руку Соболеву, и они вместе полным аллюром начинают стремительный бег.

Шофёр Кораблёв смотрит из-под автомобиля на эту странную пару невиданных бегунов^{*)} и хитро улыбается. Плечи его сотрясаются от сдерживаемого смеха.

Когда бегуны^{*)} удалились на некоторое расстояние, Кораблёв гомерически хохочет, катаясь по пыльной дороге и приговаривая:

– Пробежитесь, пробежитесь, сукины дети!..

Бегущая пара в профиль. Тощий, длинный Соболев высоко поднимает ноги и тащит за собой толстого коротенького губернатора. Толстяк-губернатор задыхается, отстаёт. Наконец, Соболев отпускает руку губернатора и бежит один, высоко поднимая ноги, как дромадер^{**)}. Губернатор, оставшись один, пробежал немного и шлепнулся в пыль. Лежит без движения, как бревно на дороге.

Кораблёв, подождав пока губернатор и Соболев отбежали с версту, быстро собирает инструмент, заводит машину и, сделав поворот, едет обратно. Доехав до лежащего пластом губернатора, поднимает его и водружает на сиденье машины.

Придя в себя, губернатор, весь в поту и в пыли, измазанный и перепачканный, всё время крестится.

Догнав бегущего Соболева, Кораблёв останавливает машину, чтобы посадить его, но Соболев, увлечённый бегом, ничего не видит и не слышит и пронесится дальше. Кораблев снова догоняет его, заезжает вперёд и ловит неумолимого бегуна, после чего тот, наконец, садится в авто.

Поравнявшись с идущей навстречу сотней, машина останавливается. Подъезжает Распопин.*

Соболев, прикрыв губернатора пальто, говорит торопливо:
– Орда в десяти верстах от вас. Простите, тороплюсь, его превосходительство внезапно заболел. Надо скорее в город. Прощайте!

Машина стремительно уносится по дороге в город.

---

*) В исходнике – бегунцов, бегунцы.

**) Дромедар (дромадер) – одногорбый одомашненный верблюд.

На небольшом холме, в «мулушках»^{*)}, справа от дороги замаскирован в камнях могильника казачий пулемёт.

Скрывшись в камнях, лежит небольшое прикрытие. Пулемётчики смотрят на дорогу.

Налево по дороге на рысях идет казачья полусотня. Навстречу полусотне движется лавой киргизская орда человек 300–400.

Казачи рассыпаются в цепь. Спешиваются. Кони ложатся. Из-за крупов коней, как из-за брустверов, казаки начинают обстрел наступающей орды.

Киргизы идут без выстрела. В передних рядах у них падают несколько человек и две-три лошади. Казаки продолжают обстреливать наступающих из винтовок. И только когда орда с гиком лавой бросается в атаку по диагонали (косым огнем), начинает работать спрятанный в камнях казачий пулемёт.

Среди наступающих момент замешательства...

Вдруг пулемет замолкает – это киргизский отряд в пятьдесят человек налетел на пулемётчиков, обойдя их с тыла. Прикрытие мигом изрублено. Пулемёт взят. Командир отряда Муса. Взяв пулемёт, он повёл свой отряд в наступление на правый фланг залёгшего в цепи противника.

Наступающие киргизы, увидев Мусу, ободрились и снова бросились вперёд.

Увидевши это, казаки быстро вскакивают на коней и в беспорядке стремительно отступают.

Муса, соединившись с главным отрядом, останавливает бросившихся в преследование товарищей. Небольшая группа вооружённых винтовками посылает несколько залпов вслед бегущей казачьей полусотне.

Киргизы подбирают своих раненых и убитых и с пулемётом в качестве трофея возвращаются в аул.

---

^{*)} Контекст не даёт возможности точно определить значение слова «мулушки». В литературе мулушки определяются как древние оригинальные каменные сооружения с куполообразной крышей, располагавшиеся на всех караванных путях в Центральной Азии как хранилища воды и пристанища для путников. Другое значение слова – глинобитные сооружения на могилах³.

Большое кстау (зимовье). Весь аул Мусы перекочевал сюда. Около многих зимовок стоят привязанные кони. Группы вооружённых по-разному людей.

Около одной зимовки большая толпа. Киргизы, усевшись полукругом, возятся с пулемётом. Никто из киргиз не умеет с ним обращаться. В качестве эксперта приглашён «главный оружейник» – кузнец Смагул, но и он не может понять «хитрого механизма» пулемёта.

Долго Муса и Смагул возятся с пулемётом, но ничего у них не выходит.

Муса встаёт и уходит в ближайшую саманную мазанку. Открывает дверь, входит. Его встречает Айше. Муса долго смотрит на неё, потом говорит:

– Милая Айше! Долго не возвращается Сабит. Может, он ведёт людей из Чингисской волости. Может быть, там есть люди, знающие пулемёт. Мы отбили у казачьей сотни пулемёт, но никто не умеет из него стрелять.

Милая Айше, ты едешь, как джигит, возьми лучшего верблюда и скачи навстречу Сабиту. Поторопи его.

Айше упорно смотрит на Мусу:

– Зачем ты отсылаешь меня, Муса? Я хочу умереть с тобой. Я знаю, что завтра придут каратели.

Муса подходит к Айше:

– Так надо, Айше, ты поедешь.

Целует Айше и быстро уходит из мазанки.

Рассвет. По холмистой степной дороге мерно бежит белый верблюд. На верблюде Айше.

Встречает двух всадников – возвращающегося Сабита с товарищем. Недолгая остановка. Разговор. Айше, повернув верблюда, возвращается с Сабитом и его спутником в аул.

В мазанке при тусклом свете маленькой керосиновой лампы Муса, Биткул сидят над пулемётом.

Муса отчаянно махнул рукой. Встаёт и направляется к двери мазанки. Дверь быстро открывается. Входят Сабит с Айше.

За ними входит военнопленный мадьяр, привезённый Сабитом из ближайшего русского посёлка.

Сабит горячо рассказывает что-то Мусе. Потом показывает на мадьяра:

– Это пулемётчик. Он нам поможет.

Муса радостно приветствует мадьяра и подводит его к полуразобранному пулемёту.

Мадьяр немедленно принимается за работу. Пулемёт быстро собран. Мадьяр вкладывает ленту, берёт рычаги. Пулемёт работает.

Муса радостно пожимает руку мадьяра.

На минарете аульной мечети Муса и мадьяр устанавливают пулемет.

За мечетью концентрируется небольшой отряд всадников – киргиз, вооружённых шашками и пиками. Их человек 20.

В рассветном тумане казачья сотня подходят к кстау. Остановились. Устанавливают орудие, около которого остаётся небольшое прикрытие. Сотня идет к аулу.

Наводка орудия. Выстрелы: первый... второй...

В ауле разорвавшийся снаряд разносит саманную мазанку. Бегущие женщины, дети.

Плачущий кем-то забытый ребёнок.

Около «штабной» мазанки отряд конных киргиз. Муса даёт приказания начальнику отряда Смагулу.

На другом конце кстау масса конных киргиз. Вся эта масса мчитя в степь навстречу наступающей на кстау казачьей сотне.

На противоположном конце аула картина начинающегося бегства. Рвущиеся снаряды. В разных концах кстау вспыхивает пожар.

Наступающая казачья сотня обстреляна пулеметом с минарета мечети. Несколько всадников падают с лошадей.

Минарет у мечети. У пулемёта мадьяр и Сабит.

Пулемёт «пылит» исправно. Сабит подаёт мадьяру последнюю ленту...

Киргизский пулемёт замолчал. Казаки врассыпную скачут к кстау. Навстречу им катится лава киргиз.

Вдруг казаки, разделившись на два отряда, начинают уходить на фланги, обнажив тыл, где находится казачий пулемёт, которым в упор расстреливаются киргизы.

Замешательство. Казаки на плечах бегущих киргиз врываются в кстау.

В это время из-за мазанок появляется отряд Мусы. Сам он и его джигиты яростно рубятся с казаками. Мусу окружают казаки. Один за другим падают товарищи. Около Мусы остаётся три человека, отбивающиеся от озверевших казаков.

Появляется Распопин. Он долго целится в отбивающегося от казаков Мусу. Муса выронил шашку из рук и склоняется на гриву коня. Его поддерживает один из трёх оставшихся возле него товарищей. Двое других продолжают отбиваться.

Когда казаки уже готовы схватить Мусу, с окраины аула бурей подлетает к месту сечи небольшой отряд джигитов. Впереди Сабит и мадьяр, за ними – Биткул и Айше. Они подоспели вовремя. Среди казаков замешательство.

Окружив раненого Мусу, часть джигитов ожесточённо рубятся с казаками, в то время как другие, прикрывая раненого, вырываются из боя и уходят в степь.

Киргизы отступают. Соппротивление сломлено. В ауле начинается грабёж. Казаки поджигают дворы. Пожар быстро распространяется по всему кстау.

Казаки гонят киргизский скот. Ловят лошадей.

Разрушенные мазанки. Трупы убитых.

Поднимающееся солнце скрывается в дыму пожара.

Степь. Вечереет. Около степного колодца расположился небольшой отряд. На траве у колодца лежит Муса. Айше и мадьяр делают ему перевязку. Муса морщится от боли.

Когда перевязка закончена, Муса приподнимается, опираясь на локоть здоровой руки, и долго пристально смотрит на вечернюю степь. На горизонте появляются одинокие всадники – это бойцы его отряда идут на соединение с ним.

Муса оглядывает степь кругом. Отовсюду движутся всадники. Степь не сдаётся, она посылает для борьбы своих новых бойцов.

Лицо Мусы проясняется. Обращаясь к окружающим, он говорит:

– Ничего, товарищи. Не унывайте. Степь велика, и нас много. Чёрному орлу не справиться с восставшей степью. Мы победим.

1934 год, Москва.

Всеволод Вячеславович Иванов (1895–1963) – прозаик, драматург. Родился в посёлке Лебяжье Павлоградского уезда Семипалатинской губернии, в семье сельского учителя. Окончив поселковую школу и проучившись год в Павлодарской сельскохозяйственной школе, Иванов пошёл работать: сначала помощником приказчика в магазин, затем в типографию наборщиком, был матросом, грузчиком и даже цирковым артистом. Много странствовал по Сибири, Уралу и Казахстану. С 1915 года начал печататься (рассказы «Сын осени», «Золото», «Ненависть», «Сон Ермака», «Две гранки»). Рассказ «На Иртыше» был послан М. Горькому и получил его одобрение.

С лета 1917-го по 1921 год жил в Омске. В 1919 году работал в типографии колчаковской фронтовой газеты «Вперёд», где собственноручно набрал и напечатал сборник рассказов «Рогульки». В Омске сблизился с А. С. Сорокиным и другими литераторами.

В 1921 году Иванов уезжает в Петроград. В судьбе молодого писателя принял участие М. Горький. В первом номере журнала «Красная новь» была опубликована повесть Иванова «Партизаны» (1921), а в пятом – повесть «Бронепоезд 14-69» (1922). В это же время выходит книга «Цветные ветра». Через год все три повести были объединены в сборник «Сопки. Партизанские повести», ставший явлением советской прозы, сделавший его автора известным писателем. В 1920-е пишет рассказы и повести, в 1926 и 1927 годах вышло в свет два издания книги «Тайное тайных», имевшей впоследствии трагическую судьбу. В том же 1927 году была написана пьеса «Бронепоезд 14-69», вошедшая в число лучших произведений советской драматургии. После автобиографического романа «Похождения факира» (1934–1935) писатель вновь обращается к историко-революционной теме. В 1939 году он публикует роман «Пархоменко».

Во время Великой Отечественной войны Иванов выступает с публицистическими статьями, пишет рассказы на военные и исторические темы («На Бородинском поле», 1943). В 1947 году вышли воспоминания Иванова «Встречи с Максимом Горьким», над которыми писатель работал почти четверть века.

В послевоенные годы Иванов много выступал как публицист в защиту мира и культуры. В 1953 году опубликовал пьесу «Ломоносов», в 1960-м – роман «Мы идём в Индию». Однако часть созданных им произведений так и не увидела свет при жизни автора. Умер Вс. В. Иванов в Москве.

У ЧЕРТЫ

(Очерки с фронта)

От публикатора

Публикуемый очерк был напечатан 7 ноября 1919 года в ежедневной народной газете «Сибирский казак», которая издавалась в Омске Осведомительным отделом Сибирского казачьего войска с 10 сентября до 12 ноября 1919 года. Текст подписан: «Вс. Тараканов». Известно, что этим псевдонимом пользовался в Сибири в 1916–1919 годах молодой Всеволод Вячеславович Иванов: такое имя стоит на обложке его первой печатной книги «Рогульки», изданной в 1919-м в походной типографии газеты Дальневосточной армии «Вперёд». Всего за период с сентября по начало ноября было опубликовано десять «очерков фронта» (в некоторых номерах газеты – «очерков с фронта») под заглавием – «У черты», в которых автор приводил рассказы солдат и офицеров об их военных столкновениях с красными и забавных эпизодах из фронтового быта, описывал свои встречи с беженцами, ранеными, передавал настроение казаков – их мечты о возвращении к работе на земле, их тоску от бесконечной «никудышной» войны своих со своими.

Исследователи творчества Иванова до 2013 года не располагали документальными материалами о поездке писателя в 1919 году на «белый фронт» в качестве военного корреспондента, хотя в воспоминаниях сибирских писателей К. Н. Урманова и Г. Ф. Дружинина этот факт его биографии упоминался. Урманов связывал поездку Иванова с колчаковской фронтовой газетой «Вперёд», в которой он, как и некоторые другие писатели, оказавшиеся в то время в Омске, работал и наборщиком, и литературным сотрудником, но отмечал, что «никакого литературного

багажа Иванов не привёз с фронта» (Сибирские огни. 1965. № 2. С. 165). Дружинин, в свою очередь, вспоминал, что молодой Иванов был «в числе журналистов, сопровождавших Колчака» летом 1919 года в «инспекционной поездке на пароходе», и указывал, что публикация очерка писателя по материалам поездки «произвела впечатление грома среди ясного неба», так как увиденные на фронте и описанные корреспондентом факты и настроения солдат отнюдь не укрепляли боевой дух белой армии (Простор. 1963. № 11. С. 149). Как Иванов оказался на фронте, почему его корреспонденции печатались именно в газете «Сибирский казак», о которой он никогда не упоминал, – ответами на эти вопросы мы пока не располагаем. Так же как не располагаем рукописями текстов очерков, посылавшихся с линии фронта в газету и, возможно, подвергавшихся редактированию в духе военного времени и общего направления издания.

Впервые три очерка были републикованы в журнале «Москва» (2013. № 12). Сопоставительный анализ текстов «очерков фронта» и известных произведений Вс. Иванова 1920-х годов позволяет предположить, что они стали важными источниками «партизанских повестей» писателя, прежде всего знаменитого «Бронепоезда 14-69», рассказов о Гражданской войне и неоконченного и сожжённого в 1926 году романа «Казак».

Очерк печатается по тексту газеты. Не прочитанные нами слова обозначены в скобках «нрзб.», цифра обозначает количество слов.

Е. А. Папкина

Пожилой, лет сорок, солдат сидит на пороге теплушки. Шапка у него надвинута на брови, в губах – соломинка...

– Ти-ри... би-ри. Ми-ди-ри... Чум!.. – бормочет он, грозно пальцем.

На коленях у него – котёнок. Серенький, востроглазый.

– Бум! – вскрикивает грозно он.

Котёнок, с неподражаемой кошачьей грацией, сначала мотает головой, затем подымается на ноги.

Служит.

Солдат беззвучно хохочет.

Подхожу.

– Скажите, – спрашиваю, – как вы его научили? Котят трудно учить.

Солдат отвечает:

– Не знают, как учить. Зверям человеческого языка знать нельзя. Они в его не верят. Надо что-нибудь непонятное, от духования земного.

Разговорились. Солдат оказался Томской губернии Барнальского уезда. Места мне знакомые.

– Восстания, – говорю я, – у вас там.

– Знаю, – отвечает, – бунтует народ. Окно ищет.

– Какое окно?

– Темень одолела. Окно надо – хоть вылезть.

– В окно не лазят.

– Знаю, пословица есть. Ну, а нашему брату хотя по первости в окно. Сказка, вон, есть: царь какой-то окно из Москвы к англичанке просёк.

– Пётр Великий. Это стихи, выдумка, сам он, конечно, и не говорил.

– Может? Может, и курица не несётся? Кто знат – нам это поп на туманных картинах читал... Во-от глотка, и-и...

Я прерываю его:

– На фронте был?

– Где? Против немцев?

– Да.

– Был. И вот сюда попал.

– Добровольцем?

– Не-е... В Златоусте работал – мобилизовали.

– Что о красных думаешь?

– Дураки. Вечно воевать нельзя. А никто под большевицкое начало не пойдёт. Ружья бросить им надо. Я им один раз сказал...

– Когда?

– Недели три будет.

Я прошу его рассказать. Он суёт котенка за пазуху шинели и рассказывает:

– Поймали они нас обхватом – вроде как бы в дугу взяли. Ну, сдались мы: на рожон не попрёшь. После того призывают нас в штаб, выходит этакой ловкий, лягавый брякало и давай: «Товарищи! Так, мол, и эдак против старорежимников – в Сибирь, за хлебом». После того – слова дают. Я и выхожу. Я говорю: «Товарищи, в Сибири хлеба, верно, сколько хошь и никому не откажут – и крови лить не надо. Бросай винтовки и иди – али мы брата свою бить будем? Бери хлеба, ешь, а только коммунизму нам не надо...». Как эти большевики загалдят, как галки под вечер. Контрреволюционер, говорят, и к стенке!

Посадили меня. А тюрьма-то паршивая – бывший арестантский дом, это что по этапу гоняли. А сторожа из воронежских будут – ни черта не понимают. Уснули ночью – я и убёг.

...Мимо проходит поезд со следами битв и несчастий. Автомобиль с отвороченным боком; вагон третьего класса со сшибленной площадкой, похожей на сломанный козырёк фуражки.

Перехожу путь, иду к ларьку, где торгуют бабы.

Продают ягоды – костянику. Один рубль стакан. Много беженок – заметно по разговору. Одна другой, пользуясь отсутствием покупателей, рассказывает:

– Пришли в нашу деревню красные, митингу собрали. Наши думали: добро да шли, а они всех мужиков в Красну армию...

Везде и всюду – они. Красная армия. Все мысли сосредоточены на ней.

...Один офицер, молодой, юркий, как ящерица, в зелёной гимнастерке, разговорился со мной:

– Ездил я на три дня в Омск. И что вы думаете – жутко стало. Большинство сосредоточило свои мысли не на том, чтобы идти вперёд, а как бы бежать назад, на запад. Похоже на то, что голова хочет идти, а ноги отпадают.

– Паралич лёгонький.

– Нет, по-моему, судороги.

Офицер – бывший учитель. Он с большой любовью вспоминал своих учеников и с блестящими глазами говорил:

– Война кончится, по новой системе обучать буду. У меня выработана.

Опять беженцы. Угнетают душу невыносимо эти громадные, на вёрсты, обозы.

Обоз мы снимали на кинематографическую фильму. Шли мимо крестьяне – старики и старушки. Вот священник с попадъёй и детишками. Какой-то старикашка несёт на руках ребёнка.

– Какая странная манифестация, – говорит кто-то.

– Манифестация ненависти.

– К большевизму.

Да, манифестация. Вместо флагов – лохмотья, вместо музыки – слёзы.

Из теплушек вынимают больных и за неимением места спускают их на землю. Больные стонут, а один, с повязкой на лбу, кричит в бреду:

– Не бей! Не бей!

У окружающих вырываются возгласы сочувствия:

– Бедняги!

– Тиф что ли?

– Не, должно, простуда? (нрзб. 1).

Кто-то из толпы сообщает:

– В Петропавловске на тифозную больницу в шестьсот больных – девять сестёр милосердия.

А солдат, большеголовый и грязный татарин, говорит:

– Люди нету! Устала – все спать хочут...

Окружающие смеются:

– Философ!..

– Спать, говорит, хочут...

– И верно, спать.

Расходятся. Больные стонут. Какая-то старушка в дублёном полушубке подходит и стоит, крестя одного из беженцев.

– Знакомый? – спрашиваю я.

Старушка всматривается в подол фартука и отвечает:

– Быдто бы знакомый, да кто знат – они, больны-то, все на одно лицо. (нрзб. 3)

Размахивая руками, у (нрзб. 1) сундучка стоит человек в брезентовом плаще и рассказывает оживлённо что-то двум солдатам.

Подхожу.

– Жарят, парняги, в автомобиле по хорошей дороге, как ветер.

– Слышь, – спрашивает один, – автомобильный спирт, говорят, пить можно?

– Пьют. Я вам сейчас одну побасенку, со мной бывшую, расскажу. Ехали мы трое – капитан С., прапор О-в и я – в деревню одну, где значит стоял полковник С. с солдатами. Жарим себе спокойнѐхонько до деревни вѐрст семь. Вдруг – стой! Выскакивает патруль: «Куда?». А мы сдуру и брякни: «К полковнику С.». «Ага, – говорит, – вам к полковнику. Сейчас покажем». Смотрю я это – а у них на фуражках пятиконечные звѣзды. Красные. Я это кричу: «Товарищи! Слава богу – поймали, они меня под револьверами заставляли возить их, мерзавцы». Это на офицеров-то...

– А сам доброволец?

– Ты постой, не мешай. Те, верно, поверили – у офицеров оружие отобрали, а у меня нет, не заметили, а был у меня – за спиной, в отделении, наган. «Поезжай, – говорят, – в деревню». Ну, поехали. Дорогой потихоньку вынимаю я наган да одного из стражей – бух! А было их двое. Повернули мы обратно да мимо патруля – с треском! Пробежали. Стреляли они, в руку прапору попали. Зато пленного привезли. А потом оказалось: полковник-то в сторону отошёл, и были в деревне красные.

– Чѐрт, ты, – восторженно восклицает один из слушателей.

МАТЕРИАЛЫ

Авторы и адресаты писем

А. Е. Новосёлов.
Омск, 1911

Писатели-сибиряки М. М. Сязов, А. Е. Новосёлов, В. Д. Соколов (Митрич). Омск, 1914

А. Е. Новосёлов с женой Галиной Петровной и сёстрами.
Омск, 1910

Антон Сорокин.
Рисунок А. О. Никулина

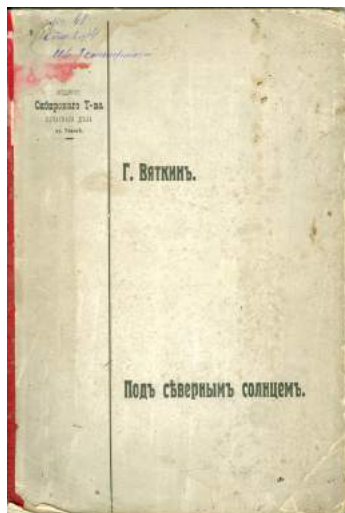
Обложка книги А. С. Сорокина
«Золото», 1912

Фрагмент экспозиции Омского литературного музея.
Раздел «А. С. Сорокин»

Г. А. Вяткин, 1910-е

Обложка книги Г. А. Вяткина
«Под северным солнцем», 1912

Георгий Вяткин (в центре) с Иваном и Юлием Буниными.
Москва, 1909.

Вс. В. Иванов, 1925

Дорогой Николай Васильевич! Поздравляю
подумать Вас с 25-м летним
юбилеем литературной и общественно-
политической деятельности. Я как
смысл, особенно доволен видеть Вас, как
и прежде, идущим по верному Ленинско-
му пути, творческому и отважному лиде-
рству и по правому украинскому
твердению нашей негаты. Вспомню
Вашу работу в Омском «Колхозе Казака»
и рад, что ~~вы~~ благодарным прочтете реченье
Зинаиды Колосовичи, — приключайте сейчас
активное участие в коммунистической
жизни и работе.

Феодору Иванову.

Автограф письма Вс. В. Иванова Н. В. Феоктистову

Обложка книги Вс. В. Иванова
«Сопки. Партизанские повести»,
1923

Сборник пролетарских
писателей. Обложка, 1917

Личные вещи Вс. В. Иванова – походная спиртовка, очки, футляр для карандашей, ваза. Экспозиция Омского литературного музея

Н. В. Феоктистов. Москва, 1924

Н. В. Феоктистов, Л. Н. Мартынов.
Новосибирск, 1927

Пенсне, печать, чаша курительной трубки и рукописная книга
Н. В. Феоктистова. Экспозиция Омского литературного музея

Новосёлов – А. И. Иванчину-Писареву¹

1

г. Омск

23 января <19>12

Пансион Сибир<ирских> каз<ачьих> войск.

А. Е. Новосёлову

Глубокоуважаемый Александр Иванович!

Когда будете выдавать гонорар, не забудьте и обо мне². В деньгах есть нужда. Меня ведь в связи с попыткой прочесть доклад о голоде³ устранили от заведования библиотекой да, кажется, и от пансиона не замедлят. Не знаю, есть ли у Вас средства на оплату беллетристики и подходит ли она под «статьи и корреспонденции», как значится на обложке.

Если нет – не претендую.

Ваш покорный слуга.

2

3/X <19>12

Омск

Глубокоуважаемый Александр Иванович!

Большое спасибо за гонорар (31 р<убль>). Нельзя ли высылать на моё имя «Сибирские вопросы»? Если это обременительно, пошлите, пожалуйста, хотя те книжки, в которых есть что-нибудь моё⁴. Я не имею ни одной. В местных киосках, как городских так и железнодорожных вплоть до Кургана, журнал, кажется, не выписывается совершенно.

Ваш покорный слуга.

11/II – 1916 г.

Милостивый государь Степан Семёнович!

Кажется, проезжая по Сибири, Вы имели намерение переговорить со мной относительно материала для издания.

Я позволяю себе беспокоить Вас с единственной откровенной целью – попытаться издать свои немногочисленные произведения. Я сибиряк коренной – остальное Вам понятно. До самых последних дней принципиально не посылал ничего в журналы метрополии, печатаясь, когда представлялась возможность, в сибирских изданиях, как Вам известно, чрезвычайно небогатых во всех отношениях. Мечты об интеллигентном капиталисте и возможности создать солидный областной орган так и остались мечтами; все, кому захотелось более широкой аудитории, признания и пр., ушли в Петроград – не устояли перед его блеском, перед славой; зарождающиеся местные издания, в силу этого, чахнут от первой же книжки; и вот я вижу, что, пока дождётся «сибирского», жизнь пройдёт мимо тебя, и ты не будешь иметь тех данных, с которыми в близком будущем явится возможность работать и в Сибири, для Сибири. Вот путь, который привёл меня к Вам, к тем, кто монополизировал право выдачи дипломов на звание художника. Поверьте, не обида и самохвальство диктуют мне эти слова. Я человек, говорят, уравновешенный и честлюбием оделен не выше обычного. Пишу не для заработка и имени, потому пишу мало. Есть у меня три книги, приготовленные к печати: 1) «Лицо моей родины»⁶ (сибирские очерки), 2) «Алтайские этюды» (очерки) и 3) «Рассказы».

«Этюды» не готовы: выправляются. «Лицо моей родины» может быть пущена на машину хотя бы сейчас. Средств для издания не имею, а устраивать «дела» в Петрограде не умею и не хочу. Если Ваше издательство принципиально не будет ничего иметь против этой книги, я пошлю её Вам на просмотр. Это очерки киргизской, казачьей и старообрядческой жизни, явившиеся побочным результатом трехлетних исследований алтайских староверов по поручению Географического об<щест>ва.

Это – полубеллетристика, полупублицистика, причём первое подавляет, всего 25 очерков, связанных в одно целое. Условия принимаю самые крайние, лишь бы не приплатить самому.

Что касается рассказов, то об этом пока рано: хочется включить последнюю вещь, над которой я работаю и почти уже закончил. Это большая повесть. Пойдёт в одном из старых «толстых» журналов в непродолжительном времени⁷. В февральской «Летописи» идёт безделушка – акварель «Жабья жизнь». Это – мой дебют в центре, и мне стыдно: уж если продался, то надо было выступать с вещью, которую бы заметили.

Бога ради, простите, Степан Семёнович, за многословие, но я с удовольствием выкладывал свою душу, вполне доверившись человеку, который интересуется Сибирью, нашими маленькими делами и большими надеждами.

Жму Вашу руку – А. Новосёлов.

Омск, Учебная, 63.

Из переписки А. С. Сорокина

Сорокин – Г. Н. Потанину¹

Антон Сорокин
Омск (Томская, 18)

Уважаемый Григорий Николаевич.

Я беру смелость побеспокоить Вас следующей просьбой, для меня это является очень важным, и я надеюсь, Вы не откажетесь ответить. Дело в немногих словах заключается в следующем. Как видно из прилагаемой газетной вырезки², скульптор Пожарский в честь вашего 80-летнего юбилея пожертвовал Ваш бюст своей работы и также и мой, и вот это вызвало различные толки, меня начали упрекать в том, что я недостойн занять место в музее рядом с Вами, что я молод и вообще бездарен и безграмотен и место моё не в музее, а в тюрьме, и даже отстранили меня от участия в однодневной газете «Сибирский день»³. Я думаю, что Вы читали мои рассказы (которые переведены на киргизский язык).

И потому только Вы можете ответить, желательно ли Вам моё соседство. Буду рад, если ответите. Не считая пока за собой такой большой заслуги, как Ваша, я иду уже по проложенному великими людьми пути, я всё-таки считаю свою работу о киргизах отвечающей мечтам и идеалам киргиз. Обречён на успех культурными людьми, в каждом рассказе я хотел бы отметить, что истинная культура не должна строить свою жизнь на костях старой Сибири и её первобытных жителей.

Надеюсь, не оставите меня своим ответом?

Омск (Томская, 18)

1915 года 20 апреля.

Сорокин – Ф. А. Березовскому⁴

Феоктист Алексеевич!

Прочитал Ваш рассказ, рассказ очень хороший по замыслу и выполнению. Лучшего символа нарушения христианского

учения ничего нельзя придумать, как описание тюремной жизни и показного христианства, неискренного, не одушевлённого учением Христа⁵. Ваш рассказ превосходит даже рассказ такого мастера, как Невесов⁶. Мне кажется, со временем в сибирской литературе он займёт одно из первых мест. Один недостаток его рассказов – подробное и иногда ненужное описание.

Слишком тщательное исполнение Вашего рассказа, мне кажется, должно занимать много времени. Было бы хорошо, если бы Вы писали как можно больше. Шлю привет и пожелание всего хорошего.

Сорокин – И. К. Пархоменко⁷

М<илостивый> г<осударь> И. К. Пархоменко!

Посылаю Вам бандеролью монодраму «Золото», о которой я получил большие письма Льва Толстого, Ив. Наживина, Ивана Рукавишников, М. Арцыбашева, Макс. Горького, Николая Карпова, Ив. Попова, М. Самородова, (нрзб.), Сазонова и других⁸. Буду рад получить и Ваш отзыв. Был бы счастлив, если бы Вы сделали бы для заглавной странички небольшой набросок и написали бы Ваше мнение о пьесе.

Мечтать о том, что Вы нарисуете мой портрет, я пока не думаю.

Шлю привет.

Антон Сорокин

Омск (Томская, 18)

Соб<ственный> дом.

Сорокин – В. С. Миролюбову⁹

М<илостивый> г<осударь>!

Бандеролью посылаю Вам свою пьесу¹⁰, надеюсь, что Вы найдёте возможным поместить её в Вашем журнале. В Сибири я работал 10 лет, в России же печатался мало, и потому, конечно, о вознаграждении не может быть и речи. Я буду счастлив Вашему вниманию ко мне, а то, что отчасти это внимание я заслуживаю, мне кажется, может служить письмо Льва Николаевича Толстого, который об этой пьесе пишет следующее:

«Милый дорогой брат.

Внимательно и с большим удовольствием прочитал Вашу пьеску. Тема не только очень хорошая, но и важная, это тема для большой драмы, советую заняться. Язык стал лучше и проще, им и пишите. И повторяю, что писать нужно для народа.

Лев Толстой»¹¹.

Другой же писатель Ив. Наживин об этой пьесе отзывался отрицательно¹².

Издательство Нонина в Петрограде копеечных книг, которым интересовался Толстой, анонсировало выход моей драмы, но за прекращением издано не было¹³. Надеюсь на внимательное ко мне отношение.

Н. Н. Карпов¹⁴ – Сорокину

Милостивый Государь

Г<оспод>ин Сорокин!

Не имея удовольствия знать Ваше отчество, вынужден называть Вас столь сухо-официально. С удовольствием прочёл вашу монодраму-примитив «Золото». По своему внутреннему содержанию она интересна, свежа; монологи Миллионера звучат искренностью, но их подавляющие длинноты – одно из главных препятствий к постановке пьесы. Современные актёры разучились произносить длинные монологи, они берут гримасой, паузой, настроением. В наше время автор с его замыслами, идеями, какие он выстрадал, – последняя спица в колеснице театральных божков; режиссёр и актёр на первом плане. Они скажут: «Ваша пьеса не сценична, в ней нет движения, она перегружена аршинными монологами» – что Вы с ними сделаете? Если бы Вы знали, что пришлось мне пережить, когда я присутствовал на репетициях моей пьесы «Мать»! Каждый актёр делал купюры и уничтожал именно то, что мне казалось самым нужным, самым важным. Они так измытарили мои нервы, что к спектаклю я был совершенно больным человеком!

В исканиях новых форм Вы создали пьесу, которую по техническим условиям невозможно поставить, – так ответит Вам любой театр. А жаль, пьеса, повторяю, интересна и глубока по мысли.

Пошлите Ваши пьесы: «Жёлтый ужас», «Битва», «О чём пел лебедь» в Литейный театр «Мозаика» (СПб., Литейн<ый> пр<оспект>, 51) Григ<орию> Григ<орьевичу> Ге¹⁵ – там идут исключительно одноактные вещи.

Маленькая просьба: если пройдёт у Вас, в Омске, моя «Мать»¹⁶, не откажите в любезности прислать мне два экземпляра программы, буду очень благодарен.

С совершенным почтением.

9/XI 1911

Гатчина, Багговутовская, 30

А. П. Плетнёв¹⁷ – Сорокину

Одесса. Улица Гоголя, 9, кв. 9

25 сент<ября> 1913

Милостивый государь!

В дополнение к моему письму присылаю это (?) с краткими впечатлениями о Вашем «Золоте».

Тема меня очень интересовала, ибо я, как автор («нрзб.»)¹⁸, давно пустил её в литературу. Вы дали в Вашей монодраме общую картинку (к тому же символическую) власти денег – с разработыванием её детально – с бытовой и психологической стороны. Но цели – одинаковы.

Много причин было встретить писателя, который из далёкой Сибири – вдохновился одним (?) сюжетом со мной. Я рад (?), что эта тема будет всё больше и больше разрабатываться нашими писателями и повлияет на (нрзб.) взгляды общества на сложившийся строй.

Трудно судить по книге о воплощении Вашей драмы на сцене. Но думаю, что она, при хорошем исполнении, может произвести сильное впечатление (нрзб.), мало думающих о причине причин неурядиц и безобразий нашей жизни.

В общем, Ваш труд указывает на (нрзб.) и отзывчивость автора.

Примите уверения в искреннем уважении

А. Плетнёв

Вяткин – В. Ф. Булгакову¹

1

Редакции журнала «Томский театрал».

Принимая приглашение редакции – участвовать в «Т<омском> т<еатрале>», я считаю, однако, нужным уведомить редакцию о следующем: я могу отказаться от сотрудничества в журнале по двум причинам: 1) если журнал в своих общественно-политических взглядах будет солидарен с «Новым временем», томским «Временем» и тому подобными органами печати²; 2) если редакция не найдёт возможным платить мне minimum того гонорара, который платят мне петербургские издания: minimum этот – 20 коп<еек> строка стихотворения и 5 к<опеек> строка прозы.

Прошу ответить по этому поводу письменно по адресу: Дроздовский переулок, д. № 9.

Пока – предлагаю три стихотворения.

С совершенным почтением готовый к услугам Г. Вяткин.
Томск, 4/II <19>06.

2

Уважаемый Валентин Фёдорович.

При сём – новая пьеска «Тайна поэта». Это красивый мотив, который я читал в переводе прозой и которым воспользовался для стихотворения. Печатайте его когда хотите, хотя бы и в 10-м №. Прилагаемую же заметку будьте любезны поместить в одном из ближайших №№.

Спектакли труппы Каширина начнутся со вторника. Предлагая свои услуги в качестве рецензента этих спектаклей, покорнейше просил бы Вас заблаговременно переговорить с администрацией труппы о бесплатном месте, дабы потом избежать недоразумений. Оказывается, что почти все пьесы, которые (по афише) предполагает поставить Каширин, уже знакомы мне по спектаклям столичных театров, чем значительно облегчается моё дело...

Кстати, не найдете ли Вы возможным выдать мне гонорар за первые два стихотворения и за рецензию о «Детях Солнца»³ в день выхода того №, в котором они будут помещены? Прошу об этом только потому, что в настоящее время мои финансовые затруднения весьма обострились.

Сознаю, что просьба несколько навязчива и преждевременна, но тем не менее должен прибегнуть к ней.

16-II-<19>06.

Г. Вяткин.

3⁴

Уважаемый Валентин Фёдорович.

Горячо сочувствуя Вашему журналу и желая поддержать его, я отказываюсь от гонорара за стихи. Статьи же и заметки пусть печатаются на прежних условиях; каждую долетевшую до меня новость из мира театра или искусства буду доставлять Вам немедленно.

Весьма прошу Вас об одном: распорядиться о безвозмездной и постоянной высылке мне «Т<омского> т<еатрала>» (в одном экземпляре) по известному Вам адресу; кстати, не пришлете ли Вы мне сегодня или завтра № 1 и 2 журнала? Я их не имею.

4

Ст<анция> Ясенки

Московско-Курской ж<елезной> д<ороги>.

Хутор В. Г. Черткова «Телятники».

Валентину Фёдоровичу Булгакову

22 янв<аря 19>10

Москва

Многоуважаемый Валентин Фёдорович, всей душой рад за Вас; за то, что на Вашу долю выпало действительно большое счастье – жить около Толстого, жить тем, чем живёт Толстой. Я совсем не толстовец, но бесконечно завидую Вашему теперешнему положению и не могу не выразить Вам своё искреннее пожелание: избежать неприятных столкновений с администрацией, цензурой и прочими истинно-российскими прелестями, познанными Гусевым⁵.

Через месяц поеду в Сибирь и, если позволите, заеду на сутки к Вам и хоть издалека посмотрю на Л<ьва> Н<иколаевича> (близко подойти к нему, право, не решусь)⁶.

Пишите мне. Я всегда с удовольствием отвечу Вам.

В милой Москве всё по-старому, а мне она уже начинает надоедать; наше землячество спит, – негде ему, бедному, главу преклонить⁷.

Ваш Г. Вяткин.

5

Томск, 12-V-1910

Как поживаете, многоуважаемый Валентин Фёдорович?

Захотелось мне почему-то написать о Вас в «Сиб<ирской> жизни»⁸, взял и написал. Может, не понравится, ну да ничего; привыкайте к зубам газетных крыс. Заработал 66 копеек на Вашей особе.

В Томске я уже давненько, с 15 марта. Летом буду на Басандайке⁹, а в сентябре снова «в Москву, в Москву». Милая, очаровательная Москва, не могу забыть её!

Томск грязен и симпатичен по-прежнему. «Сиб<ирская> жизнь» скучна, как всегда; дабы оживить её, пришлите письмо «Из Ясной Поляны, от собственного корреспондента».

В самом деле, присылайте нам что-нибудь, будем очень благодарны.

У меня была радость: получил гоголевскую премию на московском литературном конкурсе¹⁰. Откровенно говоря, не ожидал такого успеха.

Голубчик, подсуньте как-нибудь Льву Николаевичу открытку с его портретом, пусть подпишет, – пришлите мне¹¹, а я Вам за сию услугу пришлю кедровых шишек, когда они поспеют.

Пишите. Адрес: «Сиб<ирская> жизнь».

Ну, пока, aufviderzein.

Примите мой тёплый привет и лучшие пожелания.

Ваш Г. Вяткин.

P. S. На днях у меня спрашивал Ваш адрес студент-технолог Цветков. Я сказал.

Гороховы за границей, возвратятся в Бердск в июне. Из московских студентов-сибиряков никто ещё в Томск не приехал.

6

2 окт<ября, 19>10

Томск

Милый Валентин Фёдорович,
числа 22–27 октября я поеду в Москву; по пути очень хотел бы заглянуть в «Ясную Поляну», но не знаю наверное, там ли Вы теперь, и будете ли Вы там между 28 октября и 3 ноября. Если будете, то прошу Вас, сообщите возможно скорее: удобно ли мне приехать и как это сделать (т. е. на какой станции надо слезать с поезда и что делать дальше). Буду глубоко благодарен.

Адрес: редакция «Сибир<ской> жизни».

Примите мой искренний привет и лучшие пожелания.

Ваш Г. Вяткин.

7

Дорогой Валентин Фёдорович, очень жаль, что не застал Вас дома. Заходил, во-1), потому, что просто хочется Вас видеть, а во-2), есть дело, вот какое: «С<ибирская>ж<изнь>» поручила мне спросить у Вас, нельзя ли ей напечатать вещь Льва Ник<олаевича> о Фёдоре Кузьмиче¹² в день выпуска этой вещи. Можно ли это сделать и сколько это будет стоить? Пожалуйста, будьте добры, наведите по этому поводу справки и ответьте мне до пятницы. Зайдите или напишите.

Я бываю дома до 1½ ч<асов>, а затем в 5–6–7. Буду Вам очень рад.

Адрес: Арбат; Спасо-Песковский, д.1, кв. 27.

2 ч<аса> дня.

Привет! Ваш Г. Вяткин.

8

«Из литературных новинок.

Бывший секретарь Л. Н. Толстого томич В. Ф. Булгаков закончил на днях новую свою работу: «Религиозная поэзия». Работа посвящена памяти Л. Н. Толстого и выйдет в свет зимою в Моск-

ве. В настоящее время г. Булгаков живёт в имении В. Г. Черткова и принимает участие в редактировании «Толстовской библиотеки», систематизируя мысли яснополянского учителя из моральных и философских его сочинений»¹³.

Не сердитесь за эту заметку? Написал её немедленно по получении Вашего письма, т. к. в этот день было очень мало хроники. А затем надо же нам держать томскую публику в курсе булгаковского жития, ведь вы томич.

Сборник свой послать Вам пока не могу¹⁴, т. к. издание не моё и мне приходится за каждый экземпляр платить, денег же сейчас нет. Шлю Вам полдюжины своих стихов, имеющих отношение к религии. Стих <отворение>, посвящённое Льву Николаевичу, затерялось, даже в папке редакционного экземпляра не мог эту вещь найти: кто-то вырезал.

Идея Вашей работы мне нравится, хотя я и не религиозен. Но, по-моему, в произведениях религиозного характера всегда больше вдохновения, чем в иных, они всегда теплы и идут из глубины души.

В начале октября еду в Москву. Надеюсь Вас там хоть изредка видеть. Спасибо за письмо, за привет, я всегда рад Вашему голосу.

Ваш Г. Вяткин.

P. S. А как Ваша беллетристика?

Все посылаемые при сём стихи вошли в мой новый сборник.

9

28 сент<ября 1>913

Томск

Получил Вашу открытку, милый Валентин Фёдорович.

Благодарю за честь, которую Вы мне оказываете, включая мои вирши в сборник.

Книга, из которой Вы берёте стихи, называется так: «Г. Вяткин. Под северным солнцем. Издание 3-е. Томск, 1912».

Год моего рождения – 1885.

Надеюсь увидеться с Вами в Москве, думаю быть в ней во второй половине октября.

Ваш Г. Вяткин.

Вяткин – Д. М. Цензору¹⁵

1

СПб., 4-го октября

Уважаемый поэт,
я встречался с вами в Петербурге в 1905 году, в редакции «Нашей жизни» и «Товарища»¹⁶, где и я печатал иногда стихотворения и рассказы. Позволяю напомнить Вам о себе вот по какому поводу: на днях вышла Ваша книга «Легенда будней», и я хотел бы получить её от Вас с Вашей подписью. Не желая брать книгу бесплатно, просил бы Вас послать её наложенным платежом по прилагаемому адресу. Интересует она меня потому, что я всегда симпатизировал Вашей музе, а теперь я намерен написать о книге отзыв в большой сибирской газете «Сибирская жизнь», где я принимаю ближайшее участие, корреспондируя из Петербурга.

Адрес мой: Петербургская сторона, Малый проспект, д. 52, кв. 23, Георгию Андреевичу Вяткину.

С искренним уважением Г. Вяткин.

2

Дорогой коллега!

Я снова в Сибири и не знаю, удастся ли до января приехать в Петербург.

Ваши стихи выходят ведь скоро отдельным изданием, – посему обращаюсь к Вам с великою просьбой: вышлите мне (наложенным платежом) Вашу книжку¹⁷ по адресу: Томск, Дроздовский пер., дом № 9.

Издания товарищества «Вперёд»¹⁸ в Томск почти не пропускают, – поэтому и беспокою Вас этой просьбой.

Крепко жму Вашу руку. Привет Владимиру Николаевичу и К°.

Душевно уважающий Вас Г. Вяткин.

Томск, 10/XI <19>06.

Петербург. Дмитрию Цензору.
 Невский, 34, ред<акция> «Товарища»
 Hangö¹⁹ 3/VI <19>08

Дорогой коллега!

Из Петербурга я уехал на другой день после встречи с Вами на Невском, так что, при всём моем желании, не удалось зайти к Вам, о чём я, конечно, весьма сожалею.

Но Вы обещали мне свою книжку²⁰ – так вот что: заверните её в бумагу, перевяжите тонким шнурком, наклейте 7-коп<ечную> марку, напишите сверху: Финляндия, Ганге, Parkgatan, 6, Г. А. Вяткину и опустите в почтовый ящик. Буду весьма рад, если к книжке Вы присоедините и письмецо. Что нового в поэтическом мире? Как дело с Вашей новой книгой? Пожалуйста, напишите. – Жму руку –

Известный вам Г. Вяткин.

Вяткин – М. Г. Сивачёву²¹

23/III <1>911
 Томск

Многоуважаемый Михаил Гордеевич, статью о «Прокрустовом ложе»²² я напишу непременно через неделю – через две, словом, не позже Пасхи. № «Сибирской жизни» с этой статьей будет Вам выслан.

Некоторые непредвиденные обстоятельства побудили меня покинуть Москву раньше, чем я предполагал. В Томске пробуду до лета, где буду летом – пока ещё точно не выяснил, а осенью, по всей вероятности, снова буду в Москве.

Примите мой привет и лучшие пожелания.

Вяткин – Ф. Ф. Фидлеру²³

1

Москва,
30 окт<ября 1>912

Глубокоуважаемый Фёдор Фёдорович!

Простите, что, не имея чести знать Вас лично, я позволяю себе обеспокоить Вас этим письмом.

Случайно я узнал, что в Берлине вышла Ваша книга: «Русische Lyriken», перевод 230 русских поэтов.

Будьте добры сообщить, не вошли ли в эту книгу и мои стихи? Я печатался в «Журнале для всех», «Русском богатстве», «Русской мысли», некоторые мои стихи вошли в «Русскую музу» Якубовича и в «Избранные произведения русской поэзии» Бонч-Бруевича²⁴.

Буду глубоко признателен за ответ. Мой адрес: Москва, Цветной бульвар, 25, кв. 28.

Г. Вяткин.

2²⁵

Петербург, Николаевская, д. 67.
Его высокородию Ф. Ф. Фидлеру.

Глубокоуважаемый Ф<ёдор> Ф<ёдорович>! Одновременно с этой открыткой шлю Вам сборник моих стихов²⁶. Чтобы не затруднять Вас чтением всей книги, я пометил наиболее удачные стихи крестиком. Буду очень рад, если хоть одно стихотворение Вы найдёте заслуживающим перевода.

На всякий случай ещё раз сообщаю Вам свой адрес:

Москва, Цветной бульвар, 25, кв. 28.

Г. Вяткин.

3

Москва
1 февраля <1>913

С удовольствием, Фёдор Фёдорович, исполняю Вашу просьбу об автобиографических сведениях.

Что касается портрета, то сейчас у меня его нет, но считаю для себя честью послать его Вам и обещаю сделать это при первой возможности.

Буду Вам весьма признателен, если вы пришлёте мне в рукописи перевод моих трех стихотворений. Если Вас не затруднит, будьте добры исполнить эту мою просьбу.

Душевно уважающий Вас

Г. Вяткин.

Москва, Цветной бульвар, 25, кв. 28.

4

20/II <1>913

Москва

Глубокоуважаемый Фёдор Фёдорович, пока – не имею возможности прислать Вам более удачный портрет. Авань напишу летом повесть, продам её, разбогатею, снимусь у Ренара или у Фишера²⁷, и тогда Вы получите настоящую карточку.

Переводы Ваши надеюсь получить раньше Пасхи.

Адрес мой до 10-го марта прежний, а после 10-го уезжаю в Сибирь, и тогда будет так:

Томск, редакция газеты «Сибирская жизнь».

С искренним уважением

Г. Вяткин.

5

Сибирское товарищество печатного дела.

Типолитография, цинкография

и издание газеты «Сибирская жизнь».

Томск, 3 апреля, 1913

Глубокоуважаемый Фёдор Фёдорович, может быть, согласно Вашему обещанию, Вы пришлёте мне к Пасхе Ваши переводы моих стихов? Очень бы обрадовали.

Адрес мой: Томск, редакция газеты «Сибирская жизнь».

Г. Вяткин.

Вяткин – В. И. Анучину²⁸

Москва, 27/X <1>912

Добрейший Василий Иванович, конечно, прежде всего мой тёплый привет Вам и Софье (?) и всякие хорошие пожелания Вам обоим. Затем две просьбы, с которыми обращаюсь именно к Вам (а ни к кому другому), как к наиболее аккуратному и наименее занятому человеку. Во-первых, я забыл передать для С. С. (не подумайте, что С. С. – это сукин сын или статский советник, нет – это «Сибирский сборник»)²⁹ одну, полученную мною вещь Коваленки-Кузнецова, из которой, может быть, можно что-нибудь извлечь. Лежит она в комнате секретаря, в одном из левых ящичков большого стола. Достаньте её оттуда и присоедините к получаемым материалам. А затем вторая просьба: не откажите раз в месяц сообщать коротенько, как дела со сборником, поступают ли интересные рукописи и пр. Буду Вам весьма признателен. Адрес мой: Москва, Цветной бульвар, дом 25, кв. 28.

Ежели судьба пошлет Вам незаслуженное счастье – встречу и разговор с Снегурочкой, скажите ей, что сердце моё запуталось в золотых сетях её чудесных волос и не знает, как выкарабкаться...

Ваш Г. Вяткин.

Вяткин – С. С. Кондурушкину³⁰

1

Псков, 13/ VI

Дорогой Степан Семёныч, прошу и меня включить в число Ваших сотрудников по «Земле»³¹. Рад возникновению хорошей беспартийной газеты под Вашей редакцией.

Шлю стихотворение. Месяц назад оно было взято «Единством», но там затеряно. И вообще не хочу больше в «Единство»: скучная газета, и вовсе не рабочая, а интеллигентско-полеми-ческая³².

Не откажите в любезности выслать Вашу «Землю» (пробные №№ пока) по двум адресам:

1) Г. А. Вяткину, Псков, Архангельская, 5, Союз городов)
и 2) Псков, Никольская, 9, в «Бюро просвещения».

Жму руку. От души желаю успеха.

Не знаю, будете ли Вы оплачивать статьи. Но разрешите первое время работать бесплатно.

Ваш Г. Вяткин.

2

Псков, 29/XII <1>917

Дорогой Степан Семёнович,
сегодня послал Вам статью «Писатели и народ», думаю, что она подойдёт для «Земли».

На эту тему: о заслугах русской литературы перед народом – мне хочется написать брошюру в 2–3 листа, с портретами, и озаглавить её так: «Русскому народу о русских писателях». Это была бы своего рода «история литературы» от Ломоносова и Радищева до Короленки и Горького, написанная с точки зрения общественной роли наших писателей, являющихся как бы революционным авангардом. Словом, чтобы, прочтя эту брошюру, массовый читатель знал, что были на свете Пушкин и Гоголь и Глеб Успенский и Владимир Короленко, боровшиеся за такие-то идеалы, написавшие то-то. Попутно может быть приложен небольшой список (названий 50) лучших и более подходящих для народа произведений данных авторов. Конечно, брошюра должна быть написана самым простым языком.

Вот, не возьмёт ли у меня Ваше издательство такую брошюру? Мог бы приготовить её в одну-две недели. Но, сознаюсь, для меня важен и гонорар, ибо из армии, как б<ывший> учитель, я уволился, нигде ныне не служу и жалованья ниоткуда не получаю.

Напишите мне вкратце Ваши соображения по поводу брошюры. Может, такая уже есть? Тогда не стоит. Но я такой не видел и полагаю, что она нужна.

Ещё два слова. Не откажите передать в контору «Земли» две просьбы: 1) посылать газету с Нового года по новому адресу: Псков, Губернаторская, 46, Г. А. Вяткину, по одному экземпляру (вместо прежних 5, которые, будучи в Союзе городов, я отдавал

солдатам); 2) посылать с 1 января по 1 июля 1 экземпляр в счёт моего гонорара по адресу: п. о. Улала, Алтайской губ<ернии>, культурно-просветительному кружку.

Привет Вам и милой семье Вашей.

С душевным уважением Г. Вяткин.

Вяткин – Н. С. Ашукину³³

1914 12/V

Милый Николай Сергеевич,
шлю Вам свою заметку о Вашей книжке. Хотел написать о ней побольше, но не было времени: не успел приехать в Томск, как был вызван в Харьков, где теперь работаю в «Утре»³⁴.

А где будете летом Вы?

Не откажите в любезности передать сердечный привет всем (нрзб.) и (нрзб.) Смирновой.

Харьков, Г. Вяткин

12/V <1>914

К письму приложена вырезка из газеты «Сибирская жизнь» за 1914 год:

«Николай Ашукин. Осенний цветник. Москва. 1914. Книгоиздательство «Куранты». Цена 50 к.

Книжка стихов г. Ашукина “Осенний цветник” заслуживает внимания, – она вполне литературна. Чувствуется, что автор любит музыку стиха, её напевность прочно живет в его душе. Он умело и добросовестно пользуется завоеваниями модернизма, избегает банальности и трафарета. Он искренен, порою нежен, некоторые его строфы волнуют и запоминаются. Общий тон книжки – лёгкий, элегически вдумчивый, кое-где немножко сентиментальный.

Г. В.»

Новосибирск, 18/VIII <19>27

Глубокоуважаемый Павел Яковлевич,

Вашу открытку, полученную в мае, я тогда же затерял и только вчера случайно нашел её в своих бумагах.

Спешу ответить, хотя, может быть, уже поздно. Автобиографию даю очень краткую, ибо не считаю себя поэтом пролетарской революции. Вернее – я поэт революции 1905 г<ода>, когда революционные мои стихи печатались в «Русском богатстве», «Журнале для всех»³⁶ и др<угих> изданиях и много раз перепечатывались в хрестоматиях (см. «Русскую музу» П. Я., «Избранные произведения русской поэзии» Бонч-Бруевича, «Чтец» – Серёжникова и др.)³⁷.

Прилагаю список своих книг и карточку.

Мой адрес: Новосибирск, Обдорская, 10.

Г. Вяткин

Автобиография Г. Вяткина.

Р<одился> 13 апреля 1885 г<ода> в Омске, в бедной семье сибирского казака. Учился в учительской школе (Томск), затем в учительском институте (Казань).

Первое стих<отворение> появилось в 1900 г<оду> в томской газете «Сибирская жизнь». С 1905 года печатался в лучших тогдашних газетах и журналах, столичных и провинциальных. В 1912 году получил премию имени Гоголя за рассказ «Праздник» на всероссийском конкурсе молодых писателей в Москве. При старом режиме за сотрудничество в левых изданиях подвергался обыскам и арестам. За революционные стихи 1905 г<ода> был привлечён к суду по 129-й статье Уложения о наказаниях (призыв к ниспровержению существующего строя). С 1921 г<ода> систематически работает в советской печати. Состоит членом Всероссийского Союза писателей.

Книги Г. Вяткина

1. Под северным солнцем. Лирика. Томск, 1912.

2. Опечаленная радость. Лирика. Книгоиздательство «Огни». Ленинград. 1917.

3. Золотые листья (сборник рассказов). Книгоиздательство «Огни». Ленинград, 1917.
4. Как дети Буку искали. Сказка для детей. Омск, 1921.
5. Чаша любви. Лирика. Новосибирск, 1923.
6. Алтайские сказки. Для детей. Новониколаевск, 1926.

Вяткин – А. А. Демидову³⁸

Дорогой Алексей Алексеевич, заходил, не застал. Очень сожалею, что в Новосибирске не увиделись.

Я только вчера вечером получил Вашу открытку, т. к. полтора месяца отсутствовал – ездил на курорт.

Завтра еду в Черепановский...

Надеюсь, зимой быть в Москве и, значит, видеть Вас.

«Село ЕК»³⁹ давно прочёл, но без карандаша в руках, поэтому и не писал Вам. Да и нечего, ибо к мелочам придирааться не стоит, а в целом вещь художественно-убедительна, значит, хороша.

По данным н<ово>сиб<ирских> библиотек, «Село» имеет успех у рядового читателя – а это главное.

Жму руку.

Всего доброго.

Тороплюсь оформить командировку, достать денег и пр.

Ваш Г. Вяткин.

P. S. Не забывайте. При случае пишите. Адрес тот же: Обдорская, 10.

10/VIII, 9 ½ часа.

Вяткин в редакцию «Литературного наследства»⁴⁰

Новосибирск, 17/1<19>35

В редакцию «Литературного наследства»

Отвечаю на письмо от 5/1-1935

У меня имеется несколько писем М. Горького и воспоминания «М. Горький и сибирские писатели» – последние были напечатаны в журнале «Сибирские огни» за 1928 г<од>. Номер

журнала давно разошёлся, представляет сейчас библиографическую редкость, и у меня имеется лишь 1 экземпляр.

Если редакция «Литературного наследства» оплатит расходы по перепечатке, то воспоминания и письма вышлю Вам через несколько дней по получении от Вас денег. Потребуется рублей 30–40.

Материалы о Горьком имеются ещё у М. И. Ашарова и А. Л. Коптелова⁴¹ – их адрес: Новосибирск, редакция «Сиб<ирские> огни» (они бывают здесь ежедневно).

Кстати, сообщаю, что у меня имеются автографы и оригиналы (записки, открытки и письма, адресованные П. И. Вейнбергу⁴², мне и другим лицам) следующих писателей: Л. Толстого, А. Чехова, А. Плещеева, А. Жемчужникова, Якубовича-Мельшина, Бориса Зайцева, Ив. Бунина, А. Караваевой, Л. Сейфуллиной, Давида Бурлюка, два больших письма Романа Роллана и других. Если что-либо потребуется, сообщите об условиях.

Мой адрес:

Новосибирск, ул. Челюскинцев, 23, кв. 5.

Георгию Андреевичу Вяткину.

В. Д. Бонч-Бруевич⁴³ – Вяткину⁴⁴

7 февраля 1935

Г. А. Вяткину

Новосибирск,

ул. Челюскинцев, 23, кв. 5.

Многоуважаемый Георгий Андреевич, И. С. Зильберштейн⁴⁴ сообщил нам содержание Вашего письма от 17-го января т<екущего> г<ода>. Нам было бы очень интересно получить имеющиеся у Вас письма М. Горького (подлинники), а также и Ваши воспоминания о нём, если бы Вы прислали нам тот номер журнала «Сибирские огни», в котором они напечатаны, – вместе с Вашей рукописью. Расходы по перепечатке того и другого, в том случае, если Вы хотите оставить себе копии, мы, разумеется, оплатим немедленно по получении от Вас материалов; если же Вас затрудняет снятие копий, то мы это сделаем

здесь и вышлем их Вам заказной бандеролью. Одновременно я прошу Вас прислать нам и все имеющиеся у Вас автографы писателей, которые будут немедленно рассмотрены и оценены нашей Оценочной комиссии (Так. – Ю. З.), а причитающаяся Вам за них сумма будет выслана Вам почтовым переводом.

Благодарю Вас за сообщение о М. И. Ашарове и А. Л. Коптелове, которым напишу сегодня же. Для сведения при сём прилагаю общее информационное письмо о задачах и целях нашего Музея. Если Вы имеете сведения ещё о каких-либо интересных литературных материалах, – сообщите нам.

Всего наилучшего.

Директор Л<итературного> м<узея>:
/Влад<имир> Бонч-Бруевич/

Вс. Иванов – А. С. Сорокину¹

22/III <19>21

1

Прелестнейший Антон Семёнович!

Получил Ваше письмо из коего видно, что Вам скучно – иначе Вы бы не стали писать мне. С Троновым² познакомлюсь как-нибудь, хотя тут Троновых очень много. Живу я, например, в квартире художника Маковского, и на стенах у меня его картины, а сижу в кресле с графской короной. Увы! Но Петроград многому-многому научил меня, и как бы я желал видеть Вас и как бы Вы были здесь у места!

Теперь кое-что о себе. Горький ко мне очень благоволит. Устроил печатание пяти моих рассказов сразу в пяти журналах, хлопочет академический паёк, а пока я великолепно (лучше омского) столуюсь в «Доме учёных». Затем он же обещает переиздание моих «Рогулек»³ и других рассказов, а «Фарфоровую избушку» придётся, наверное, в исправленном виде печатать за границей⁴. Кстати: Гребенщиков в Париже, где и прогремел своим романом «Чураевы»⁵. Послезавтра Горький уезжает в Москву, везёт мои рассказы и один большой рассказ, написанный здесь, – «Партизаны».

Он рекламирует меня так же, как рекламировали Вы некогда меня – и на меня, в моём полушубке и заячьей шапке, смотрят здесь, как на медведя, который вдруг заговорил человеческим языком.

Автографы достану с удовольствием. Пришлю. Пошлю денюга через 4 Вам и Александру Павловичу⁶ журналы. Книг здесь трудно достать, т. к. меня в Гос<осударственном> издательстве не любят: там я поругался однажды с Ионовым. Но что можно – пошлю. Почта у меня под рукой. Получил от Чапыгина⁷ письмо. Он в деревнях, охотится, сердитый очень. Особенно сердчает на Питер. (Нижняя часть страницы обрезана, продолжение письма на обороте. – Ю. З.)

Сейчас кончилось осадное положение, и культурная жизнь входит в своё русло. В субботу я читаю в «Доме искусств» свой рассказ. Там есть очень талантливые люди. Из молодых. Выйдет сборник – где будет мой рассказ, а также двухнедельная газета, журнального типа. И там думаю кое-что дать. Работаю усиленно. Великолепная у нас библиотека, свободного времени 24 часа в сутки, но вначале было очень холодно и голодно, сидел положительно на $\frac{1}{4}$ хлеба в день. Попробуйте так? Очень неприятно.

Только народ здесь очень необщительный и сухой. Очерствели люди. Это неприятно коробит, и временами прямо берёт тоска.

На улицах 5° тепла, и идёшь в распахнутом полущубке. Тоже хорошо.

На одной из лекций Евреинов говорил о Вашей монодраме «Золото»⁸ и упомянул, что Вы умерли. Напишите-ка ему в «Дом искусств» (Мойка, 37) и пришлите какую-нибудь пьесу. Вот удивится-то.

Привет Валентине Михайловне⁹ от меня и жены. И ещё привет – Мартынову¹⁰. Я его стихи отдал в один журнал. Ответа ещё не получил. Хорошо, если бы он прислал ещё. Скажите ему. Хотя я ему напишу. (Далее обрезано. – Ю. З.)

2

Пролеткульт

Редакция и контора журнала «Грядущее»

Дворец пролетарской культуры

Дорогой Антон Семёнович! Письмо моё залежалось и посылаю сразу два. Получил сейчас от Горького письмо, что мой рассказ «Партизаны» «очень хорош» и т. д. и что он его увозит с собой в Москву и прочее. Это хорошо, т. к. Горький очень скуп на похвалы. Очень. И похвалам его придают большой вес Так и я.

«Пролеткульт» берёт выпустить мою книгу рассказов в 100 стр<аниц>. И ещё одно издательство. Получил академический паёк. И кроме того – пальто, костюм и прочее всё, так что теперь сибирского во мне и на мне мало осталось. Э-эх!..

Каковы Ваши успехи? Чудачите по-прежнему – я ни от кого, кроме Рябова-Бельского¹¹, ничего не получал об Омске. Да Вы вот ещё сообщили.

Пишите, Антон Семёнович.

Получил ли Александр Павлович моё письмо и посылку с журналами? Я рассказ «Партизаны» (ок^{оло} 10 страниц – не более, пожалуй) посвятил ему. А Вам уже посвящу или следующий или последующий, где больше будет духа антосорокинского.

С большой любовью вспоминаю о Вас. К сожалению, Вы любите людей. А по-моему – не к чему любить их. Подлецы.

Привет Валентине Михайловне – от меня и жены.

Жена у меня выступает с хорошим успехом, на первых ролях, в Народном доме М^{осковского} р^{айона} ¹². Даже на днях в публике «было две истерики». Это тоже очень хорошо.

25/III <19>21

3

Антон Семенович!

Получил я от Вас сегодня письмо – второе по счёту. Благодарен. Журналы со своими произведениями и вообще журналов вышло – тем более что почта от меня рукой подать.

Писал ли я вам, что за рассказ «Партизаны» я получил 150000 и сегодня ещё за рассказ «В снегу» из Москвы привезли мне 40000. Нужно сказать, что деньги я уже истратил. Купил книги и великолепнейшую серию открыток работы А. Бенуа.

Тронова так и не видал, и всё нет времени. Рассказ мой новый «Вагон № 12.442», который будет напечатан в сборнике молодых писателей в Берлине и выйдет через месяца 2–2 ½, я с Вашего разрешения посвящаю Вам, милейший Вы человек.

Ерошин¹² на днях уезжает в Сибирь. Он разочарован глубоко – Вы его, наверное, увидите, т. к. он заедет в Омск.

Видал на днях комедию Евреинова «Самое главное». Ах, какая прелестная и как точно сработана вещь и как здесь играют. Вам положительно нужно и необходимо быть в Петрограде. Поедете?

Нет, вы, конечно, не поедете и хорошо сделаете.

Привет Валентине Михайловне от меня и моей жены.

А жена моя хочет после 1-го мая поехать служить на летний сезон в Москву.

15.04.1921.

Вс. Иванов – Н. В. Феоктистову

Дорогой Николай Васильевич! Разрешите поздравить Вас с 25-тилетним юбилеем литературной и общественно-политической деятельности. Я, как омич, особенно доволен видеть Вас, как и прежде, идущим по верному ленинскому пути, по-прежнему любящему литературу и по-прежнему укрепляющему твердыни нашей печати¹⁴. Вспоминаю Вашу работу в омском «Вольном казаке»¹⁵ и рад, что Вы, благополучно пройдя тяжёлые этапы колчаковщины, – принимаете сейчас активное участие в величайшей социалистической стройке.

Всеволод Иванов

ИССЛЕДОВАНИЯ

ПАВЕЛ ВАСИЛЬЕВ И СЁСТРЫ АНУЧИНЫ

Посвящается первому директору
Дома-музея Павла Васильева в Павло-
даре – Лидии Григорьевне Бунеевой

Вот теперь о нём пишут воспоминания, и скажу
прямо, положи руку на сердце – законописали, так же,
как Сергея Есенина, не хватает только золотого вен-
чика вокруг головы. Не таков он был! Он был лучше,
чем о нём пишут. Живее...

М. М. Скуратов. Человек он был!..¹⁾

Часть I

Девушка со строгими бровями (Галина)

Первая жена Павла Васильева – Галина Анучина... В семнад-
цать лет она стала невестой поэта, через два года – его женой.
Ей он написал более дюжины любовных писем. Только один год
(1932-й) они прожили вместе. А за этим годом счастья наступила
для бедной Гали нечаянная разлука. И потянулась череда дол-
гих печальных дней.

Но нет худа без добра. Разлука послужила толчком для соз-
дания стихов в честь Галины. В стихах этих нет дерзости – в них
строгая нежность:

Вся ситцевая, летняя, приснись!
Твоё позабываемое имя
Отыщется одно между другими,
Таится в нём немеркнущая жизнь.
(1933)

Галина Анучина родилась в 1911 году в Омске. Её отец
Н. А. Анучин – потомок древнего дворянского рода. Он приходится
поэту Сергею Городецкому двоюродным братом, о чём Городецкий
сообщил моей тёте Е. Н. Анучиной, подарив ей в 1961 году свою
книгу с надписью: «Дорогой по крови и творческому запалу Жене

Анучиной один из её предков». От него мы узнали, что Анучины имели дом в г. Орле и поместье в Орловской губернии, недалеко от Спасского-Лутовинова. Обращаясь к матери в стихотворении «Шестидесятница родная...», С. М. Городецкий замечает:

Как в честь тебя седоволосый
Тургенев молвил комплимент.

Интересна семейная легенда, изложенная в стихотворении «Прабабка», о том, как прадед поэта Анучин купил цыганку в таборе, чтобы жениться на ней (ценой последнего имения помещик приобрёл жену). В нём упоминается и «лутовиновская ведьма», которая вместе со всеми «шипела» по поводу этой выходки своенравного Анучина. Не знаю, правда это или вымысел. Во всяком случае, мой дед, Николай Алексеевич, не имел ни дома, ни поместья. Судьба забросила его из Орла вначале в Ломжу, потом в Омск, где и появилась на свет моя мама, Галина.

Первые две дочери, Люба и Женя, родились в Ломже. Николай Алексеевич служил коллежским ассессором. Семья имела весьма скромный достаток – моя бабушка Мария Александровна вела хозяйство, в чём ей помогала прислуга Дуняша. Страстный книголюб, Николай Алексеевич регулярно выписывал новые книги из Петербурга, за что сестра Надежда называла его «сумасшедшим». Умер дедушка в 1913 году. Самой младшей, Гале, было два года. За ним через шесть лет последовала и супруга. Сёстры остались одни. Вначале их взяла тётя Надя. Но семнадцатилетняя Люба скоро вышла замуж. Её муж, Евгений Фёдорович Люблинский, был старше её на десять лет. Кадровый военный. Добрейший человек. Взял на иждивение Любу вместе с сёстрами. Самой способной из сестёр была Женя. Училась блестяще. После школы поступила в лесотехническую академию, Сибяку, как тогда говорили. Там познакомилась с Иваном Шуховым, пришедшим в институт с рабфака. Они поженились и вместе ушли из института. Их увлекла литературная работа. Молодой Ваня Шухов писал стихи:

Растревожил тишину станицы
Я походом в утреннюю муть.
Мне домишки с заспанными лицами
Не успели шапками махнуть...

По поводу этого стихотворения Евгения пишет Ивану в письме от 1926 года: «Я давно знала, что ты двойник Есенина...».

Потом он станет известным прозаиком, автором книг «Ненависть», «Горькая линия». А Евгения писала рассказы, и очень успешно. Её хвалили Лидия Сейфуллина, Владимир Зазубрин – редактор журнала «Сибирские огни» и сам Павел Васильев.

Супруги были приняты в Омскую Ассоциацию пролетарских писателей (ОМАПП). Так пятнадцатилетняя Галя Анучина из мира Пушкина, Тургенева и других великих, чьи книги она прочла в отчем доме, оказалась в великолепной компании молодых поэтов и прозаиков, членов ОМАПП. Тут она и продолжила своё литературное образование. В 1928 году она услышала на каком-то поэтическом вечере, как молодой кудрявый паренёк, бледнея, басил нараспев:

Жёлтые пески, зелёные воды
Да гусями белыми пароходы...

(Стихотворение «Прииртышь», 1928)

Галя была сражена и влюбилась раз и навсегда.

На этом вечере она замешкалась, отстала от подружек. А на крыльце стоял – ОН, не один, конечно. Но других она просто не заметила. Галя прошмыгнула мимо, а Павел посмотрел ей вслед и сказал: «Как стрела!». Второй раз они встретились в доме старшей сестры Любы. Дело в том, что, когда Женя стала «замужней дамой», она ушла от сестры. Жила в Новосибирске, где вместе с Ваней Шуховым работала в редакции «Сибирских огней». Но сестёр навещала. И как-то по приезду в Омск встретила Павла, с которым была хорошо знакома к этому времени. Он пошёл за ней к Любе. Там завладел разговором – все молча слушали. И вдруг из кухни в комнату вышла Галина. Поэт потерял дар речи – наступила пауза. Лицо девушки сияло – синим взглядом, ярким румянцем. Павел сочинил мгновенно:

Ах, Галина, ты, Галина,
Не девчонка, а малина,
Малинка-смородинка,
Над губою родинка.

Я, её дочь, только в мыслях могу представить себе, что когда-то моя мама была такая «ягодка-смородинка», что она непре-

станно смеялась от избытка молодого счастья. Что муж ругал её, зачем она запудривает свой румянец. Простодушная весёлость лица уступила место выражению печали, даже страдания. И улыбалась она грустно, хоть и ласково. Но «глаза в дыму», «тяжкие ресницы», «пушок у губ» – сохранились до конца жизни. И когда я читаю у отца: «Глаза твои, в них пролетает дым», то это как пароль: «Внимание – мама!». Вот фигурой своей мама была недовольна и втайне завидовала своей подруге Наде М. с её рельефными формами, хотя и фыркала с презрением относительно «буфета» и «комода», которыми её природа обделила. Да, не было в ней «телесного избытка», говоря словами самого Павла Васильева. Но так ли уж это было плохо? Стройная, худощавая, с округлыми красивыми плечами, маленькими ладошками, небольшой грудью и слабо обозначенными бёдрами, она и в пятьдесят лет на ялтинском пляже выглядела девочкой-подростком. Её фигура удивительно гармонировала с миловидным лицом, неспешной походкой и погружённостью во всегдашнюю задумчивость.

Но задумчивость пришла потом, когда ей, бедняжке, многое пришлось пережить. Тогда же, в июне 1928-го, всё было отлично:

Так мы идём с тобой и балагурим,
Любимая! Легка твоя рука!
С покатых крыш церквей, казарм и тюрем
Слетают голуби и облака...

(Из письма Галине от 12 декабря 1930 года)

Да, с того самого вечера, когда Женя привела Павла в дом своих сестёр, начались свидания. Влюблённые бродили по улицам, заходили в палисадник дома, где жили Васильевы, на кладбище и вообще искали укромные уголки. Часто они находили пристанище на берегу Иртыша:

Тень ветра в поле, запахи листвы,
Предутренняя свежесть побережий,
Предзорный отсвет, медленный и свежий,
И долгий посвист птичьей тетивы...

(«Вся ситцевая, летняя, приснишь...», 1933)

Неожиданная командировка прервала эти встречи. Павел вместе с поэтом Николаем Титовым отправляются в путешествие

по Сибири. Путь свой Васильев начинает, отплывая на пароходе из Омска. Оставляет на берегу Галину. Прощается с ней полусерьёзно, сам ещё не понимая, что Галина для него значит:

Ждёт на Севере другая,
Да не знаю только, та ль?
И не знаю, дорогая,
Почему тебя мне жаль...

Поэт ожидает, что возлюбленных ещё тьма впереди:

Мир огромен,
И подруги
Молча вдоль него стоят...

Потому он и не печалится, расставаясь с милой: это ведь не последняя его милая. Кстати, стихотворение он так и называет – «Расставанье с милой». Забавно, но только Галю в своих стихах он называет «милой». Других – подружкой, зазной, забавой, медынью, наградой, дорогой, но милой – только её. Расставшись с Павлом, Галя с головой окунулась в хлопоты. Она хотела поступить в институт по окончании школы – момент настал.

Но, увы, Галя была, страшно сказать, дочерью коллежского асессора, правда, покойного. И вообще круглая сирота, без средств к существованию. Но всё это не принималось во внимание. Ей удалось поступить в художественно-промышленный техникум (Худпром) без стипендии и без общежития. Только через год её сокурсники выхлопотали для Гали и то, и другое. Худпром дал Гале специальность технолога по деревообработке. И так, в 1929-м году – студентка Худпрома. Здесь и нашёл её Павел, вернувшись из странствий по Сибири. Правда, на самом деле он вернулся в Москву, а в Омск только наезжал – там и встречался с Галей. А когда Галя приезжала в Москву к сестре Евгении, которая тоже в 1929-м стала москвичкой, Павел спешил туда. В 1930-м они поженились, но Гале надо было доучиться в Худпроме. Последний учебный год (1930–1931) был особенно напряжённым: посылали на практику далеко в сибирские города. Виделись редко. Между супругами началась переписка. В июне 1930-го Галина получает письмо из Кзыл-Орды:

«Я в Кызыл-Орде. Здесь страшная жара, много дынь, арбузов, яблок, персиков, миндаля. Катаюсь в степи на верблюдах и лошадях, пью кумыс, загораю, крепну. Скоро выезжаю на Аральское море – буду ездить на шхунах, уничтожать рыбу. В общем – путешествие интересное. После Аральского моря весьма вероятно поеду на Балхаш и Иссык-Куль. Ах, как здесь хорошо, Галинка, как хорошо. И как жаль, что нет тебя со мной. Но ничего, ведь я надеюсь, это ненадолго? Верно?»

Целую, Павел.

P. S. Как ни страшны здесь верблюды, но я всё же предпочитаю их компанию компании местных девушек. А ты?».

В августе 1930-го Павел приехал в Омск из Кызыл-Орды через степь, оставив позади себя, как и обещал в письме, Арал, Балхаш и Иссык-Куль. Тогда же он объявил всем друзьям, что женится. Портрет «жениха» представлен в воспоминаниях писателя-сибиряка Михаила Никитина: «...бронзовый от загара, раздавленный в плечах и как бы подросток Павел Васильев заправским франтом предстал... в белой рубашке с отложным, жёстко накрахмаленным воротником, в белых же штанах из так называемой рогожки и в безукоризненно белых башмаках, начищенных зубным порошком, – он был ослепительно наряден. Меловая помазка на обуви была наложена столь щедро, что, если бы не свойственная Павлу крадущаяся рысья походка, вокруг ног его на каждом шагу непременно вскуривалась бы меловая дымка». На замечание Никитина, что он словно жених, Павел ответил, «рассыпаясь дробным смешком», что он и есть жених, но только имени своей невесты не назвал. Оказывается, это была младшая Анучина – Галина. «Похожая на медвежонка, милая, простодушно-веселая» – такой портрет «невесты» даёт Никитин. Тогда же, в августе, Павел проводил жену на практику в какой-то дальний уральский город. Галя написала мужу оттуда. И тот ответил.

«Здравствуй, Галина! <...>... но письмо всё-таки я получил. Письмо чудное. Причём, можно читать чуждое и чудное, оно, по-моему, очень искренне написано и даже по-своему лирично. Как это у тебя там: “и мне вдруг сделалось грустно, как тогда под твоей рукой, – готова была плакать...”. Прямо тургеневский оборот. Позволь мне, Галина, быть тоже искренним, конечно,

минус лирика и минус Тургенев...». Этот небольшой диалог в письмах говорит о том, что их супружеский союз был к тому же творческим. Оба они относились к людям «пера», и любой текст обязательно обсуждался по качеству: она удачно написала – он заметил и похвалил. Что же касается «минус Тургенев», то здесь супруг упоён своими похождениями: «После твоего отъезда я здесь порядочно пил в “Аквариуме” и других значных местах. Сопутствовала мне, конечно, “омская сборная”, в которой наряду с такими громкими именами, как Забелин, были и скромные, как, например, Казаков и некто Куксов».

В ноябре 30-го года Галя получила два письма. Первое – с укором: «Галина! Стало невозможным то, что ты не пишешь. Стало душно и так нехорошо, тревожно на душе, что хоть всё бросай и топись. Галина, что такое, почему? Неужели ты сама не хочешь писать мне, отвечать мне, разговаривать со мной. Может быть, и это, может быть, и что-нибудь другое... Не всё ли равно мне? Горько, больно – вот всё, что могу сказать. Развожу руками. Неужели и в самом деле всё так грубо и бездарно скроено на свете? Почему я такой нескладный, нелюбимый и несчастный...».

В конце письма он умоляет: «Весточку... маленькую весточку, Галина! Ты не представляешь, как я буду целовать эту малюсенькую бумажку, исцёрканную твоей прелестной рукой, твоей воздушной рукой, твоей обожаемой рукой!..».

Во втором письме он счастлив, наконец получив «весточку» от Галины:

«Галина! Твоё письмо подействовало на меня лучше всякого лекарства. Я снова полон энергии, жажды деятельности... Ты для меня, Галочка, – тёплое дыхание, ты для меня – всё. Теперь, как никогда, я чувствую, что мы должны быть с тобой ВМЕСТЕ».

В восторге он сочиняет стихи, в которых поведал всему миру, что только в Галине он видит спасение, только её присутствие рядом успокоит его душу и защитит её от зла:

И имя твоё, словно старая песня,
Приходит ко мне. Кто его запретит?
Кто его перескажет? Мне скучно и тесно
В этом мире уютном, где тщетно горит
В керосиновых лампах огонь Прометея

Опалёнными перьями фитилей...
Подойди же ко мне. Наклонись. Пожалей!
У меня ли на сердце пустая затея?
У меня ли на сердце полынь, да песок,
Да охрипшие ветры!

Мама была как большой ребенок – наивна, доверчива. Неумение притворяться, отсутствие пресловутой женской хитрости явно отличало её от всех, кого знал поэт. Про таких говорят – не умеет жить. Ему, ершистому и жёсткому, постоянно ожидающему подножки со стороны, уставшему от клеветы, сплетен и интриг – вечных спутников непутёвого поэта, нужна была искренность Галины, её простота:

Вот почему, должно быть, чту
И голос твой, и простоту,
И чуть задумчивые губы...».

(«Когда-нибудь сощуришь глаз...», 1933)

Два письма пришли в декабре 1930-го. Первое – от 12 декабря – Павел писал в перерыве между работой над поэмой «Песня о гибели казачьего войска». В письме он жалуется: «Писать (имею в виду стихи) не хочется. Балуюсь детскими сказками, вроде:

Были песни у меня – были, да вышли
У крестовых прорубей на чёртовом дышле.
Без уздечки, без седла на месяце востром
Сидит Баба Яга в сарафане пёстром.
Правда, детей напугать можно...»

(это строчки из поэмы «Песня о гибели казачьего войска»).

В том же письме посвящение маме – «Так мы идём с тобой и балагурим...». Стихотворение заканчивается признанием:

И самой лучшей из моих находок
Не ты ль была? Тебя ли я нашёл,
Как звонкую подкову на дороге,
Поруку счастья?..

Между прочим, Галина была мастерица писать письма. Сестра Евгения хвалила её: «Дорогой друг Галька! Я ни от кого не получаю таких интересных и милых писем, как от тебя...». Вот и во втором декабрьском письме (вообще-то оно написано в январе 1931-го) сам Павел, подобно Евгению, хвалит письма

Галины: «За твои письма я готов с большой охотой променять всю сокровищницу русской литературы – Достоевского, Толстого, Пушкина... Я ношусь с твоими письмами, перечитываю их много раз и даже пытаюсь читать их нараспев. Ей-богу!».

Учёба Гали подходит к концу. Она уже готова ехать в Москву, ждёт выдачи диплома. Нетерпеливый супруг шлёт записку: «...Если не дадут диплома, наплевать, и без него обойдёмся великолепно. Понятно? Пожалуйста, не зли и не волнуй меня, а выезжай как можно скорее». Записка отправлена 20 октября 1931 года – мама приезжает в Москву в ноябре. В нашем семейном архиве есть телеграмма от Мальвины Марьяновой², отправленная 3 декабря 1931 года по адресу: Москва, Покровский бульвар, 8, кв. 7. Васильеву (Приходите сегодня с Галиной). Не успела мама приехать в Москву, как друзья Павла спешат с ней познакомиться. Ведь он о приезде жены прожужжал всем уши.

В тесноте, да не обедали! Так шутил Павел, когда вместе с Галей ехал в набитом трамвае, смеясь и сыпля шутками-прибаутками, а она вторила ему своим мелодичным смехом. Денег не было ни гроша. Галя приехала в Москву с единственным приданным – дипломом в кармане. У Павла с гонорарами тоже было негусто. Как снять квартиру? Пошли к сестре Жене, для которой прошли времена бездомности: она снимала комнату и только что получила в распределителе новое пальто. Его-то Женя отдала молодожёнам. Пальто было продано, и комната снята. Павел божился Жене, что деньги отдаст, а на первое время сочинил стишок и уговаривал Женю обратиться с этим стишком в Государственное издательство художественной литературы (ГИХЛ). Вот он:

Евгения из нашей семьи,
Приметы – грусть во взорах.
Аванс большой её влекли,
ГИХЛ, дай рублишек сорок.

Долг был на время прощён. А 4 марта Павла арестовали по делу «Сибирской бригады». Так в шутку называли свою компанию писатели-сибиряки, обосновавшиеся в Москве с 1929 года (Н. Анов, С. Марков, Л. Мартынов, Е. Забелин и др.). У Павла на тюремной фотографии лицо потерянное, глаза потухшие. Будучи в подавленном состоянии после ареста, возможно, избитым,

он всё же помнит, что нужно уберечь Галину от недобрых глаз. Потому в анкете он пишет, что холост, а записку Галине 5 марта отправляет по адресу её сестры Евгении. Записка необходима, потому что они куда-то собирались ехать, и Галина буквально сидела на чемоданах, пока Павел ходил за билетами на поезд. Как объяснить ей своё внезапное исчезновение? И он придумал неожиданную командировку. Сам текст записки говорит о нежности их отношений: «Галечка, милая! Посылаю тебе денег и билеты, которые ты немедленно продай (если успеешь, конечно). Жди меня две недели, т. к. я неожиданно и срочно вынужден был выехать по очень важному литературному делу.

Дорогая, прости, что не мог известить тебя заранее. Целую тебя, ненаглядная моя. Павел».

Страстная площадь, Сытинский переулок, 12, вторая площадка по лестнице налево, звонить и спросить Евгению Анучину. 5.03.1932...

Маме удалось встретиться со следователем И. И. Илюшенко. Тот поражался, как Павел Васильев любит свою жену – каждый день пишет ей новые стихи. Где эти стихи теперь – неизвестно. Получив три года ссылки условно, Павел в конце мая 1932 года был отпущен. По дороге домой поэт сфотографировался. Фотография помещена во многих стихотворных сборниках. Вот он сидит на табуретке, смеётся, счастлив. На нём светлый костюм, в руках чемоданчик. Только дата указывается не та – 1933 год.

Денег всё не было. Вместе с Галей он в июне переехал в Кунцево ко Льву Черноморцеву³. Жили бедно, каждый день ездили в Москву, навещали знакомых, чаще всего чету писателей-сибиряков Надежду Чертову и Михаила Никитина, у тех была двухкомнатная квартира. Павел не разрешал Гале рассказывать, как они плохо живут, как нуждаются. А когда возвращались домой, проходили мимо освещённых окон, где виднелись абажуры. Заглянув в окно на первом этаже, можно было хотя бы посмотреть на уютно обставленную комнату. «Ничего, Галья, у нас тоже всё это будет», – утешал Павел жену:

Ничего, родная, не грусти,
Не напрасно мы с бедою дружим.

Я затем оттачиваю стих,
Чтоб всегда располагать оружием.

(1932)

Но Галина и не грустила. Ведь она была бесребреница. К тому же очень равнодушно относилась к домашним заботам. Лишь бы было, что поест. Да было бы чисто. Кухня, уборка, стирка – всё это мало её занимало, скорей бы отделаться. Ведь рядом был любимый человек. Поэт! Ночью он часто сидел за столом, работал. Как-то разбудил её и прочёл стихотворение «Конь» («Замело станицу снегом белым-бело»). Галя спросонья ответила ему, мол, ничего. «И только-то!» – возмутился автор. Ей хотелось подняться до уровня мужа и сестры Евгении, работать в редакции, писать рассказы. У неё был хороший слог. Её всегдашнюю приподнятость над обыденностью, готовность оставить повседневные дела ради того, чтобы послушать стихи, например, пронизательный муж сразу подметил, о чём не преминул сказать Галине в своём обращении к ней:

И тот огонь случайный чту,
Когда его кругом так мало.

В этом стихотворении («Когда-нибудь сощуришь глаз...») он как бы приобщает Галю к содружеству поэтов, приписывая ей «огонь случайный», который творит сам поэт, о чём несколькими строчками ранее в том же стихотворении Павел заявляет:

Да, я придумывал огонь,
Когда его кругом так мало.
Мы, рукотворцы тьмы, огня,
Тоски угадываем зрелость...

Трудно быть женой поэта, такого непредсказуемого, такого влюбчивого. Об этом и бабушка моя Глафира Матвеевна писала: «Да, Галя, он поэт, уж такая у тебя судьба. Пойми и прости его». Мама почувствовала «такую свою судьбу» впервые, я думаю, в августе 1932-го. В июле ещё всё было прекрасно, мир и покой в семье. Тогда же Галина понесла и всё время твердила Павлу, что уж ребёнок это будет её поэма. Ожидание ребёнка не приковало Павла к дому. Отнюдь. Он каждый день уезжал в Москву – бегать по редакциям, пристраивать стихи, как объяснял он. Именно тогда Пётр Орешин⁴ привёл Павла к И. М. Гронскому,

редактору журнала «Новый мир». Гронскому Васильев понравился, он представил поэта А. В. Луначарскому, В. В. Куйбышеву и другим властным людям. Много было новых знакомств, в том числе и с женщинами, красивыми и не очень, модницами, умницами, мимо которых поэт пройти не мог, потому что был жадный до жизни, до женщин, до приятельских застолий. Но о Галине Павел всё же вспоминает в московской сутолоке:

Я боюсь, чтобы ты мне чужою не стала,
Дай мне руку, а я поцелую её.
Ой, да как бы из рук дорогих не упало
Домотканое счастье твоё!

(1932)

Это стихотворение – первая ласточка в череде стихов, которые хочется назвать повинными. Оно обращено именно к Галине, и вот почему. Она всегда избегала тяжёлых объяснений и неизбежных после этого ссор. Галя предпочитала недоговорённость и, обладая большим чувством юмора, даже пыталась всё свести к шутке. Но глаза выдавали её. Вот и в этом стихотворении поэт предполагает:

И когда я душил её руки, как шеи
Двух больших лебедей, ты шептала: «А я?»
Может быть, потому я и хмурился злее
С каждым разом, что слышал, как билась твоя
Одинокая кровь под сорочкой нагретой,
Как молчала обида в глазах у тебя...

Молчала обида – это точно про маму. Я сама видела такой её взгляд – его трудно вынести. Стихи стихами, но Гале от этого не легче. Каждый день для неё был пыткой. Измучась ждать мужа в Кунцево, она ехала в город к Чертовой и Никитину. А поздно вечером приходил мрачный Павел. Михаил Никитин рассказывает: «Когда муж, наконец, приходил, кроткая Галя неизменно смотрела на него излучающими добрый свет васильковыми глазами и со свойственным ей тактом старалась смягчить обстановку, что ей иногда удавалось благодаря юмору и иронии, которыми она награждена была в избытке». Вместе с Павлом они отправлялись в свой опостылевший дом, избегая объяснений. И каждый надеялся, что всё решится само собой. И каждый желал и не

желал скорой развязки. В декабре 1932 года Павел везёт беременную жену в Омск, в дом своих родителей. Пробыв там месяц, он в конце января 1933-го уезжает в Москву. В поезде поэт пишет стихотворение «По снегу сквозь темень пробежали...» об этом грустном расставании. Теперь уже ему не до шуток, как тогда в 1928-м. Он жалеет Галину:

Тёплую, тяжёлую от горя.
Золотую притянул к себе...

Одной фразой Павел определяет характер своей милой жены:

Девушка со строгими бровями,
Навсегда готовая простить...

Беззаботное время ушло – на смену ему пришла взрослая жизнь, где не до шуток, где приходится отвечать за свои поступки, мучиться и страдать:

И ещё он тихо запеваёт,
Холод расставанья не тая,
О тебе, печальная, живая,
Полная разлук и встреч земля.

Галя ещё не понимала тогда, что они расстанутся навсегда, но он это знал точно. Потому что всё для себя решил. Он станет первым поэтом России. И не когда-нибудь, а сейчас, немедленно. У него для этого, Павел думает, есть всё – и талант, и покровители из власти. А о Гале придётся забыть! Так поэт совершает предательство. Но тем не менее пытается убедить Галю (а возможно, и себя), что он её не бросил, а только оставил на время. В марте одно за другим приходят два письма. В первом (от 10 марта) он объясняет, почему долго не отвечал (целый месяц – февраль): во-первых, из-за неприятностей: «...у меня сняли “Песню...” с отдельного издания и вынули её из книги стихов...». Это всё о многострадальной «Песне от гибели казачьего войска», которая так и не была напечатана при жизни автора. Но ему было уже не до «Песни...»: на очереди стояла новая поэма «Соляной бунт». «Но вот я обрадую тебя: на меня напала невиданная ещё в моей жизни лихорадка. За этот месяц, пока мы с тобой не виделись, я написал около четырёх тысяч строк (разбитых, правда). Это новая поэма, она называется «Соляной бунт». <...> Печататься

она будет в мартовской или апрельской книге “Н<ового> мира”. И, кроме того, на днях я подписываю договор на её отдельное издание. . .».

В следующем письме (от 27 марта) Павел пишет, что «конфисковали № “Нового мира”» из-за его поэмы, «успело разойтись лишь 100 экз<емпляров> журнала».

Между тем Галя живёт в доме Васильевых. Всем она пришла по душе. Особенно понравилась деду Николаю Корниловичу. Мама вспоминает, как он говорил: «И где он её такую нашёл, будто она век была наша». В апреле от Павла пришло письмо: «Здравствуй, дорогая Галья! Ты права – в Москве весна в полном разгаре и народу много. Ты соскучилась по Москве. Скоро увидишь её! Вот роди только, окрепни немного, а там вместе с треском приедем в Москву. Впрочем, если у меня дела будут особенно хорошими, т. е. если этот сезон окончится для меня триумфально, как я по некоторым данным рассчитываю, то мы будем жить в провинции, как делают все порядочные люди, и в Москву приезжать только время от времени. Так хочется мне. . .».

Он собирался жить в провинции?! И оттуда наезжать в Москву. . . Пустые мечтания! Но в сердце Гали эти слова вселяют надежду. 10 апреля она родила дочь, чем очень угодила моим бабушке и дедушке, ведь у них было четверо сыновей – наконец-то девочка. Получив известие об этом, Павел пишет письмо 18 апреля: «Здравствуй, Галина! Поздравляю с рождением дочери. . .». В письме есть P. S.: «“Нов<ый> мир” с “Бунтом” выйдет через две недели». И всё! Он молчал три месяца, и в августе мой дед посылает невестку с ребёнком в Москву к её замолчавшему мужу. Конечно, Павел встретил Галю, еле узнав её – так она похудела (в 1933-м был голод). Он устроил жену к Елене Усиевич⁵ на несколько дней, даже шутил:

Сидит Ванька – сын купецкий

На десятом этаже. . .

В конце концов Галя вынуждена была уехать из Москвы, где, как она поняла, ей с ребёнком места не было. Никто не захотел её приютить – ни сестра Женя, ни Елена Усиевич, ни Павел, у которого была уже новая жена Елена Вялова. Да и с чего бы это они должны были взять на себя заботы о матери с грудным

ребёнком? У каждого была своя жизнь. В отчаянии Галя уехала. Но не в Омск, а в Новосибирск, к своей старшей сестре. Вот где её ждали с нетерпением. Люба ещё в марте 1933-го написала младшей сестрёнке, узнав, что она ждёт ребенка, письмо, где звала её к себе: «...даже Женька (муж. – *Н. В.*) сейчас же завопил: возьмём Гальку к себе, а то как же она будет справляться одна, потому что Павел, верно, твой всё время скачет...».

И теперь, в сентябре 1933-го, Люба хлопотала вокруг Гали, как могла – молоко, кефир, постирушка для ребёнка. И утешала Галю, как умела. Представляю себе, что она ей говорила. Ведь у меня есть письма тёти Любы к маме: «Бедная моя Галочка, ты всё-таки сделала большую ошибку – вышла за Павла». Или в другом письме: «Ты ещё молодая, забудешь, найдёшь другого».

А маме нужно было совсем не это – доброе слово надежды. Она не хотела верить в то, что случилось, что она оставлена мужем.

Ко всему этому в сентябре мама получила письмо от Е. Ф. Усиевич. Елена Феликсовна категорична в оценке Павла: «Только о Паше забыть Вам надо. Каждая женщина, которая придёт с ним в близкое соприкосновение, – погибнет, будет стёрта в порошок, потеряет человеческий облик. И ничего взамен. Этого не изменить. Старайтесь о нём не думать». Но как не думать о нём? Ведь Галина знала Павла совсем другим: нежным, предупредительным. Она помнит, как вела себя, словно принцесса, позволяя мужу хлопотать по хозяйству и ухаживать за ней. Только свекровь, Глафира Матвеевна, понимала свою невестку и вместе с ней переживала всю эту историю с неудавшейся поездкой Гали в Москву. Она непрерывно писала письма в Новосибирск, звала Галю с ребёнком в Омск: «...Ты, конечно, знаешь мою мечту – видеть вместе всех вас, до тех пор я не успокоюсь. Но Богу известно, когда это будет. А будет непременно! Ведь надоест же Пашке вся эта волынка». Глафира Матвеевна собирается сама в Москву к сыну, но денег на дорогу нет. Да ещё и боится ехать: «Как подумаю, в какой обстановке он живёт и что тебя там нет и Наталочки, так душа и упадёт. И рвусь, и прямо не знаю, что делать». Глафира Матвеевна волновалась совсем не зря: Галина была близка к самоубийству. «Очень хочется умереть, и дово-

ды о том, что надо жить, становятся всё слабее. Ведь у меня нет совершенно никаких импульсов жизни. Я потеряла себя. И ужасаюсь и стыжусь себя. Кто я? Мне только немного страшно, не знаю, перед Богом это или перед своей собственной совестью. Как оставить ребёнка? Ведь я его родила», – так напишет Галя сестре Жене в сентябре 1933-го.

Писем от Павла не было. Но зато он подарил Галине ещё три стихотворения («Вся ситцевая, летняя, приснись...», «Когда-нибудь сощуришь глаз...», «Не знаю, близко ль, далеко ль, не знаю...»). В июле 1933-го был сдан в набор сборник «Стихи», гранки которого сохранил библиограф М. И. Чуванов (сборник так и не увидел свет). Вот почему мама не получила этого подарка, она прочла стихи только в 1957-м в посмертном сборнике. Поэт ещё раз прощается с Галиной. И напоследок молит её хотя бы присниться ему или даже явиться перед ним «щучьим повелением». Ещё раз на прощание он признаётся в любви к ней («Свидетельствую: ты меня опутала, как мне хотелось...»). Но какими жестокими словами заканчивается это признание:

И ты припомнишь меж иными
Меня как птичий перелёт...

Нет, видит Бог, Галя не хотела такого исхода событий. Между тем Глафира Матвеевна продолжает звать Галину в Омск, та не решается. Решимость пришла вместе с письмом, что Галя получила от Павла: «Милая Галька! Миллион раз собирался послать тебе письмо. Много раз садился писать и бросал, потому что чувствовал – выйдет сплошная мерзость (ведь как я перед тобой виноват!). Галюсик, – верь – не верь, несмотря ни на что я всё-таки одну тебя люблю, и рано или поздно (я постараюсь поскорее) мы будем вместе» (22 марта 1934 года).

Письмо это разрешило все сомнения. Галя договорилась, что в августе она приезжает в Омск вместе с дочерью. Тогда же туда ждали и Павла. Но он приехал в июле, и не один, а с Леной Вяловой. О том, что его родители с минуты на минуту ждут Галю с дочерью, он попросту забыл, – его поглощали свои проблемы, а их было немало. В марте 1934-го в доме поэта Михаила Герасимова он познакомился с Натальей Кончаловской⁶ и, что было неизбежно, влюбился в неё. Начались ухаживания, свидания. Потому

и писем от него не было после того, что он прислал 22 марта. А 14-го июня во всех центральных газетах была опубликована статья М. Горького «Литературные забавы». Васильев был объявлен хулиганом и фашистом. («Жалуются, что Павел Васильев хулиганит хуже, чем хулиганил Сергей Есенин...» и «...от хулиганства до фашизма шаг короче воробьиного носа».) Свидания с Кончаловской сразу же прекратились: осторожная Наталья отвернулась от поэта – неблагополучный Васильев в женихи не годился. Затем последовал второй удар по самолюбию – Павла не пригласили на первый съезд писателей.

Поэт обиделся, как ребёнок. И сбежал из Москвы в Омск. Одному ему ехать было нелегко. Он берёт с собой верную Лену, которая практически одна его не покинула и всё время была рядом. Но моему деду Николаю Корниловичу до всего этого не было дела. Он не пустил их на порог, выгнал, заявив, что у него одна сноха – Галина. И супруги на ночном пароходе отплыли из Омска в Павлодар, где жил дед Матвей Васильевич Ржанников. Прямо на палубе парохода (между прочим, на буфетном столике, как вспоминает Е. А. Вялова) Павел дописывает стихотворение «Иртыш». Начал его он ещё в 1933-м, написал несколько строк, но дальше дело не шло. А вот приехал в Омск, и гнев отца заставил непутёвого сына всё вспомнить и ещё раз покаяться перед брошенной Галей. Последние строчки адресованы, без сомнения, ей.

Я б с милой тоже повстречаться рад –
Вновь распознать забытые в разлуке
Из-под ресниц позолоченный взгляд,
Её волос могучий пережат
И зноем зацелованные руки.

Чтоб про других шепнула: «Не вини...»,
Чтоб губ от губ моих не отрывала,
Чтоб свадебные горькие огни
Ночь на баржах печально зажигала.

Чтобы Иртыш, меж рек иных скиталец,
Смыл тяжкий груз накопленной вины,
Чтоб вместо слёз на лицах оставались
Лишь яростные брызги от волны!

Мама приехала буквально следом за беглецами. Ей всё рассказали, а 12 августа она прочла в «Известиях» стихотворение «Иртыш», вырезала его из газеты и сохранила.

Павел приехал в Омск в сентябре, отправив Лену в Москву напрямик из Семипалатинска, где они провели август. Подбросив меня пару раз и передав бабушке, ушёл с Галей в Железнодорожный сад к месту их прошлых свиданий. Они долго там говорили. Мама вспоминает, как он сказал ей: «Галечка, только то время, когда мы были с тобой и у нас вовсе не было денег, я был счастлив». А ещё добавил, что лучше им пока жить не вместе. Теперь-то ясно, что папа имел в виду – его называли хулиганом и фашистом («Литературные забавы»), и литературное сообщество (за редким исключением) сделало всё, чтобы закрепить в памяти людей образ «разбойного атамана от поэзии»⁷ Павла Васильева. Общество грубо вторглось в частную жизнь совсем ещё молодого человека и выставило её напоказ. А ведь как раз тут поэт выглядел не лучшим образом в силу особенностей своего буйного нрава (повышенная эмоциональная возбудимость, неуравновешенность и непредсказуемость поведения).

Одновременно с этим было сделано всё возможное для того, чтобы затруднить напечатание произведений Павла Васильева даже в периодике, не говоря уже об отдельном издании, – из пяти подготовленных к печати сборников ни один не вышел в свет. Так Павел Васильев, по манере письма глашатай и трибун, был искусственно превращён в камерного поэта, известного лишь узкому кругу профессиональных литераторов. В критической литературе гражданская функция его поэзии вообще не рассматривалась. Критики, дружно называя Васильева живописцем пера, так же дружно «не замечали» философского содержания его стихов. Он был объявлен (и остаётся до сих пор) поэтом «тёмной» и «жестоккой» природности (Л. А. Аннинский), певцом грубой силы и животной страсти. Если к этому добавить необоснованные обвинения Васильева в аморальности (С. Н. Марков)⁸, то становится ясно, почему до сих пор его уникальная лирика не допущена к подрастающему поколению – в школу. Да, Павел Васильев смело вторгается в область тайного и стыдного. Но делает

он это лишь для того, чтобы перевести стыдное в плоскость красоты человеческой – поднять сладострастие «на крыльях своего духа»⁹. Например:

Под юбки бы... По золочёной коже скользить,
Скользить и родинку найти.
Я знаю: от ступни и до виска
Есть много жилок, и попробуй тронь их –
Тотчас же кровь проступит на ладони,
И сделается тоньше волоска
Твоё дыхание и сойдёт на нет,
– Там так темно, что отовсюду свет,
Как рядом с солнцем может быть темно,
Темно до звёзд, тепло, как в гнёздах птичьих,
И столько радостей, что мудроно постичь их,
И не постичь их тоже мудроно...

(Дорога. Отрывок из поэмы «Большой город», 1934)

Возлюбленную на ложе любви он уподобляет Солнцу, заставляя читателя поклоняться ей. Но где же сам читатель? Он до сих пор не прочёл эти стихи по не зависящим от него причинам. Вот почему сейчас нам надо думать не только о возрождении поэзии Павла Васильева, но и о восстановлении его доброго имени. Тогда, в 1934-м, Васильев понимал одно: то, что с ним делают, очень опасно. От «фашиста» легко можно перейти к «политическому врагу», а тогда – смерть. Так и случилось.

Галя ничего не знала о травле, поэтому, скорей всего, слова Павла дали ей какую-то надежду на будущее. С тем и уехала в Новосибирск обратно к Любе.

Последнее письмо пришло в 1936 году. Поэт нарисовал свой профиль в шляпе и подписал под рисунком: «Мы, Павел Васильев, любим Галину». Дальше только можно прочесть заголовок «Мои советы». Сами советы оборваны: видно, возмутили донельзя целомудрие Галины.

Об аресте Павла Васильева в 1937-м стало известно из письма в Новосибирск Глафиры Матвеевны. А в 1938 году маму внезапно вызвали в милицию для беседы. Кто-то донёс, что она была женой «врага народа». Все запаниковали и в Омске, и в Москве. Мой дядя Борис был послан бабушкой в Новосибирск за мной

и увёз меня в Омск. Но мама отделалась лёгким испугом. Видно, пожалели её за молодость и красоту.

Я оставалась в доме Васильевых вплоть до 1939-го года. Помню, как ночью вдруг зажёгся везде свет, в доме ходили незнакомые люди. Они пришли за дедом. После ареста Николая Корниловича мама срочно приехала из Новосибирска и забрала меня. Сын Николая Корниловича Виктор вместе с семьёй (он к тому времени женился) был выслан в Екатеринославку – дальнюю деревню под Омском, туда же уехала Глафира Матвеевна с оставшейся семьёй. Связь с ними потерялась. Мы с мамой остались совсем одни.

«Не родись красивой, а родись счастливой», – говорит русская пословица. В самом деле, мамина судьба это подтверждает. Муж оставил её, когда ей было всего 22 года. И с тех пор всю жизнь – одна. Она всегда жила в ожидании прекрасного, должного произойти с ней. И это случилось однажды, когда её полюбил (и не на минуту) Павел Васильев. Правда, он жестоко оставил её, но этот урок ничему не научил упрямыцу. Галя продолжала вести себя как царевна-несмеяна, ожидая нового сказочного принца. Принц не появился. Хотя её обаяние не оставалось незамеченным. Даже я помню одного поклонника, между прочим, начальника строительства (авиазавод тогда ещё строился), который был отвергнут и женился на маминой подружке – весёлой красавице Клаве Прохоровой. Война началась, когда маме было всего 30 лет. Она была тогда похожа на всех киноактрис сразу: и на Милицу Корьюс («Большой вальс»), и на Вивьен Ли («Мост Ватерлоо»), и на Марику Рокк («Девушка моей мечты»). Сегодня в клубе демонстрация фильма, завтра в цехе говорят: Галя, а ты похожа. К тому же мама и на здоровье не жаловалась. На заводе был устроен кросс. Всех заставили бежать, и мама прибежала первая, обогнав двадцатилетних. Принесла домой премию – два пирожка, очень смеялась. Пирожки я тут же слопала.

Работала мама всю жизнь по своей специальности – технолог по деревообработке, вначале на строительстве авиазавода, потом, когда завод был запущен, в деревообделочном цехе. Дослужилась к концу до главного технолога цеха. Но поначалу привыкала трудно. Ей не нравилось работать «мелкой пешкой»,

когда вокруг неё «чурбаны». Об этом она ещё сестре Жене писала в 33-м. Ещё бы! После Москвы, мужа, блестящих знакомств вдруг окунуться в серую повседневность, где главная забота одна – добыть денег на жизнь: скудное питание, скудную одежду. Ей претили грубые разговоры, мат. Держала она себя так, что в её присутствии никто бы не посмел выругаться, тем более рассказать неприличный анекдот. Но вот странно! Это всё не раздражало «чурбанов». Напротив, Галя очень нравилась всем сослуживцам. Вела она себя с ними ровно, приветливо. Сплетнями не занималась. Поглощённая своими мыслями, она не интересовалась подробностями чужой жизни. Когда начинались двусмысленные разговоры, скабрзные шутки, Галя отмалчивалась, зато с удовольствием пела в импровизированном хоре вместе с другими простыми женщинами в нашей большой кухне.

Мы жили в каменном пятиэтажном доме. На каждом этаже семь комнат и кухня. В кухне на плите никто не готовил. Все предпочитали электроплитки. И в нашей восьмиметровой комнате прямо на полу стояла такая электроплитка. А в кухне вечерами пели: «Ой ты, Галю», «Летят утки» и пр. Слабый мамин голосок тонул в хоре. Особенно поражало мощное контральто тёти Маруси из соседнего подъезда.

И ещё одно воспоминание детства – сиблаговцы (Сибирский лагерь). Их водили через наш посёлок дважды – утром и вечером. Кругом охрана с овчарками. «Они опоздали на работу на двадцать минут», – с ужасом поясняла моя мама. Уж она-то, бедняжка, просыпалась ещё в темноте. Хватала меня на руки и бегом на завод. Меня – в детсад при заводе. Это была даль несусветная. Транспорта никакого. Где-то в центре города ходил один трамвай, вечно переполненный.

В войну на заводе наладили выпуск самолётов на фронт. Мама работала по 14 часов ежедневно, без выходных. Двухнедельный отпуск дали один раз за всю войну. Я маму не видела. Она уходила – я ещё спала, она приходила – я уже спала. Сильно голодали. Паёк (за месяц) съедали в один-два дня. Потом обходились куском хлеба: утром съешь и до следующего утра ждешь. Ещё грызли коровий жмых и жевали «серку» – смолистые брусочки, что-то наподобие теперешней жвачки. Даже кар-

тошки не было. Мама отдавала мне всё, себе оставляла чуть-чуть и дооставлялась: заболела дистрофией. Её прекрасное лицо всё сплошь покрылось твёрдыми бугорками, в больнице их разрезали, каждый. И долго потом казалось, глядя на неё, что она перенесла оспу. В больнице мама пробыла долго, тётя Люба на это время приютила меня. По выходе из больницы маму прикрепили к столовой ИТР – инженерно-технических работников. Тётя Люба говорила, что это очень хорошо, потому что из столовой еду выносить нельзя. Иначе Галька всё бы Наталье (мне) таскала и не поправилась бы.

В 1951-м я закончила десять классов и уехала в Москву к тёте Жене, училась в Московском авиационном институте – МАИ. К тому времени мамина жизнь отладилась, устоялась. Она дружила с молодыми женщинами, которые работали под её началом в техбюро, – Шурой и Фетой. Там же работал и Иван Григорьевич, ставший близким другом мамы. Но всех их она оставила ради того, чтобы соединиться со мной в 1958 году. Я к тому времени работала по распределению после института в Рязани. Мама устроилась там же, где и я. Только не в лабораторию, а в отдел главного технолога. Работа у мамы была сложная, с частыми командировками в Москву. Помню, там в Москве удивлялись, как это Галина Николаевна везёт целый воз всего за 80 рублей. И действительно, когда мама ушла на пенсию, на её место взяли двух человек, причём с большими окладами. На новой работе мама нравилась всем – и начальству, и сослуживцам. Начальству – потому что она была трудяга сталинской выучки: сидела не разгибаясь за столом «от звонка до звонка». И очень удивлялась, глядя на молодёжь, которая на работе много болтала о постороннем, давая себе отдых. Но маме и в голову не приходило сделать им замечание.

Поразительно, как любили её молодые женщины, работавшие с ней, за её искреннюю доброжелательность. Я тогда понаблюдала за ней и поняла, в чём секрет: она всегда искала в людях хорошее. И находила. Вот молодая женщина, здоровенная, ну попросту толстая, с широким лицом в веснушках. А мама находит её очень интересной – и женщине это приятно. Таких случаев много на моей памяти.

В 1956 году я ещё жила в Москве, заканчивала институт. В дом к тётке Жене пришла неожиданная гостья – Елена Александровна Вялова, вторая жена отца. Так я увидела мамину «разлучницу». Думаю, в 30-е годы она была хороша собой: «тоненькая блондинка с богатой косой»¹⁰, с прозрачно-голубыми, «русалочьими», по выражению самого Васильева, глазами. Тоненькая фигурка на стройных ножках с маленькой ступней, необычная белизна кожи и тот неповторимый шарм, который присущ был именно москвичкам и сказывался то ли в манерах поведения, то ли в одежде. Этакая фарфоровая куколка. А голос низкий, негромкий. Я составила в мыслях этот портрет, увидев её. Ей было где-то под пятьдесят. Но я разглядела и белизну кожи, и хорошенькие ножки на высоченных каблуках, и эту очаровательную манеру на ходу пудрить нос, раскрыв старинную большую пудреницу с пуховкой. Мы с ней были на приёме у какого-то литературного чиновника, после чего Елена Александровна разволновалась и даже всплакнула. При этом извлекла из своего ридикюля (именно ридикюля) эту самую пудреницу. Помню, я глядела на неё с какой-то даже завистью, понимая, что никогда, даже через тридцать лет (мне было тогда 23 года) я не смогу вот так свободно и с таким шиком повести себя: нас этому не учили. Вообще, москвички того поколения всегда покорили меня своей манерой поведения, разговором, умением одеваться при очень скудных средствах так, что хотелось на них походить, им подражать. Я встретила их в Москве – Ольгу Всеволодовну Ивинскую, Нину Игнатьевну Ромову, Ольгу Сергеевну Неклюдову. Это были подруги моей тётки – Евгении Николаевны Анучиной, московской писательницы.

Ивинская – всегдашняя и вечная любовь Бориса Пастернака, статная, белокожая, белокурая, с глазами что площадки под высоким чистым лбом:

Снег на ресницах влажен,
В глазах твоих тоска,
И весь твой облик сложен
Из одного куска,

Как будто бы железом,
Обмакнутым в сурьму,

Тебя вели нарезом
По сердцу моему...
(Борис Пастернак)

Восточная красавица в прошлом (в чём не было сомнения) – Ромова.

Неклюдова – маленькая, зеленоглазая, удивительной доброты женщина, подруга Марины Цветаевой в последний год жизни той в Елабуге.

И, наконец, моя тётя Женя (Евгения Анучина) – над нежно-розовым лицом золотое облако волос.

В противоположность всем им мама и её подруги (у них были какие-то необычные фамилии – Долгун, Мотысик...) представляли собой нечто унылое, хотя и очень доброе и хорошее. Всех их убила работа на военном заводе. Она вытравила из них всё женское – кокетство, легкомыслие, беззаботное щебетанье, шутки и смех. Как-то даже странно было бы представить это в них. И одеты они были тоже неинтересно, неярко.

Но именно московская щеголиха Елена Вялова, стойко перенёвшая девятнадцать лет лагерей и ссылки (в 1938-м она была арестована как ЧСИР – член семьи изменника Родины), вернувшись в Москву в 1957 году, взяла на себя хлопоты по реабилитации мужа и изданию его посмертного сборника. Ей помогал И. М. Гронский, тоже вернувшийся из лагерей¹¹. И вся страна писала Елене Александровне – каждый спешил сообщить всё, что знал про поэта: услышал, увидел, прочитал. Нашёлся даже очевидец, сидевший в одной камере с Васильевым в 1937-м накануне расстрела поэта.

Мама тоже поучаствовала в общем деле – подарила Елена Александровне несколько семейных фотографий, которые были помещены в первом сборнике. Председателем комиссии по литературному наследию Павла Васильева стал поэт Сергей Александрович Поделков, друживший с моим отцом как раз в 1932-м, когда мои родители жили вместе в Москве.

Он буквально выпросил два листочка писем с автографами стихов у мамы (фотокопий). Она никому не хотела показывать их, стеснялась. В то же время её огорчало то, что стихи, обращённые к ней, печатаются в сборниках Васильева без указания

адресата. В конце 1950-х она даже написала письмо Корнелию Зелинскому – автору вступительной статьи к первому стихотворному сборнику Павла Васильева 1957 года. Зелинский передал письмо П. П. Косенко, зная, что Павел Петрович работает над жизнеописанием Павла Васильева. В архивах Косенко это письмо благополучно пролежало 29 лет, пока не было опубликовано в 1989 году в сборнике «Воспоминания о Павле Васильеве» под заголовком – «Я буду русским поэтом...».

Тогда же, в пятидесятых, потерпев неудачу с письмом к Зелинскому, мама не успокоилась. Она продолжала искать тех, кому смогла бы рассказать о муже. У неё завязалась переписка с Омским государственным историко-литературным музеем. Мама передала в музей ряд материалов, пыталась написать воспоминания. Надо ли говорить, с каким нетерпением ждала она книгу, которую готовил Поделков, где, она знала, будут автографы поэта из писем к ней. Но не дождалась. Она умерла 17 сентября 1968 года в возрасте 57 лет от неизлечимой болезни – у неё был рак пищевода.

А несколько месяцев спустя я держала в руках книгу из серии «Библиотека поэта» «Павел Васильев. Стихотворения и поэмы» (Ленинград, 1968). Книгу, которую Галина Анучина так и не увидела.

Часть II

Незнаменитая муза (Евгения)

В отличие от Галины Анучиной, которая была включена в книгу «100 знаменитых муз» (Харьков : Фолио, 2004) 98-й по счёту (следом за ней идёт 99-я муза – Валентина Серова, знаменитая актриса, героиня лирического цикла «С тобой и без тебя» Константина Симонова), сестра Галины – Евгения так и осталась в неизвестности. Хочется поправить эту несправедливость хотя бы потому, что если иметь в виду литературное окружение Павла Васильева, то здесь (среди женщин) самым значительным явлением была именно она – Евгения Анучина, проявившая себя уже в 1930-е годы как прозаик, в 1950-е – как драматург.

Родилась Евгения в 1908 году в Ломже (Польша). Позже родители с двумя дочерьми, Любой и Женей, переехали в Омск,

где появилась на свет младшая – Галина. В 1925 году Евгения окончила школу II ступени и поступила на лесотехнический факультет Сибирской академии (Сибака), откуда в 1926 году ушла и стала писать рассказы, публикуя их в «Сибирских огнях». Рассказы понравились, их хвалит Лидия Сейфуллина.

Газета «Рабочий путь» пишет: «Евгения Анучина, начинающая писательница-омичка... У Анучиной острое восприятие и изящный лёгкий стиль. В жизнерадостном здоровом её импрессионизме – несомненное обещание и несомненная надежда».

Третьего апреля 1927 года в Омске в Доме работников просвещения праздновали пятилетие выхода в свет первого номера журнала «Сибирские огни». Из Новосибирска приехал главный редактор журнала Владимир Зазубрин. В своём докладе он упомянул и Анучину: «Анучина, начинающая писательница, пытающаяся заставить читателя на ужасные вещи смотреть глазами детей. Иногда ей это удаётся...». После торжества все члены ОмАПП, куда входила и Анучина, собрались на квартире Антона Сорокина, и там Зазубрин пригласил Женю работать в «Сибирских огнях». Жизнь складывалась прекрасно. Муж, Иван Шухов, начинающий писатель, впоследствии автор книг «Горькая линия», «Ненависть» и др. Поклонник – поэт Леонид Мартынов, который прямо тут, на вечере у Сорокина, сочинил в честь Жени экспромт (благо, Ваня Шухов отсутствовал: он уехал в Москву учиться во Вхутемасе^{*)}):

Я знал вас тоненькой и худенькой,
И вы, подобные ребёнку,
Мне показались светлой бусинкой,
Катать которую котёнку.
Но вот блеснули вы жемчужиной
На смятой мантии пиита,
И я стою, обезоруженный.
Да, безусловно, карта бита...

И дальше всё было замечательно: работа у Зазубрина, встреча в редакции «Сибирских огней» в апреле 1927 года с Павлом Васильевым, дружба с ним... Потом Москва... В 1930-м – сборник

---

^{*)} Высшие государственные художественно-технические мастерские (1920–1926) – учебное заведение в Москве.

рассказов «Крылья». В 1935-м – повесть «Странствование сердца». Это проза самого высокого качества уже потому, что её нельзя пересказать своими словами. Она как стихи. Повесть автобиографична и очень информативна. О том времени мы узнаём всю правду. Причём из первых рук.

В школу, где училась героиня, пришла новая учительница истории: «У Нины Александровны были чёрные разлетающиеся брови, высокий голос звучал властно и требовательно. На её уроках говорилось не о царях, а про революцию. Революция наполняла минувшие века. Это открытие так поразило Зину, что она сообщила о нём тёте Наде. “Ну уж нет, милая, – сказала тётя Надя. – Завралась ваша учительница. Я сорок пять лет прожила и никаких революций не видела, пока это несчастье не началось”. Тогда Зина решила поговорить со своей всеведущей подружкой Алей. “Я думаю о революции, – сказала Зина. – Почему мы не видели ничего?”. И Аля ответила: “Да теперь уже всё кончилось, сама революция была в Петрограде”. Тайком Зина читала “буржуйские” книги: “Отверженные”, “Мадам Бовари”, “Виктория и аббат Мурэ”. «Книги лежали в глубоком деревянном сундуке, обитом медными полосами. Тётя Надя звала его Алёшиным. – Вот всё, что завещал тебе отец... Потом Зина плакала над письмом Виктории, перед смертью признавшейся в любви к сыну мясника. Бледный лоб и горящие глаза аббата Мурэ, хоронившего Альбину, чудились ей по ночам... В этом неосознанном мире, существовавшем в каких-то других измерениях, властвовала любовь. Для неё жили и умирали. Она говорила тоскливо: “Это в последний раз”. Ей казалось, что тёмный, всеми отвергнутый мир засасывает её. Она вязла в страшной трясине чужих чувств, ужасалась своей слабости. Ведь она была уверена, что это тот мир, с которым воевали рабочие, устраивающие революцию. Теперь никто не умирал в цветах, с флаконом яда в руках. Герои переменились. О них говорили стихи, о них пели на улицах песни. Книги про них лежали на столе в городской читальне. Но эти книги Зина считала ненастоящими».

Замечательно, лучше не скажешь! Моя тётя проявила большую смелость, написав такое. Слава богу, что тётя Женя была на обочине литературы, и её книга прошла незамеченной.

О любви Евгения Николаевна пишет так, как до неё (да и после неё) никто не писал: «Наклонившись, он посмотрел ей в глаза и встретил незнакомый ослепляющий взгляд. Несколько минут они стояли молча, не понимая, что произошло. Потом она ждала в дверях, а он надевал куртку, торопясь и не попадая в рукава. Ветер дул им в спину. Метель, кружившаяся над тёмной улицей, казалась совсем тёплой. Крепко прижимая Зину одной рукой, Михеев мешал ей идти, и они подвигались с трудом, словно несли тяжёлую ношу... Любовное согласие не оставляло сомнения в том, что все жизненные вопросы разрешены. “Хочешь, зайдём ко мне?” – спросил он сурово. Зина опустила голову. Поднимаясь по тёмной лестнице, они молчали. Ощупью они прошли коридор. В комнате тоже было темно. “Зажги лампу”, – шёпотом проговорила Зина. Он обнял её так крепко, будто хотел укрыть от неведомой опасности. Освободив одну руку, она погладила его волосы. Но когда они сели на кровать, Зина испуганно попросила – пусти. Он сказал: “Я тебя никогда не брошу”. Она рвалась из его рук. Но молчала. Было страшно, что кто-нибудь войдёт. Всё кончилось так скоро, что Зина почувствовала удивление: стоило ли этого бояться? Но когда Михеев поднялся и, наклонившись, поцеловал её в щеку, она поняла, что стала женщиной, и заплакала.

– Я тебя никогда не брошу, – повторил он громко».

Ничего подобного Евгении Николаевне больше не удалось написать. Хотя, может быть, сборник «Военные повести и рассказы», который вот-вот должен был выйти в московском издательстве в 1944 году, но был рассыпан в гранках по распоряжению сверху, и повторяет всё совершенство и искренность «Странствований сердца». У меня сохранились рассказы «Брат и сестра», «Наденька», «Ночи». Я читала повесть «Женская палата», где так же неизъяснимо прекрасны и нешаблонны страницы о любви героини. Причём замечательно, что она (обычная девчонка, каких тысячи) идёт на фронт совершенно естественно и без страха, не представляя даже себе иного варианта поведения. Никакой героики, жертвенности. Просто – иначе нельзя. Но в этом и заключается истинный героизм. Сборник мог бы стать явлением в нашей литературе. Анучинская мелодрама органично вошла

в официальную тему народной войны, патриотизма. Почему же сборник был рассыпан? В 1940-м Е. Н. Анучина попала под пристальное внимание известного партийного деятеля Михайлова, который вначале был первым секретарем ЦК ВЛКСМ, а потом избран в ЦК ВКП(б), но в тридцатых годах он одно время работал редактором (или заместителем редактора) газеты «Комсомольская правда». И когда в 1940 году в седьмом номере журнала «Молодая гвардия» вышла первая часть повести Евгении Николаевны «Редакция», Михайлов узнал себя в отрицательном герое – Марате. Этого было достаточно, чтобы следующий, восьмой номер журнала был рассыпан в гранках, а затем спустя четыре года то же самое произошло с «Военными повестями и рассказами». Здесь уже не было причины «не пущать» – просто мстительная злоба, а ведь именно «Военные повести...» могли стать событием в военной литературе, и судьба Евгении Николаевны повернулась бы по-иному. Но – что поделаешь? Пришлось ей обратиться к драматургии. Премьера её пьесы «Счёт жизни» (первое название – «Ветер на Иртыше») состоялась 25, 26, 27, 31 мая 1956 года в Московском драматическом театре имени К. С. Станиславского по улице Тверской (тогда улица Горького).

Алексей Арбузов подарил автору пьесы свою книгу с надписью «Евгении Анучиной с верой в её большое будущее».

В день премьеры коллектив актёров драматического театра имени К. С. Станиславского обратился к Евгении Анучиной с письмом:

«Дорогая Евгения Николаевна!

Вместе со всем зрительным залом мы от души аплодировали Вашему успеху. Но, являясь свидетелями этого всеобщего признания Вашей пьесы, мы рады тому, что опередили зрителей ещё год назад, когда приняли к постановке Ваш “Ветер на Иртыше”. Работа над талантливым драматургическим материалом доставила много настоящего творческого наслаждения всем участникам спектакля».

Это был несомненный успех, но наступали другие времена, в которых моя тётя Женя и ей подобные оказались «древними ископаемыми». В литературу (я имею в виду руководящие должности в журналах, газетах) пришли новые люди со

своими принципами: «Ты мне – я тебе...» или «Что я с этого буду иметь?»).

Как-то так получилось, что у тётки Жени начались неудачи субъективного характера: распался ансамбль актёров (ведущие – Лиля Гриценко и Шворин поссорились и ушли из театра). Потому пьеса сошла со сцены, а новую не взяли: в стране отмечали 60-летие Октября, и мелодрама была не ко времени. Евгения Николаевна торкнулась было в журнал «Театр и жизнь», но там уже сидели новые молодые. «Мальчишки» так поговорили с ней, что она потом до конца жизни не смогла опомниться. Всё, что было с ней дальше – старость, болезнь, уже неинтересно.

Когда Геннадий Тюрин (Алма-Ата) стал работать над диссертацией по творчеству Павла Васильева, он неожиданно для себя обнаружил, что пьеса Е. Н. Анучиной «Счёт жизни» больше рассказывает о Васильеве, прежде всего о его характере, чем все воспоминания современников. Прототипами главных героев она сделала Павла Васильева и его двух жён: первую – Галю Анучину, свою младшую сестру, и вторую – Елену Вялову. Всех троих она отлично знала.

Павел пришёл в редакцию «Сибирских огней» в апреле 1927 года. Женя сидела в недоумении над рукописью, озаглавленной – «Дурак». «Это он, наверное, о себе», – сказал Павел, смеясь. Женю поразила его «броская» красота. Они мигом подружились. Нет сомнения, что и Женя понравилась Павлу. Блондинка с голубыми глазами в пол-лица. И даже не в этом дело. Сама манера говорить, шутить и смеяться завораживала, а польский акцент добавлял очарования (вместо «колбаса» – «ковбаса», например). И потом, она же писала рассказы, которые хвалила сама Сейфуллина, и Васильев всегда помнил об этом. Правда, увидев её младшую сестру Галину, он предпочел её Жене и воспел Галю в своих стихах. Но нашёлся другой поэт – Леонид Мартынов, который посвятил Евгении Анучиной по крайней мере два стихотворения. Сочинил он их в 1945–1946 годах в самый разгар их романа. Первое стихотворение Мартынов написал прямо на сборнике «Лукоморье», который подарил ей с надписью – Жене Анучиной в знак дружбы и любви (хранится в Омском государственном историко-краеведческом музее).

Я говорю тебе без опасений, что ты
   поймёшь меня не так, как надо...
 Ты плод румяный, зрелый и осенний
   среди плодов огромнейшего сада,
 Где будущего взрощена рассада, но живы
 Рим, и Спарта, и Эллада,
 А рядом бьют фонтаны лимонада, и даже
   происходит клоунада и
 много разных прочих представлений.
 Так дозревай! Будь, дорогая, рада,
 Что зелена была порой весенней, как
   бешеное яблочко из ада,
 Но золотая сделалась от смрада
   и уцелела от землетрясений,
   и не сорвала наземь канонада.
 Вот он Эдем. Но к лучшему готовься
 И, ничего не сознавая вовсе,
 Гордись судьбой ни девичьей, ни
   вдовьей,
 И если будешь сорвана ты даже,
 И если будешь съедена ты даже,
 И если это ты зовёшь любовью –
 То в чьём-то теле вечно будешь
   та же,
 Ты в чьём-то теле та же будешь,
   та же
 слезами, злостью, хохотом и кровью.

Под автографом дата – 1.05.1945 года

Надо понимать, Лёня разгадал характер своей любимой, и, разумеется, им было трудно вдвоём. Он, перенёсший ссылку по делу «Сибирской бригады» (весна 1932-го), всё время боялся ареста, постоянно озирался. Она тоже в 1940-м очень испугалась. Ведь когда рассыпали восьмой номер журнала «Молодая гвардия» с её повестью, то этим не ограничилось, – пришли домой с обыском. Хорошо, что Женя была тогда в Крыму, в санатории на лечении. Когда по возвращении в Москву она услышала от квартирной хозяйки страшную новость, то сожгла свидетельство о рождении (Ломжа в Польше) и все рукописи, а потом срочно переехала по другому адресу.

Но причина разрыва была не в этих страхах. В 1946-м году в Москву приехали латыши – брат и сестра. Они уговорили Мартынова быть их переводчиком и за это кормили его обедами. Между латышкой и Лёней возникла симпатия. И Женя не простила ему этого. В стихотворении «Первый снег» он винится перед ней:

Ушёл он рано вечером,
Сказал:
– Не жди. Дела...
Шёл первый снег.
И улица
Была белым-бела.

Так начинается он свой рассказ. А под конец:

Вернулся поздно утром он
В двенадцатом часу
И озирался в комнате,
Как будто бы в лесу.
В лесу, где ветви чёрные,
И чёрные стволы,
И все портьеры чёрные,
И чёрные углы,
И кресла черно-бурые,
Толпясь, молчат вокруг...

Она склонила голову,
И он увидел вдруг:
Быть может, и сама ещё
Она не хочет знать,
Откуда в тёплом золоте
Взялась такая прядь!

Он тронул это милое
Теперь ему навек
И понял,
Чьим он золотом
Платил за свой ночлег.

Она спросила:
– Что это? –
Сказал он:
– Первый снег!

«Кресла черно-бурые» на самом деле были – два вольтеровских кресла. Одно сломалось, и мы его в 70-е выкинули, а другое переехало после смерти тёти Жени в Дом-музей Павла Васильева в Павлодаре (Казахстан). Не знаю, сидел в этом кресле Павел Васильев или нет. Но что Лёня Мартынов сиживал, это точно.

Вообще-то в 1946 году в стихотворном сборнике Леонида Мартынова «Седьмое чувство» представлено ещё одно стихотворение, наверняка обращённое к Евгении, тем более что в сборнике 1961 года, Москва : ГИХЛ (Мартынов в предисловии сообщает, что он отбирал для этого сборника всё лучшее) оказались рядом два стихотворения: «Любовь» на странице 86 и «Первый снег» на странице 88. Так что, по логике вещей, стихотворение «Любовь» так же, как и «Первый снег», обращено к Евгении Анучиной.

Любовь
Ты жива,
Ты жива!
Не сожгли тебя пламень и лава,
Не засыпало пеплом, а только задело едва.

Ты жива,
Как трава,
Увядать не имевшая права:
Будешь ты и в снегах
Зелена и поздней Покрова.

И ещё над могилой моей
Ты взойдёшь, как посмертная слава.
И не будет меня –
Ты останешься вечно жива.

Говори не слова,
А в ответ лишь кивай величаво.
Улыбнись и кивни,
Чтоб замолкла пустая молва.

Ты жива,
Ты права,
Ты отрада моя и отрава,
Каждый час на земле –
Это час твоего торжества.

28 декабря 1951 года Президиум Союза советских писателей (ССП) рассматривал заявление Е. Н. Анучиной с просьбой принять её в организацию. Относительно заявителя было сказано: «У Анучиной в “Сибирских огнях” были очень хорошие рассказы, и если она перешла к такому трудному жанру (драматургия. – Н. В.) и овладела вниманием зрителя, её надо принять в кандидаты».

«Постановили: Рекомендовать Президиуму ССП СССР принять Анучину Е. Н. в кандидаты в члены Союза советских писателей».

В апреле 1952 года Евгения Николаевна была принята в ССП.

Часть III

Семейные хроники. 1926–1947 годы

1926 год

В декабре Павел Васильев сошёл с поезда Владивосток – Москва в Новосибирске с рекомендацией Рюрика Ивнева в кармане и отправился в редакцию журнала «Сибирские огни» (главный редактор Владимир Яковлевич Зазубрин, ответственный секретарь Николай Иванович Анов). Зазубрин и Анов «запускают» Васильева в литературу, напечатав в своём журнале его стихи: «Рыбаки», «Письмо», «Всё так же мирен листьев тихий шум...». Там же происходит встреча поэта с Иваном Шуховым – они подружились. В очередном номере «Сибирских огней» Васильев читает рассказы Евгении Анучиной – «Солдаты» и «Голубой капор». Узнав, что автор рассказов – жена Шухова, Павел заинтересован.

1927 год

Писатель Андрей Алдан-Семёнов рассказывает («После выстрела “Авроры”, на краю океана». М.: Военное издательство, 1986. С. 490–491): «Летом 26-го года я очутился в Омске и стал работать в газете “Рабочий путь”. В редакции подружился с молодым, начинающим тогда прозаиком Иваном Шуховым...

...Я уехал в новые странствия, а через год вернулся в Омск...».

Вот тогда-то Андрей услышал от Ивана про поэта Павла Васильева: «Это будет поэтище эпохального значения, если убеждёт себя. Несмотря на молодость, он – зрелый поэт, у него каждое слово как самоцветный камень, в его стихах и страсть, и сила мысли. Завтра Павел будет у меня – познакомлю...».

С тех пор началась дружба Васильева с Алдан-Семёновым, и в 1986 году писатель вспоминает о молодом друге: «Павел Васильев – поэт никого не повторяющий и потому неповторимый. Трагический без позы, оптимист без наигрыша, он ворвался в русскую поэзию подобно степному вихрю, и всё завертелось, зашумело вокруг него. С той встречи мы подружились. Горькая тоска сжимает моё сердце при воспоминании, что Павел Васильев, русский, могучего дара поэт, погиб в двадцатисемилетнем возрасте».

В ОмАПП входили в 1927 году Леонид Мартынов, Евгений Забелин, Иван Шухов, Евгения Анучина, Надежда Чертова, Константин Митин, Варвара Иванова, Василий Квитко... Все писали стихи, кроме Евгении Анучиной, Надежды Чертовой и Василия Квитко, – у этих проза. Жили и работали в Омске также Пётр Драверт, Антон Сорокин, Евгений Минин, Михаил Никитин. Сорокина называли королём сибирских писателей и ещё – Дон Кихотом. У него была квартира на Лермонтовской, в которой часто собирались поэты.

Рассказывает Евгения Анучина:

– «Антон Сорокин. Очень добрый и неглупый человек. Футурист. Художник-самоучка. Картина “Аборт” – зелёный туман, чёрные тучи и мёртвый ребёнок. Подкрашивал свои седые волосы в чёрный цвет. Работал делопроизводителем в конторе. Жена Сорокина принимала во всех его затеях активное участие. Когда она умерла, Антон не смог этого перенести. Он пешком пошёл из Омска в Москву к своему другу – писателю Всеволоду Иванову. Пришёл – и через три дня умер. Всеволод его похоронил»¹²⁾.

Когда 3 апреля 1927 года в Омске в Доме работников просвещения праздновали пятилетний юбилей журнала «Сибирские огни», Сорокин в своей квартире устроил по этому поводу банкет, куда пригласил ОмАПП в полном составе вместе с докладчиком – главным редактором журнала Зазубриным, который, кстати, дружил с Антоном. Зазубрин тут же внёс свой пай. На торжественном

вечере выступали (после доклада) члены ОМАПП: читали свои рассказы Антон Сорокин, Надежда Чертова, Евгения Анучина, со стихами выступили Леонид Мартынов и Иван Шухов, он тогда был поэтом – писал стихи «Капитал», «Разорванная гармонь», «Явь родная»... Ваня гордился, что его называют новым Есениным – тогда все поэты мечтали быть есенинскими.

Больше всех Зазубрину понравилась Евгения Анучина – он пригласил её работать в своём журнале. Тогда же в апреле она уехала в Новосибирск. Оттуда Евгения пишет Гале: «...так нравится Зазубрин, что даже неохота от него уходить... (её переминают в газету «Советская Сибирь». – *Н. В.*). В редакции меня все любят... Новосибирск мне окончательно понравился, особенно когда приехали Ванька с Надей...». Тогда же в апреле Павел принёс в редакцию стихи, и, наконец, произошло их знакомство с Евгенией. В августе он уезжает в Москву на рабфак, а Женя с Ваней гостят в станице Пресновской на родине Ивана. Из письма Евгении: «Ванька косит машиной, все вяжут снопы, живут на пашне... Ванькина семья очень милая, только мать ворчунья, но ей 58 лет. Зовут меня дочкой... Намолотили пять пудов хлеба. Питаемся молоком и картофелем, собираемся в Новосибирск, а Ванька останется ещё поработать... не живём, а произрастаем». 23 августа: «Получила 14 рублей от Любы и 28 августа выезжаю в Новосибирск.

1928 год

Женя с Ваней вернулись в Новосибирск. Павел живет в Омске, куда переехала его семья к месту нового назначения отца – Николая Корниловича Васильева. В Новосибирске бывает наездами. Между тем в Омске у старшей сестры Любы живет Галя – заканчивает школу II ступени. В июне Павел знакомится с ней, через месяц приводит Галю к родителям как свою жену. А в августе отправляется в путешествие по Сибири с поэтом Николаем Титовым. Друзья едут в поезде (Транссибирская железнодорожная магистраль). В Благовещенске завербовались в рудник «Майский» (Селемджинские золотые прииски), отсюда пошли в экспедицию Союззолото к Яблонеvu хребту в ноябре 1928-го. В январе 1929 года поэты были в Хабаровске, затем рванули

во Владивосток к началу навигации и устроились матросами на промысловое судно.

Галя между тем поступает в Худпром (художественно-промышленный техникум). Жене о своём романе она не сообщает, чтобы не огорчать сестрёнку, ведь Женя уверена, что Павлу нравится она. Из письма Жени: «С Пашкой мы расстались как-то глупо, и он даже не знал и не знает, как я уехала. Он теперь не в Новосибирске, а уехал во Владивосток. Мы с ним не переписываемся, потому что хотя и коротенькая, это всё-таки была любовь, которую мы оборвали сами».

1929 год

Жене с Ваней надоело в Новосибирске, они уехали в Самару.

Из письма Евгении от 10 февраля: «В Самаре мы не устроились, были в Уфе, но скверный городишко, едем в Свердловск и сейчас сидим на челябинском вокзале...». В Свердловске они собираются работать в редакции газеты «Уральский рабочий». На самом деле им пришлось работать в других газетах – «Красной Башкирии», «Волжской коммуне», «Крестьянской газете». Так, Евгения пишет, что работает в Свердловске в «Крестьянской газете», «потому что очень тяжело жить на Ванькин счёт... С Ванькой мы не ссоримся, но уже так привыкли друг к другу, что нам скучно вместе идти в кино или на вечер и даже как-то совестно. Мне иногда бывает очень скучно, моя милая Галька, так что хочется плакать. Это от того, что некогда любить».

Любовь ушла, наступило взаимное охлаждение, но дружба продолжалась.

4 марта: «В Свердловске мы всё загнали, и для нас теперь каждая кофтёнка – имущество. На мне сейчас одно платье...»

6 мая: Советует Гале поступать в мединститут. И ещё про Свердловск: «Надоел репортаж и газета».

22 ноября: «...уезжаю из Свердловска, в кармане лежит билет до Москвы. Еду узнать, что с моими рассказами и книгой... Позади меня крепость, Ванюшка – в случае нужды выручит, в случае успеха приедет ко мне».

24 ноября: «В Москве большая комната». Успех очевиден – приезжает Шухов. Женя зовёт Галю на зимние каникулы (отложила уже 30 рублей на билет для неё).

Павел с октября 1929 года живёт с Женей Забелиным в Кунцево «в небольшой комнате с одной деревянной кроватью». Печатает стихи в журналах «Новый мир». «30 дней», «Красная нива», «Прожектор», «Экран». Устроился в газету «Голос рыбака» корреспондентом. По другой версии: Павел, Забелин и Лев Черноморцев снимают «комнатушку-дырушку» под Москвой в Пушкино.

В № 10 журнала «Настоящее» (Новосибирск) появляется первая клевета на поэта: «Васильев – сын богатого кулака из прииртышских станиц. Поэтому он так враждебно настроен к советской власти. Из его стихотворений смотрит лицо классового врага...».

Вероятнее всего Галина и Павел встретились по приезду поэта из Владивостока в Омск летом 1929 года. Правда, в августе же Галя уехала на летние каникулы к Жене в Москву, и Павлу пришлось погулять с «Омской сборной», о чём он пишет Гале в Москву на адрес её сестры: «Я уверен, Галиночка, что мы с тобой скоро-скоро встретимся. Ведь я выезжаю 28-го числа. Передавай же привет безмерно мной уважаемой Евгении и жди меня в Москву...»

Счастья было так много, что казалось: оно никогда не кончится – хотелось шутить, дурачиться и смеяться непрерывно, что они и делали.

1930 год

Следующая встреча Гали и Павла в Москве состоялась в январе 1930 года, когда Галя приехала на зимние каникулы к сестре. После её отъезда в феврале Женя шлёт Гале письмо, где сообщает, что Иван Шухов летит самолётом в агитоблёт по СССР с заездом в Омск. Она высылает с Иваном «кофтёнку и галоши», спрашивает, как доехала, не сломались ли лыжи, и сообщает, что у них в Москве морозы до -26°C . «Работаю в “Комсомольской правде” и чувствую себя слабым работником в сравнении с другими...» В следующем письме от 2 апреля зовёт Галю на летние каникулы.

«Ванька уезжает 1 августа, приедет Катеринка...» (Катеринка – Катя Потапова, подруга Евгении по лесотехнической академии). Между тем Павел вполне освоился в Москве, живёт по адресу: Мясницкая, Бобров переулок, д. № 4, кв. 1 у своих новых московских знакомых – Богдановых.

От газеты «Голос рыбака» поэт едет в командировку на астраханские промыслы. Летом он шлёт Галине в Омск письмо из Кызыл-Орды: «Скоро выезжаю на Аральское море – буду ездить на шхунах, уничтожать рыбу...».

«Путина на Арале» – лозунговое стихотворение:

Сделаем наше Аральское море
Самым ударным из морей!

И сделали – Арал исчез с карты Союза и остался только в этом васильевском стихотворении:

Гуляет и ластится Аральское море,
Самое синее из морей!

Павел сообщает своему другу Михаилу Никитину о своём решении жениться. Никитин вспоминает: «Вскоре после того мне пришлось поехать в Москву. Там я встретил свою давнюю приятельницу Евгению Николаевну Анучину... Отлично я знал её старшую сестру Любовь Николаевну, а также и младшую – Галину. Вот она-то, Галина... стала женой Павла...».

В ноябре от Павла в Омск пришло сразу два письма. Во втором он пишет: «...Хорошо, милая, что ты мне сообщила, когда приедешь в Москву, а то я чуть сгоряча не выехал в Сибирь. Вижу здесь часто Евгению, захожу к ней в “Комсомольскую правду”. Ты ей почему-то тоже исправно не пишешь... Самое позднее через несколько дней (неделю примерно) я выезжаю на Север, в Архангельск, на Мурман, на Баренцево море...». Но 12 декабря в письме он жалуется: «Меня здесь... “Голос рыбака” всё задерживает, выведу на Баренцево море только к 20-му числу...».

В командировку Васильева не посылают, и он пока публикует свои стихи. В газете «Известия», в «Литературной газете», в журналах «30 дней», «Пролетарский авангард», «Сибирские огни» появляются «Товарищ Джурбай», «На север», «Рассказ о Сибири», «Путь в страну», «Турксиб», «Конь» («Топтал павлодарские травы недаром»).

Павел Васильев.
Москва, 1930-е

Г. Н. Анучина и П. Н. Васильев.
Москва, 1932

Г. Н. Анучина с дочерью Наташей Васильевой.
Омск, 1936

Г. Н. Анучина.
Москва, 1931–1932

Е. Н. Анучина.
Москва, 1930-е

Е. Н. Анучина на фронте. 1943

Л. Н. Мартынов, Москва. 1962

1931 год

Между тем учёба в Худпроме приходит к концу. Преддипломная практика, дипломное проектирование... Поездки Гали на каникулы в Москву прекратились. К тому же Женя уехала в Сочи, в дом отдыха «Работник печати», о чём редакция «Комсомольской правды» любезно сообщает на запрос Гали по адресу: Станция Тюрлема МКЖД^{*)}. Чувашская республика. Завод стройдеталей Козловского комбината, практикантке Галине Анучиной (3 августа 1931 года).

В ноябре, наконец, Галя приезжает в Москву. Супруги идут к Жене, та даёт им пальто, полученное накануне в распределителе. Продав пальто, они снимают комнату по адресу: Покровский бульвар, 7, кв. 8.

1932 год

Денег хватило ненадолго, и молодожёны разбежались: Галя к сестре Жене, Павел к Богдановым (Бобров переулочек), где пытается оформить прописку. Здесь, возле дома Богдановых, он был арестован 4 марта 1932 года по делу «Сибирской бригады», после чего ни о какой прописке у Богдановых уже не было речи.

В тюрьме Павел написал много стихов (по свидетельству следователя Илюшенко, сохранилось одно – «Сначала пробежал осинник...»). Какое-то время мы думали, что стихотворение «Не добраться к тебе» от 1932-го тоже написано в тюрьме и посвящено Гале, однако в рукописном альбоме Павла Васильева указано, что стихотворение посвящено Лидии Гасвини. Об этом сообщает Н. И. Кузнецова в примечаниях к сборнику <Павла Васильева «Стихотворения и поэмы»> (СПб., 2007). Исследование этой записи в альбоме не проведено.

Васильев был наказан условно. Лев Черноморцев, освобождённый вместе с Павлом, предложил ему пожить в его домике в Кунцево.

Павел с женой поселяется в домике друга. Васильев пишет поэму «Времена года», посвящённую Сергею Клычкову. Первую главу поэмы, «Лето», поэт закончил 30 июня 1932 года. Затем принимается за следующую главу – «Август» и ещё

^{*)}МКЖД – Московско-Курская железная дорога.

стихотворение «Егорушке Клычкову» на рождение сына Клычкова – Георгия. Одновременно заканчивает поэму «Песня о гибели казачьего войска», и Сергей Клычков вместе с соседом по дому Осипом Мандельштамом ведёт молодого Васильева к патриарху – Николаю Клюеву, который к тому времени переехал из Ленинграда в Москву. В «келье» у Клюева Павел читает «Песню о гибели...». Тот восхищён. Начинается дружба и даже сотворчество двух поэтов. Так, Васильев пишет стихотворение «Тройка», вдохновлённый клюевской «Погорельщиной» («Загибла тройка удалая, / С уздой татарская шлея, / И бубенцы – дары Валдая, / Дуга, моздокская лихая, – / Утеха светлая твоя! / Разбиты писанные сани, / Издох ретивый коренник»). В васильевской тройке, напротив: «И коренник, во всю кобенясь, / Под тенью длинного бича / Выходит в поле, / подбоченясь, / Приплясывая и хохоча». Восхищённый Клюев посвящает Васильеву целое стихотворение «Я человек, рождённый не в боях» и вставляет в него славицу в честь молодого друга:

... Уже Есенина побаски
Измерены, как синь Оки,
Чья глубина по каблуки.
Лишь в пасме серебра чешуйки...
Но кто там в росомашей чуйке,
В закатном лисьем малахае,
Ковром зари, монистом бая
Прикрыл кудрявого внучонка? –
Иртыш пелегает тигрёнка,
Васильева в полынном шёлке...
Ах, чур меня! Вода по холки!..

Дружба с Клюевым ещё раз заставляет Васильева задуматься о судьбе крестьянства в России. Эти раздумья выливаются в пронзительное стихотворение «Конь» («Замело станицу снегом белым-бело»), написанное на кунцевской даче. Конечно, это о голоде в деревне, вызванном «мероприятиями» по раскулачиванию и коллективизации. В 1933-м в письме другу в Самару (рабфаковец Евгений Туманский) Васильев возмущается: «То, что я в смоленских деревнях увидел, меня ошеломило. Раскулачивание, ссылки крестьян и наступивший голод скосили множество

людей. Я видел пустые избы, напоминавшие кресты на кладбище, покрытые землёй братские могилы, на которых я не имел возможности даже узнать имена погребённых крестьян. “Тройки” конфисковали буквально всё, что попадалось под руку, даже у бедняков отнимали последний кусок хлеба, а в зиму и весну 33-го года снимали с детей шубёнки и башмаки...».

В июне Павел знакомится с молодым поэтом Сергеем Поделковым, который впоследствии (конец 1950-х) станет председателем Комиссии по литературному наследию Павла Васильева, биографом поэта и составителем его посмертных сборников. Эта знаменательная для всех нас встреча произошла в редакции журнала «Земля советская» (редактор Касаткин, секретарь Даниил Романенко). Редакция располагалась на шестом этаже здания Государственного издательства художественной литературы по Большому Черкасскому переулку. Поделков запомнил, как Павел Васильев едко высмеял Безыменского: «Вот Александру Ильичу Безыменскому словесного капитала не хватает... А его Лелевич радугой апостольской обогнул. А почему? Из одного рапповского*) стада». Прочитировал: «Мы любим, любим труд, винтовку, / Ученье, хоть бы на лету, / Мы любим вкусную шамовку / И даже смерть, но на посту». И добавил: «Тут муза даже не облегчилась...».

Рапповцы нанесли ответный удар: Главлит в лице Бориса Волина наложил запрет на весь тираж сборника «Путь на Семиге». Книга не вышла, остался только сигнальный экземпляр. В сборник входила «Песня» («В чёрном небе волчья проседь...») – одно из самых любимых стихотворений Васильева. В конце лета Пётр Орешин, чтобы как-то помочь Васильеву, ведёт его к Ивану Михайловичу Гронскому – главному редактору журнала «Новый мир» и газеты «Известия». Тот принимается за «воспитание» Васильева и прежде всего отговаривает поэта от дружбы с Клюевым. Но Васильев не согласен: «Клюев – человек очень больших знаний, у него можно многому научиться. И я учусь у него поэтическому мастерству, беру то, что мне нужно, как художнику. В его “келье” часто бывают Клычков, Мандельштам,

---

*) РАПП – Российская ассоциация пролетарских писателей (1925–1932), массовая советская литературная организация.

Орешин, Корнилов». (Все эти поэты дружили с Васильевым.) Дружил Павел с Георгием Константиновичем Никифоровым. Он помогал Васильеву продвинуть в печать написанное. Так, осенью 1932 года помог Павлу в публикации поэмы «Август» и стихотворения «Путь на Семиге» в «Литературной газете». На квартире Феоктистова собирались раз в неделю поэты и устраивали соревнование на скорое написание стихов по заданной теме. Васильев опередил всех, написав стихотворение «Лагерь». Знакомство с Гронским имело роковые последствия для Гали – Павел знакомится с сестрой Лидии (жены Гронского) – Еленой Вяловой и начинает активно за ней ухаживать. Галю он увозит в Омск к своим родителям в декабре 1932 года. Она на шестом месяце беременности. Павел оставляет жену на попечение своих родителей и уезжает в Москву к Елене в январе – феврале 1933 года.

1933 год

Итак, Васильев расстался с женой, но из его писем этого не понять. Напротив, будто бы он уехал на время (в Москву) и вот-вот вернётся. Письмо от 10 марта начинается так:

«Здравствуй, дорогая моя Галя!

Напрасно ты беспокоишься о том, что я не думаю о тебе, забыл о тебе, живу с другой и т. д. Всё это глупости.

Если я так долго не писал тебе, то только потому, что у меня здесь получилась масса неприятностей...».

Заканчивает письмо очень обнадеживающе: «Как ты живёшь, милая? Жалуешься на то, что скучно! Ничего, Галья, скоро увидимся. Вот роди мне сына или дочку, а там весна, лето...».

Наша – весна, наше – лето, наша – жизнь!

Чудачка, что тебе унывать, – вот мне гораздо тяжелее, сама знаешь, почему, а всё-таки мне хочется любить жизнь, тебя, весну, новые ботинки, которые мне подарили. Между прочим, замечательные ботинки – чёрные, нью-йоркские – прелесть прямо! <...>

P. S. Я тебе приказываю не волноваться и быть счастливой».

Галина так и сделала. Тем более что письма шли одно за другим, и какие!

27 марта. «Вот очень скоро я разделаюсь со всеми делами и приеду в Омск... Я тебя страшно люблю, Галя, и ты, пожалуйста, ни о чём не беспокойся, Галя. Никогда и ни за что по отношению тебя не сделаю гадкого поступка. Ни о каких Гронских речи быть не может! Ах, Галя, я часто думаю о нашем ребёнке и молю Бога, чтобы он не наказал меня и не обидел моего сына или дочь. Самое большое буду в Москве ещё недели две, а потом выведу к тебе. А ты не волнуйся, жди меня, думай обо мне.

...Твой, навсегда твой.

Павел».

18 апреля. «Здравствуй, Галина!

Поздравляю с рождением дочери. Целую тебя крепко. Двадцать шестого апреля я получаю билет и двадцать восьмого выезжаю в Омск...»

Но он так и не приехал. Письма прекратились. Уже 18-го в письме Васильев упоминает об «обстоятельствах», которые не пускают его в Сибирь, и даже называет эти обстоятельства: «Так бы я хотел вообще уехать отсюда в Сибирь навсегда, но – увы – “Соляной бунт” (новая моя поэма), старые грехи и деньги не позволяют мне этого сделать...»

Целую тебя тысячу раз, твой и навечно твой. Павел».

Для Гали молчание Павла было ударом. Она уже всем сообщила, что муж заберёт её с ребенком в Москву. Близкие и друзья радовались за неё, хотя старшая сестра Люба относилась к посулам Павла с недоверием, да и подруга Аля Шестакова тоже сомневалась.

Аля Шестакова (из Свердловска):

«Рада за твоего Павла, хоть, по совести говоря (ты не сердись на меня, я всё такая же неисправимая), недолюбиваю его по-прежнему. Желая тебе прежде всего поправиться и действительно почувствовать себя счастливой и спокойной в Москве с Пашкой в новой квартире.

Галька, удивляюсь, как ты кормишь ребёнка. Или вследствие материнства пропорции тела твоего изменились... если ты мне напишешь, то я выйду к поезду, на котором ты проедешь (имеется в виду в Москву. – Н. В.)».

Что касается сестры Любы, то ещё до рождения ребенка она зовёт Галю к себе. А после рождения пишет, как кормить ребенка. Люба реально смотрит на происходящее. «Если не поедешь в Москву, то приезжай ко мне», – пишет она. Гале пришлось-таки ехать в Москву с пятимесячной Наташей. Поездка была напрасной: Павел благополучно отправил жену с дочкой обратно в Омск. Но Галя уехала в Новосибирск к Любе. Оттуда она шлёт письмо Елене Усиевич с просьбой помочь ей устроиться на работу. Елена помогла: «... подумаю о том, как Вас вывести из того положения, в котором Вы очутились. На днях напишу. Крепитесь, девочка, терпеть осталось меньше, чем уже терпели, Наташа подрастает, будете работать, встречать людей, жить...».

Михаил Никитин рассказывает: «Дошла до нас весть, что у Павла родилась дочка, но с Галиной Николаевной он расстался... Надежда Васильевна (Чертова, жена Никитина. – *Н. В.*) спросила у него: “Что ты делаешь, Паша? Или не понимаешь, что губишь себя?”. “Я знаю”, – ответил он и опустил кудрявую голову».

6 декабря пришло письмо от сестры Жени из Москвы: «К несчастью, я совсем не вижу Павла. Последний раз говорила с ним на вокзале, когда провожали тебя... Я вижу какие-то ужасные сны о тебе и о ней (Наташе). Это, наверное, потому, что много думаю о тебе и Пашке, мне хочется его убить. Я работаю в газете “Коммунистическое просвещение...” и дописываю повесть».

1934 год

Обстоятельства, которые помешали Павлу приехать в Омск к Галине, были очень серьёзны. 1934 год начинался плохо вопреки его ожиданиям. Поэма «Соляной бунт» была напечатана в трёх номерах «Нового мира» (№ 5, 9, 11) ещё в 1933-м. Васильев надеялся на похвалу, но получил головомойку.

В редакции «Нового мира» под председательством Фёдора Гладкова обсуждалась эта поэма. Председательствующий назвал «Соляной бунт» «сусальным изображением великодержавной России, сытой деревни, лебединых подушек, грудастых баб и кованых сундуков...». В очередной раз Васильев был непонят! И даже друзья Павла из «Нового мира», а ведь в «Новом

мире», как пишет поэт Лев Озеров, «его любили, нет, обожали и прежде всего редактор журнала Иван Гронский», а также «Леонов, Малышкин, Гладков, Антокольский, Зенкевич, Иван Евдокимов...». Но и они тоже ругали Васильева.

Что говорить уже о литературных недругах, которые гласно в печати объявили его кулацким поэтом, как, например, Алексей Сурков.

После статьи Максима Горького «Литературные забавы» Васильеву запретили посещать московский клуб писателей на какое-то время. Но он этой и другим санкциям не подчинился. Скандалил в клубе с Абрамом Эфросом, подрался с Сергеем Васильевым в «Праге». Правда, друзья-однофамильцы помирились в отделении милиции, куда их забрали, потом выпустили. По пути домой они заглянули в кинотеатр «Арс», где устроились (тут же) на работу – читать стихи перед очередным сеансом. Васильев неделю выступал со «Стихами в честь Натальи», обращёнными к Наталье Кончаловской. Позже в № 12 журнала «Новый мир» появляются ещё стихи в её честь: «Горожанка» и «Клятва на чаше», а также посвящённое Василию Наседкину стихотворение «Другу-поэту» («Как живёт жена Екатерина / Князя песни русския сестра?») и «В защиту пастуха-поэта», обращённое к Михаилу Лобкову. Как видим, жизнь бьёт ключом, и Павел совсем забыл про обещание, данное матери, – приехать в Омск в августе. Родители не оставили надежду помирить его с Галиной – она должна была приехать к ним с дочкой именно в августе. Но случилось непредвиденное – Павла не пригласили на первый съезд писателей. И он не смог этого перенести. Взяв с собой Лену (одному ехать было непереносимо – нужен был утешитель), Васильев в июле приезжает в Омск и, изгнанный тут же своим отцом, отплывает на ночном пароходе в Павлодар. Он всё же в сентябре увиделся с Галей, но эта встреча ничего не решила. Что ж... Галя устраивается работать на лесозавод в Омске. После, получив письмо от Любы в 1935 году, уезжает обратно в Новосибирск.

Павел, возвратившись в Москву, заканчивает поэмы «Синицын и К°», «Автобиографические главы» и самую главную – «Кулаки» – опять неудачно. В ноябре в отделе поэзии Государственного издательства художественной литературы он читает

поэму. В обсуждении приняли участие Алексей Сурков, Иосиф Уткин, Михаил Голодный, Леонид Лавров, Николай Дементьев и др. Поэта упрекали в том (как всегда), что кулаки нарисованы ярко, а беднота бледнее. Предлагали доработать, исправить. Васильев обещал, но обещания не выполнил.

1935 год

Супруги, казалось, расстались навсегда – письма из Москвы прекратились: было не до того. В мае 1935 года компания рапповцев (Джек Алтаузен, Александр Безыменский, Михаил Голодный) заманили Васильева на квартиру Джека и устроили драку, которая впоследствии в официальных документах называлась «избиением комсомольского поэта Джека Алтаузена». «Избитый» детина медицинского освидетельствования не представил – суду и так всё было ясно. Васильева приговорили к полутора годам лагерей за «многочисленные хулиганства и дебоши». В «Большой российской энциклопедии» (2006 год) эту формулировку ещё усилили – за злостное хулиганство. Им виднее, конечно. Однако исследователь Н. И. Кузнецова*) считает, что Васильев отбывал наказание в Рязанской тюрьме по спровоцированному обвинению. И, слава богу, поэт, наконец, успокоился и написал в тюрьме три поэмы: «Женихи», «Принц Фома», «Христоробовские ситцы».

1936 год

А. Г. Малышкин (из «Нового мира») дважды ходил к Сталину (они подружились ещё на царской каторге), уговаривал вождя распорядиться об освобождении Васильева из тюрьмы. На второй раз Сталин со словами «хулиган твой Пашка» снял трубку и распорядился – Васильев был освобождён (Чувев Ф. И. Молотов. М., 1999). В Рязанской тюрьме Павел отдохнул от травли, но по выходе из тюрьмы его опять достали. Драматург А. А. Суров, земляк поэта, рассказывает, как Павел жаловался ему: «Во мне веру убили... а я буду убивать веру во всех». Это было сказано зло, с прикусом губы: «Писать так, как писал “Кулаков”, не смогу

---

*) Павел Васильев. Стихотворения и поэмы / сост. Н. Н. Кузнецова. СПб., 2007.

и не буду. Я как волк затравленный, заложенный. Во всём обвиняют. Вплоть до Горького... Не по душе мне общество, в котором каждый кирпичик похож один на другой. Оно может быть внешне привлекательным, но духовно будет однолико».

Васильев продолжал отбиваться от очередных нападающих (а напали все, кому не лень).

Жизнь между тем шла своим чередом. Галя работала в Новосибирске на заводе имени Чкалова техником, Наташу водила в ясли при заводе, на лето детей отправляли в лес, в пригород Мочище, завод там имел дачу, что явствует из письма Евгении: «Вернулась ли Наташа с дачи и как её здоровье? Как с Павлом? Я тебе уже писала, что мои попытки навести справки не привели ни к чему. Дело находится в угрозыске, т. к. теперь алиментные дела поступают туда в случае невыясненных адресов. В то же время Павел мне говорил, что видел исполнительный лист. Может, он врёт. Как дела обстоят сейчас – не знаю. В угрозыске мне отказываются давать справки. Павел не заходил уже месяц. Ты ведь знаешь его новый адрес – 1-я Тверская-Ямская, 26, кв. 10».

Адрес указан с ошибкой: на самом деле – 4-я Тверская-Ямская. Павел не заходил, потому что вместе с Еленой гостил в Омске, а потом поплыл по Иртышу вниз в Салехард.

1937 год

6 февраля Васильев был арестован по ложному обвинению в терроризме (подготовка покушения на Сталина). После полугодовых пыток – от него требовали признаться в террористической деятельности, но он отказывался, Васильев был расстрелян 16 июля 1937 года.

Но из нашей жизни он ушёл уже в феврале.

После известия о его аресте Галя засобиравалась в Москву к Жене, но та в очередной раз отказалась принять сестру с племянницей. В августе она шлёт в Новосибирск письмо, где отговаривает Галю от поездки в Москву, а 11 сентября пишет: «С Наташей тебе в Москву ехать не следует, так как двоих я вас уже определённо никуда не устрою. Я служу и получаю после всех вычетов 420–430 рублей в месяц».

1938 год

Арестована Елена Вялова и как ЧСИР (член семьи изменника Родины) отправлена в лагерь. Галя устроила в своей комнатухе (8 кв. м) пожар, пыталась травить клопов спичками. В милицию поступает донос (?), что она жена врага народа и что это поджог. Галю вызывают к начальнику милиции. В Москве и Омске начинается паника. Из Омска в Новосибирск приезжает Борис Васильев (брат Павла) за Наташей. Галя идет к начальнику милиции. По-видимому, её синеглазое лицо и кроткий вид очаровали начальника, и он отпустил «царевну-несмеяну». Но Наташа остаётся в Омске у деда вплоть до его ареста.

1939 год

С. Н. Поварцов в книге «Всё прошлое с нами» (Омск, 2005) рассказывает: «За ним пришли в ночь со 2 на 3 ноября 1939 года...». В протоколе обыска записали состав семьи: «Мать Васильева Мария Фёдоровна – 80 лет, жена Глафира Матвеевна – 53 года, домохозяйка, сын Васильев Лев – 17 лет, ученик 10-го класса школы №19, внучка Васильева Наталья Павловна – 6 лет...». Николай Корнилович назвал ещё «сына Бориса, 23 лет, учителя русского языка в школе села Плешково Ишимского района, сына Виктора 20 лет, преподавателя истории в школе села Сорокино Сорокинского района. Называет Павла и его двух жён – Галину Анучину и Елену Вялову (к тому времени арестована)...». Особое совещание НКВД СССР (г. Мариинск) 10 января 1940 года вынесло решение – в Юргинское отделение Сиблага*).

12 августа 1941 года новое дело по статье 58-АСА**). На этот раз приговорили к расстрелу. Н. К. Васильев пишет кассационную жалобу: «Родился я в бедной семье. Отец мой – рабочий-пильщик. Мать – прачка. Рос я в большой нужде. Но всё же окончил пятиклассное городское училище, а потом, проработав год мальчиком у купца Зайцева в магазине (г. Павлодар), подготовился и поступил в Семипалатинскую учительскую семинарию, которую окончил в 1906 году. В 1910 году сдал экзамены на

*) Сиблаг – Сибирский исправительно-трудовой лагерь НКВД СССР.

**) Статья 58-АСА – должно быть: статья 58-10 (АСА). АСА – антисоветская агитация и пропаганда.

домашнего учителя, а в 1914 году в порядке экстерната окончил Томский учительский институт... Я старый учитель. По окончании учительской семинарии в 1906 году и до момента ареста в 1939 году проработал непрерывно учителем 33 года...».

Следует заметить, что это был не просто учитель, если иметь в виду «должность инспектора-методиста из сектора подготовки учителей Омского облоно^{*)} (январь 1935 года – сентябрь 1937 года)».

Но, несмотря на это, просьбу о помиловании отклонили, и 27 июля 1942 года Н. К. Васильев был расстрелян во внутренней тюрьме Новосибирского Управления НКВД...

Уходила в небытие крепкая русская семья. Жену и старуху-мать Николая Корниловича выслали в один из районов Омской области. Сын Борис умер от туберкулёза. Самый младший, Лев, погиб на фронте. Единственный оставшийся в живых – сержант артиллерии Виктор Васильев был арестован в августе 1943 года контрразведкой «СМЕРШ» и отправлен в северный уральский лагерь под Соликамском. Судьба смилостивилась и дала ему долгую жизнь. Он умер на 87-м году жизни в славе и почёте, оставив после себя замечательную прозу и стихи. Но всё это было потом, а в ноябре 1939-го Галя немедленно приехала в Омск и забрала дочку. Она снова пишет Жене в Москву и просит приюта, но та непреклонна. Из письма Евгении: «...у Литфонда нет жилых домов. Литфонд обивает пороги правительственных кабинетов и ничего не получает. Я сама писала письмо во все инстанции и обивала все пороги. И не выходила из кабинетов и, действительно, была близка к самоубийству».

Евгения живёт в квартире знакомых, которые уехали в Ленинград до осени. Летом переедет на литфондовскую дачу, «а там что Бог пошлёт».

1941 год

В начале года Жене было не до сестры: она ударилась спиной о кованный сундук. В письме Гале Женя сообщает, что у неё заболевание спинного мозга (очень скоро вылечили) и туберкулёз поясничных позвонков (лечат). «21-го уезжаю на два месяца

^{*)} Облоно – областной отдел народного образования.

в Евпаторию. По возвращении (в июле) должны мне дать комнату на даче... Галенька, родная, я буду жить, а я уже не верила в это, и так не хотелось умирать...».

В июле 1941-го Евгения вернулась в Москву. «Вот уже неделю я в Москве. Москву я не узнала. Она мгновенно переродилась, стала незнакомой, грозной... если бы не мой больной позвоночник – никакая физическая работа для меня невозможна, так же как невозможен обычный трудовой день. Ты пишешь, что поставила, а я всё ещё вижу тебя девчонкой с красными щеками».

Письмо пришло с Никитского бульвара, 12А, кв. 2. Именно оттуда Евгения уехала прямо на передовую спецкором армейской газеты «За Отечество».

1943 год

На передовой Женя попадает в аварию – перевернулся автомобиль, и она получает новую травму позвоночника. С 10 декабря 1942 года проходит лечение в московском госпитале, ей назначается пенсия по инвалидности – 360 рублей.

3 мая: «...Начала работать, а четыре месяца нигде не получила ни копейки, жила на 360 руб<лей> пенсии, ела только то, что получала по карточке, да и то выкупить мясо уже не могла. С 15–16 числа каждого месяца переходила на хлеб и воду... Первое мая тоже встретила хлебом и водой, 5-го получу пенсию – тогда возьму в магазине лапши, и маргарина (на масло денег не хватает), и сахару. Начнётся пиришествво на две недели...»

Июнь: «Я москвичка с 15-летним стажем, вернулась из армии, и меня не хотят прописывать. Отправляют на периферию. Живу в комнате Гали Полянской, 3° выше нуля. Дров нет и не будет. Продкарточек не получила, потому что только вчера прописалась. С едой не блестяще...»

Однако Евгения посылает сестре посылку, завёрнутую в свитер: «...распори осторожно, чтобы не повредить свитер, его ещё можно носить. Чулки от Гали Полянской, заграничные, петли в двух-трёх местах. Косынка – надо постирать, из сарафана сделай Наташе платье...».

Но вот в доме своей подруги Ольги Сергеевны Неклюдовой (на Арбате) Женя встречает давнего поклонника (со времён

ОМАПП) – Леонида Мартынова, тогда уже известного поэта. Начинается любовь не на шутку.

Евгения рассказывала, что они поселились в комнате на Суворовском бульваре. Эту комнату им дал Семён Кирсанов, бывший тогда в Моссовете. До конца войны жили там вдвоём, но вот Мартынов случайно познакомился с четой переводчиков из Латвии. Они усердно привлекали его к своей работе, видя, что он талантливый поэт. Лёня зачастил к ним в дом. Вот тогда и был написан «Первый снег» («И кресла черно-бурые» – потому что накрыты затемняющими шторами – война!). Отлучки Мартынова стали частыми, и Женя ушла от него, а Лёня переехал к «чете».

1944–1945 годы

Тот же Семён Кирсанов схлопотал Евгении другую комнату на Красной Пресне (улица Б. Декабрьская, дом 21, кв. 5). Женя о своём романе не пишет сестре ни слова, всё о другом: «У меня теперь есть комнатёнка... Комнатёнку получила от райисполкома, как демобилизованная. Комната маленькая, в старом сыром доме. С работой ничего не получается, фактически я живу на 360 рублей пенсии, тоже продала всё, что могла. Не терзайся, что Наташа не получает лишнего куска хлеба и лишней тряпки. В её возрасте я ходила за водой, мыла полы, кормила кабана, варила обед и носила лохмотья. Это было в последний год маминой жизни...».

В 1944-м Евгения сообщает, что подписывает с «Молодой гвардией» договор на книгу «Военные повести» (сдала к 15 августа)... «Жить иначе (не писать) я не могу, потому что такая жизнь не имела бы для меня смысла».

К сожалению, «Книгу военных повестей» рассыпали в гранках. Такова была злая воля официального лица, никакого отношения к литературе не имеющего. В то же время фронтовое содружество писателей сразу приняло в свои ряды Евгению Анучину.

Василий Субботин подарил ей роман-газету «Как кончаются войны» с надписью «Чужая боль – вовсе не чужая. Она остра для сердца, как своя».

Евгении Николаевне Анучиной в память об одном последнем, тысяча четыреста десятом дне войны» – 31 мая 1966 года».

Но тогда, в 44-м, её книга не вышла. И надо было продолжать жить, потому что на Лёню надежда была маленькая. Евгения Николаевна рассказывает, что он вёл себя, как большой ребёнок: принести воду, нарезать хлеб – всё это должна была делать жена. Вначале Женя. Потом, когда она покинула Лёню, приехала в Москву первая его жена Нина и взяла всё в свои руки. Но та, вторая, белокурое и голубоглазое чудо, не была забыта. Евгения Николаевна оставалась в поле его зрения всегда. Когда её пьеса «Счёт жизни» шла в театре Станиславского на Тверской, Мартинов плакал от счастья и радости за её успех.

1947 год

Гале тоже было не сладко в войну. Она мучилась мыслями о Павле, спрашивала сестру, та написала ей в 1945 году: «О П<авле>: называют 1941 год место – Север, подробности не слышала». Галя хотела завербоваться на Колыму, но Женя отговаривает её от этой затеи в письме от 21-го февраля. От голода у Гали началась дистрофия, её положили в больницу. Перед этим она две недели ждала в поликлинике диагноза, как смертного приговора.

3 мая Женя пишет ей: «Что-то уж слишком жестока к нам судьба, и к тебе, и ко мне, и к Любе. Если бы я верила в Бога, подумала бы, что кто-то из наших предков совершил страшный грех, и Бог проклял весь его род...».

Галю вылечили, выкормили, прикрепив к столовой ИТР, которую она не имела права посещать, хотя работала технологом деревообделочного цеха авиазавода. По-видимому, этого было недостаточно, чтобы есть мясные котлеты в этой столовой, ведь Галя была всего лишь технологом, а там питался комсостав, который на свою зарплату мог выкупить всё на свете – и мясо, и масло... Один месяц Гале было позволено есть в столовой. И она поправилась, дослужилась до главного технолога цеха и отправила дочку Наташу учиться в Москву. Женя с восторгом приняла подросткую племянницу, но это уже другая история, которая не так интересна, чтобы её рассказывать: всё как у всех.

Рязань, май 1996, апрель 2009, июль 2012.

Примечания и комментарии

Тексты

А. Е. Новосёлов

Один и четверо

Текст печатается по источнику: Сибирские вопросы. 1910. № 4. 30 января. С. 3–8. Подпись: А. Невесов.

Иртышский казак

Текст печатается по источнику: Сибирские вопросы. 1912. № 18. 28 июня. С. 72–82. Подпись: А. Невесов.

¹ Указ... Анны Иоанновны 1836 г. Дата указана неверно. Речь идёт о «манифесте» от 16 ноября 1737 г. «О правилах переписи крестьян и разночинцев, не положенных в подушный оклад, для внесения в оный; о штрафах помещиков за необъявление прописных душ и о предоставлении каждому права покупать калмык и других наций людей, крестить их и держать у себя, без платежа подушных денег» (ПСЗ-1. Т. 9. № 7438). См. также: Мальцев И. А. Легальное рабство в Сибири и Оренбургском крае в XIX вв. // Вестник Санкт-Петербургского университета. Серия 2. 2007. Вып. 3. С. 71–77.

Ф. А. Березовский

Александр Ефремович Новосёлов

Текст печатается по источнику: Сибирские огни. 1922. № 1. С. 153–157.

¹ Березовский Феоктист Алексеевич (1877–1952), писатель, участник революционного движения в Сибири, член РСДРП с 1904 г. Летом 1918 г. в Омске был арестован захватившими власть чехословаками и заключён в тюрьму. Освобожден 22 декабря 1918 г. участниками Куломзинского восстания.

² Артемий Ильич Ершов (1887–1943), сибирский писатель, участник литературной жизни Омска начала XX в.

³ А. Е. Новосёлов родился в поселке Железинском Павлодарского уезда Семипалатинской области в семье казачьего офицера.

⁴ Л. И. Корвин-Круковский, издатель и редактор газеты «Омский вестник» с 1910 г. В 1910 г. в состав редакции вошли

известные омские социалисты-демократы А. Н. Гладышев, К. А. Попов, Суслов и Ф. А. Березовский. Вскоре они покинули редакцию из-за несогласия с Круковским, который, скорее всего, не желал изменения либерального курса своей газеты. В сентябре 1913 г. в издании газеты на правах пайщика принял участие Ф. А. Березовский (см. Воробьев В. В. Либеральная периодическая печать Сибири в общественно-политической жизни края (1907–1914). Учебное пособие / Ом. гос. ун-т. Омск, 2003).

⁵ Соколов Владимир Дмитриевич (1859–1916), журналист, поэт, издатель, организатор газеты «Степной край» (Омск), сотрудник газет «Сибирская жизнь», «Омский вестник», «Сибирский день» и др. Печатался под псевдонимом Митрич В.

⁶ А. И. Ершов. См. примеч.² на с. 195.

⁷ Сорокин Антон Семёнович (1884–1928), сибирский писатель (о нём на с. 40).

⁸ Феоктистов Николай Васильевич (1884–1950), поэт, литературный критик, журналист, редактор, переводчик.

⁹ Чёртова Яма – одно из названий озера Солёное, расположенного в черте Омска на территории Ленинского округа возле посёлка Карьер, относится к гидрологическим памятникам природы Омской области.

¹⁰ Доклад был совершенно неудовлетворительный. – Речь идёт о докладе А. Е. Новосёлова о народной медицине «по материалам своих экскурсий к старообрядцам» в долинах рек Убы и Бухтармы в Западном Алтае, прочитанном им на одном из заседаний Западно-Сибирского отдела Русского географического общества (см. Захарова И. В., Томилов Н. А. Этнографические научные центры Западной Сибири середины XIX века. Омский этнографический центр. Омск, 2007. С. 108).

А. П. Сорокин

О смерти и жизни писателя

Текст печатается по источнику: ГИАОО. Ф. 1073. Оп. 1. Д. 110. Л. 10–14. Рукопись. Фрагмент.

¹ Во время издания в 1915 году... – в 1915 г. был издан сборник омских писателей «Жертвам войны».

² Кружок писателей, группировавшийся около Новосёлова... – о кружке см. в воспоминаниях Ф. А. Березовского «Александр Ефремович Новосёлов» (с. 31).

³ Александр Павлович Оленич-Гнененко (1893–1963), прозаик, поэт, переводчик, общественный деятель.

⁴ Георгий Андреевич Вяткин (1885–1938), сибирский поэт, прозаик, драматург, журналист, организатор литературного дела в Сибири.

⁵ Когда группа писателей снималась со старым писателем Сибири... – известный снимок, на котором запечатлены молодые омские писатели (А. И. Ершов (Артём), Н. В. Феоктистов, А. С. Сорокин, А. Е. Новосёлов, Ф. А. Березовский) с представителями старшего поколения В. Д. Соколовым (Митричем) и учёным-ботаником и поэтом М. М. Сиязовым (1858–1914). Фотография воспроизведена в настоящем издании на с. 39.

⁶ Георгий Дмитриевич Гребенщиков (1882–1964), русский писатель.

⁷ Иван Иванович Тачалов (1879–1929), поэт-самоучка.

⁸ Всеволод Вячеславович Иванов (1895–1963), русский советский писатель.

⁹ Игорь Кронидович Славнин (1898–1925), поэт, в 1918 г. в Омске был посажен в тюрьму за кражу. По воспоминаниям современников, страдал kleptomанией.

А. П. Сорокин

Вечная жизнь

Текст печатается по источнику: фонды ОГЛМД. ОЛМ 196/1. Рукопись. Справа над названием – Саватий Брызгалов – псевдоним А. С. Сорокина.

¹ Данное название рассказа вписано позднее, первый вариант – «666». Рассказ под таким названием, но с другим сюжетом опубликован в книгах: Сорокин А. Смертельно раненые. СПб., 1912; Сорокин А. С. Сочинения; Воспоминания (о Сорокине); Письма / сост. В. И. Хомяков. Тобольск, 2012. С. 109–114.

² В рукопись внесена правка: первоначально название препарата записано как «666», затем перечёркнуто и сверху исправлено на «энезоль».

Что так жалобно поют

Текст печатается по источнику: фонды ОГЛМД. ОЛМ 196/2.
Рукопись.

¹ Ремингтон – пишущая машинка.

Книга Екклезиаста, или Проповедник для писателей
Текст печатается по источнику: ГЦиНк. КУ-Ф. Оп. 3. № 1-9.
Машинопись.

¹ Урманов (настоящая фамилия Тупиков) Кондратий Никифорович (1894–1976), один из организаторов и постоянный сотрудник журнала «Сибирские огни». Начиная писательскую деятельность в Омске, с 1921 г. жил и работал в Новосибирске. Автор сборников рассказов о Гражданской войне в Сибири, о сибирской природе, книг для детей.

² «Сатирикон» – русский еженедельный сатирический журнал. Издавался в Санкт-Петербурге с 1908 по 1914 гг.

³ «Будильник» – сатирический еженедельный журнал с карикатурами, издававшийся в 1865–1871 гг. в Петербурге, в 1873–1917 гг. – в Москве.

⁴ Гильзы Катыка – с 1890 г. в Москве действовала известная фирма по производству сигаретных гильз «А. Катик и К^о». Она завоевала мировую популярность, и её продукцию предпочитали использовать выдающиеся русские писатели, политические деятели, знаменитые артисты. Она упоминалась в романах и стихотворениях.

⁵ Номер 20 в рукописи повторяется дважды.

⁶ Начиная с 1915 г. А. С. Сорокин служил по линии врачбно-санитарного отдела Омского управления железной дороги.

⁷ Бумага Верже – высокосортная бумага, использовалась в основном для изготовления малотиражных и подарочных изданий.

⁸ Номера 4 и 11 в рукописи пропущены.

Н. В. Феоктистов

Из книги воспоминаний «Страницы жизни».

Святое семейство

Текст печатается по источнику: Фонды ОГЛМД. ОЛМ 21/92.
Рукопись.

¹ ...Памятка гимназической «забастовки» в 1905 г. ... – Феоктистов был исключен из семипалатинской гимназии за организацию забастовки.

² Журнальчик «Ленские волны», издававшийся где-то на севере... – ежемесячный литературно-политический прогрессивный журнал, выходивший в Якутске в 1913–1915 гг. Редактор-издатель Е. Г. Олейникова.

³ В бытность мою студентом с<ельско>х<озяйственного> института имени Каракаша... – на петербургских курсах геолога Н. И. Каракаша Феоктистов учился в 1909–1910 гг. Оставил учёбу в связи с угрозой ареста за выступление на студенческой сходке с чтением антирелигиозной поэмы «Благовещение».

⁴ ...генерал (Богданович?), убитый потом в Уфе... – ошибка Феоктистова. Н. М. Богданович, действительно убитый членом боевой организации эсеров в Уфе, никогда не был губернатором Семипалатинска.

⁵ ...на въезде в Загородную рощу... – Загородная роща упоминается с 20-х гг. XIX в. как место для городских прогулок и танцев. В конце XIX – начале XX вв. здесь размещались и дачи отдельных состоятельных омичей. В XX в. значительная часть рощи была вырублена и застроена. В настоящее время носит название Старозагородной рощи.

⁶ ...за знаменитым в своё время садом Губаревой... – точное название – сад Губарь, располагался возле пивоваренного завода № 1, принадлежавшего Екатерине Григорьевне Губарь, на улице Капцевича (ныне Красный Путь). Место массовых гуляний горожан. Частично сохранился в наше время как сад Сибзавода.

⁷ ...возле будущего Куломзина... – посёлок Куломзино был основан в 1896 г. У железнодорожного разъезда «Омский пост» (или «Омск-пост»), который позднее был также переименован в Куломзино, в 4 км от Омска на левом берегу Иртыша. В 1896 г. было завершено строительство железнодорожного моста через Иртыш, вблизи него и возник выселок из числа строителей и рабочих железной дороги, позже здесь стали селиться ссыльные, которые ютились «в земляных или каменных казармах, похожих больше на звериные логова» (см.: Кировский округ: прошлое, настоящее, будущее: историко-хронологический обзор. Омск,

2008. С. 5–6). К 1916 г. посёлок значительно разросся и достиг внушительных размеров.

⁸ Ф. Ф. Штумпф (1864–1921) – титулярный советник, чиновник Переселенческого управления, коммерсант, крупный хлебный торговец, занимался общественной деятельностью и благотворительностью. Так, в неурожай 1911-го и в голодном 1912 г. он предлагал Омскому отделу Московского общества сельского хозяйства оказать помощь крестьянам по сохранению скота при бескормице, поддержал идеи организации Дня хлебного колоса в Омске как благотворительной акции в пользу голодающего населения Акмолинской области.

⁹ ...моей повести о «Святом семействе»... – так как воспоминания Феокистова остались незаконченными, можно лишь предполагать, что в «повести» он хотел рассказать о личности и семье писателя Ф. А. Березовского, с которым в последние годы жизни у Феокистова были сложные отношения.

¹⁰ ...Степного генерал-губернаторства, возглавляемого генералом Надаровым... – Иван Павлович Надаров (1851–?), российский военный деятель, генерал от инфантерии, писатель. В 1906–1908 гг. – генерал-губернатор Степного края и наказной атаман Сибирского казачьего войска.

¹¹ «Митрич» (Владимир Дмитриевич Соколов) – см. примеч.⁵ к очерку «Александр Ефремович Новосёлов» (с. 196).

¹² Сиязов – Михаил Михайлович Сиязов (1858–1914), учёный-ботаник, краевед, автор стихов и поэм о природе. Печатался в газетах «Сибирская жизнь», «Степной край», «Восточное обозрение», «Омский вестник» и др.

¹³ «Сибирская строка» – еженедельный общественно-литературный юмористический журнал, шесть номеров которого вошли в Омске в 1910 г. Издание прекращено приговором Омского окружного суда.

¹⁴ О сибирском писателе А. С. Сорокине см. биографическую справку на с. 40.

¹³ См. примеч.² к очерку «Александр Ефремович Новосёлов» (с. 195).

Степная жакерия

Печатается по источнику: фонды ОГЛИМД. ОЛМ 21/187. Авторизованная машинопись.

¹ Жакерия (фр. *Jacquerie*, от распространённого во Франции имени Жак) – название крестьянского антифеодального восстания во Франции в 1358 г., вызванного положением, в котором находилась Франция вследствие войн с Эдуардом III Английским; самое крупное в истории Франции крестьянское восстание.

² Казахско-русский словарь / под ред. Р. Г. Сыздыковой, К. Ш. Хусаин. Алматы, 2001. С. 689.

³ В книге «Восстание киргизов и казахов в 1916 году» (Бишкек, 1991) в главе «Национальное и религиозное “лицо” киргизского народа» о мулушках говорится как о культовых сооружениях, а в главе, посвящённой непосредственно восстанию, упоминается об уничтожении казахами мулушек и почётных могил.

Вс. В. Иванов

У черты

Текст печатается по источнику: Сибирский казак. 1919. 7 ноября. С. 2–3.

Материалы

Письма А. Е. Новосёлова

Новосёлов – А. И. Иванчину-Писареву

Текст печатается по источнику: ИРЛИ. Ф. 114. Оп. 2. № 329. Л. 1, 2. Рукопись.

¹ Иванчин-Писарев Александр Иванович (1849–1916), деятель народнического движения, журналист. С 1892-го по март 1913 г. был членом редакции журнала «Русское богатство», с 1909-го по 1912 гг. – редактором журнала «Сибирские вопросы».

² Имеется в виду гонорар А. Е. Новосёлова за публикации в журнале «Сибирские вопросы».

³ В 1911–1912 гг. голод охватил 60 губерний: в 1911-м – 14,9 % населения. На грани смерти находилось 30 млн чел. Царское правительство было озабочено тем, чтобы скрыть масштабы

голода. В печати цензура запрещала употреблять слово «голод», заменяя его словом «недород».

⁴ «Сибирские вопросы» – периодический независимый прогрессивный журнал, посвящённый защите областных интересов Сибири, издавался в Санкт-Петербурге с 1905 по 1913 г. А. Е. Новосёлов под псевдонимом А. Невесов печатался в следующих номерах: Один и четверо. Киргизская сказка. 1910. № 4. 30 января; Дурман. Рассказ. 1910. № 16. 6 мая; А. Невесов. Смерть Атбая. Рассказ. 1911. № 42–43–44. 10 ноября; Иртышский казак. Этнографическая статья. 1912. № 18. 18 июня.

Новосёлов – С. С. Кондурушкину

Текст публикуется по источнику: РГАЛИ. Ф. 231. Оп. 1. Ед. хр. 338. Рукопись.

⁵ Кондурушкин Степан Семёнович (1874–1919), русский писатель, журналист.

⁶ «Лицо моей родины» – книга, подготовленная Новосёловым к печати, но так и не увидевшая свет при жизни автора. Впервые частично опубликована в 1923 г. в журнале «Сибирские огни», № 5–6.

⁷ Повесть «Беловодье» публиковалась в двух номерах журнала «Летопись» (1917) № 7–8, 9–12. «Летопись» – ежемесячный литературный, научный и политический журнал, издававшийся в Петрограде в 1915–1917 гг. Одним из основателей журнала был Максим Горький.

Из переписки А. С. Сорокина

Сорокин – Г. Н. Потанину

Текст публикуется по источнику: РГАЛИ. Ф. 381. Оп. 1. Ед. хр. 163. Рукопись.

¹ Григорий Николаевич Потанин (1835–1920), русский географ, этнограф, публицист, фольклорист, ботаник, один из идеологов сибирского областничества.

² Текст газетной заметки: «Пожертвование. Находящийся в настоящее время в Омске скульптор томич г. Пожарский пожертвовал музею Западно-Сибирского отдела Географического общества бюсты сибирского общественного деятеля Гр. Ник. Потани-

на, писателя-сибиряка Антона Сорокина и группу своей работы – «Песня степи», изображающую типы местных киргиз».

Об истории со скульптурами Пожарского Сорокин рассказал в книге «33 скандала Колчаку» («Два бюста»), см.: Сорокин А. Запах родины. Омск, 1984. С. 171–172. См. также: Девятярова И. Художественная жизнь Омска XIX – первой четверти XX века. Омск, 2000. С. 78–79.

³ В 1915 г. в Омске вышло два номера литературной, политико-экономической и общественной газеты комитета Всероссийского союза городов «Сибирский день».

Сорокин – Ф. А. Березовскому

Текст печатается по источнику: РГАЛИ. Ф. 1785. Оп. 2. Д. 60. Рукопись без датировки.

⁴ О Ф. А. Березовском см. примеч.¹ к очерку «Александр Ефремович Новосёлов» (с. 195).

⁵ Скорее всего, это рассказ Ф. А. Березовского «Пасха в тюрьме», напечатанный в газете «Омский вестник» (1914. 6 апреля).

⁶ Невесов – псевдоним А. Е. Новосёлова.

Сорокин – И. К. Пархоменко

Текст печатается по источнику: РГАЛИ. Ф. 823. Оп. 1. Ед. хр. 107. Рукопись, факсимиле, без датировки.

⁷ Иван Кириллович Пархоменко (1870–1940), русский советский художник, автор уникальной портретной галереи писателей России, насчитывающей свыше 90 полотен, в том числе портреты Л. Н. Толстого, И. А. Бунина, А. И. Куприна, Л. Н. Андреева, А. А. Блока.

⁸ ...письма Льва Толстого, Ив. Наживина, Ивана Рукавишников, М. Арцыбашева, Макс. Горького, Николая Карпова, Ив. Попова, М. Самородова, (нрзб.), Сазонова и других... – письма Н. Н. Карпова и А. П. Плетнёва о монодраме «Золото» см. с. 117–118. О письмах Толстого см. комментарий¹ к письму Сорокина В. С. Миролубову (с. 204). Остальные письма не найдены.

Сорокин – В. С. Миролюбову

Текст печатается по источнику: ИРЛИ (Пушкинский дом).
Ф. 185. Оп. 1. № 1097. Рукопись без датировки.

⁹ Виктор Сергеевич Миролюбов (1860–1939), русский литератор, издатель, редактор, оперный певец. В разные годы издавал и редактировал журналы «Журнал для всех», «Современник», «Заветы», «Ежемесячный журнал литературы, науки и общественной жизни», сборник издательства «Знание».

¹⁰ Монодрама А. С. Сорокина «Золото». Известно четыре издания этой пьесы: Киев : изд. газеты «Южная копейка», 1911, 64 с., с предисловием Г. Шварца и три издания московского издательства «Звезда», 1912, с предисловием автора.

¹¹ В личном фонде А. С. Сорокина в ГИАОО хранится письмо за подписью Л. Н. Толстого, датированное 16 марта 1909 г., в котором содержится отзыв на повесть Сорокина «Хохот жёлтого дьявола» (Ф. 1073. Оп.1. Д. 434). Письмо признано мистификацией Сорокина. В этом же деле есть ответ из московского музея Л. Н. Толстого относительно подлинности письма и истории переписки Толстого с Сорокиным (см. также: Беленький Е. Из сибирской тетради. Очерки и портреты. Новосибирск, 1978. С. 139–140).

¹² Иван Федорович Наживин (1874–1940), русский писатель, последователь Л. Н. Толстого. Его отзыв о пьесе Сорокина неизвестен.

¹³ Издательство С. М. Нонина в Петрограде было закрыто не позднее 1922 г. Выпускало книги русских и зарубежных писателей в серии «Библиотечка-копейка».

Н. Н. Карпов – Сорокину

Текст публикуется по источнику: РГАЛИ. Ф. 1348. Оп.1. Ед. хр. 373. Рукопись.

¹⁴ Николай Николаевич Карпов (1877–1942), журналист, прозаик, поэт, драматург.

¹⁵ «Литейный театр» начал работу в 1909 г. в Петербурге на месте старинного Манежа на территории усадьбы Шереметевых. Репертуар театра составляли пьесы театра ужасов, фарсы, сатиры, пародии. Литейный театр служил в начале XX в. площадкой

для реформаторских опытов В. Э. Мейерхольда, Н. Н. Евреинова, М. М. Фокина, М. А. Кузмина. Название театра постоянно менялось: в 1911–1912 гг. – «Мозаика», с 1913-го – «Литейный интимный».

Григорий Григорьевич Ге (1867–1942), русский драматический актёр и драматург.

¹⁶ «Мать», пьеса в четырёх действиях Н. Н. Карпова.

А. П. Плетнёв – Сорокину

Текст публикуется по источнику: РГАЛИ. Ф. 1348. Оп. 1. Ед. хр. 673. Рукопись.

¹⁷ Алексей Петрович Плетнёв (1854–1934), писатель, критик.

¹⁸ Возможно, упоминается книга А. Н. Плетнёва «Упитанные и отъезжие».

Из переписки Г. А. Вяткина

Вяткин – В. Ф. Булгакову

Тексты писем печатаются по источнику: РГАЛИ. Ф. 2226. Оп. 1. Ед. хр. 581. Л. 1–11. Рукопись.

¹ Валентин Фёдорович Булгаков (1886–1966), писатель, мемуарист, музейный деятель. Сотрудничал с сибирскими газетами и публиковался в них, выпустил три номера журнала «Томский театрал». Последователь Л. Н. Толстого, в последний год жизни писателя был его личным секретарём.

² ...солидарен с «Новым временем», томским «Временем» и тому подобными органами печати... – газета «Новое время» издавалась в Петербурге с 1868 по 1917 гг. Во многом из-за журналистской деятельности В. П. Буренина и русское либеральное общество, и аполитичные писатели-модернисты воспринимали газету отрицательно, считая её беспринципной и реакционной. Томская газета «Время» издавалась в 1906–1907 гг. местным отделением «Союза 17 Октября» («октябристы») – праволиберальной политической партии крупных землевладельцев. Вяткин же ни в каких партиях не состоял, но тяготел к демократическому лагерю и неонародническим течениям.

³ «Дети Солнца» – пьеса Максима Горького (Сборник товарищества «Знание» за 1905 год. СПб., 1905. Кн. 7).

⁴ Письмо в тексте не датировано. В верхней части листа имеется надпись карандашом, очевидно сделанная Булгаковым, – 1906.

⁵ Николай Николаевич Гусев (1882–1967), русский литературовед, личный секретарь Л. Н. Толстого. Сам Толстой и последователи его учения подвергались преследованиям со стороны церкви и государства с 90-х гг. XIX в.

⁶ ...хоть издалека посмотрю на Л<ьва> Н<иколаевича> (близко подойти к нему, право, не решусь)... – поездка Вяткина не состоялась.

⁷ ...наше землячество спит, – негде ему, бедному, главу преклонить... – в папке с письмами Вяткина лежат машинописные копии этих писем, сделанные самим Булгаковым, с его комментариями:

«Говорится о Сибирском землячестве, которое после обыска в помещении Комитета Общества вспомоществования учащимся в Москве сибирякам лишено было возможности устраивать там свои собрания.

Легализованное первоначально Правлением министра относительно студенческих организаций, ещё ранее принуждено было прекратить свою деятельность и в университетских стенах».

⁸ «Сибирская жизнь» – ежедневная политическая, литературная и экономическая газета, издававшаяся в Томске с 1897 по 1920 гг. Вяткин долгое время был сотрудником и корреспондентом газеты.

⁹ Басандайка – название реки и дачного посёлка в Томской области.

¹⁰ ...получил гоголевскую премию на московском литературном конкурсе... – Вяткин получил премию имени Н. В. Гоголя за рассказ «Праздник».

¹¹ ...подсуньте как-нибудь Льву Николаевичу открытку с его портретом, пусть подпишет, – пришлите мне... – архив Вяткина, в котором хранились автографы многих известных писателей, был изъят при аресте в 1937 г. и пропал.

¹² ...вещь Льва Ник<олаевича> о Фёodore Кузьмиче... – неоконченная повесть Л. Н. Толстого «Посмертные записки Фёдора Кузьмича, умершего 20 января 1864 года в Сибири, близ Томска, на заимке купца Хромова». Впервые была опубликована в издан-

ных «Свободным словом» «Посмертных художественных произведений Толстого» (Берлин, 1912. Т. III). В феврале 1912 г. повесть была напечатана с купюрами в журнале «Русское богатство», однако номер журнала был задержан цензурой, а редактор В. Г. Короленко предан суду.

¹³ Вырезка из газеты с данным текстом наклеена в верхней части письма. Вверху красным карандашом сделана пометка: «1912. Осень».

¹⁴ Сборник свой послать Вам пока не могу... – в 1912 г. в Томске была издана книга Вяткина «Под северным солнцем».

Вяткин – Д. М. Цензору

Тексты печатаются по источнику: РГАЛИ. Ф. 543. Оп. 1. Ед. хр. 70. Л. 1–4. Рукопись, машинопись.

¹⁵ Дмитрий Михайлович Цензор (1879–1947), поэт, критик, либреттист.

¹⁶ ...в редакции «Нашей жизни» и «Товарища»... – «Наша жизнь», ежедневная общественно-политическая, литературная и экономическая газета, издававшаяся в Санкт-Петербурге в 1904–1906 гг. «Товарищ» – общедоступная газета; с № 26 – политическая, литературная и экономическая газета, издававшаяся в Санкт-Петербурге в 1906–1907 гг.

¹⁷ ...вышлите мне (наложенным платежом) Вашу книжку... – первый сборник стихов Цензора «Старое гетто» вышел в Санкт-Петербурге в 1907 г.

¹⁸ Издания товарищества «Вперёд»... – большевистское легальное издательство в Петербурге, созданное в мае 1906 г. по инициативе В. Д. Бонч-Бруевича. Во избежание репрессий печатало некоторые книги под грифом вымышленных издательств («Пролетарское дело», «Новая волна»). «Вперёд» печатало и распространяло не только большевистские, но и другие издания прогрессивного характера. Распространение литературы осуществляли центральный склад и магазин издательства, рассылавшие литературу по всей России. Летом 1907 г. издательство «Вперёд» было ликвидировано полицией.

¹⁹ Текст письма написан на почтовой карточке с видом города Hangö. Гангё (ныне Ханко), самый южный город-порт Финляндии,

в начале XX в. был одним из популярных курортов среди русских туристов, особенно из Петербурга.

²⁰ Но Вы обещали мне свою книжку... – речь может идти как о первой книге Цензора («Старое гетто», 1907), так и о второй, изданной в 1908 г., – «Крылья Икара»: стихи (1905–1906).

Вяткин – М. Г. Сивачёву

Текст печатается по источнику: РГАЛИ. Ф. 455. Оп. 1. Ед. хр. 68. Рукопись.

²¹ Михаил Гордеевич Сивачёв (1877–1937), писатель-беллетрист.

²² «Прокрустово ложе. Записки литературного Макара» (1911) – книга Сивачёва («полимические мемуары»).

Вяткин – Ф. Ф. Фидлеру

Тексты печатаются по источнику: РГАЛИ. Ф. 518. Оп. 1. Ед. хр. 68. Л. 1–5. Рукопись. Письмо № 1 ранее было опубликовано: Складчина-2 : альманах. Омск, 1996. С. 521; Вяткин Г. А. Собрание сочинений : в 5 т. Омск, 2007. Т. 5. С. 282–283.

²³ Фёдор Фёдорович Фидлер (настоящее имя Фридрих) (1859–1917), немецко-русский поэт, переводчик.

²⁴ «Русская муза»: собрание лучших, оригинальных и переводных, стихотворений русских поэтов XIX в. / под ред. П. Ф. Якубовича. СПб., 1904; «Избранные произведения русской поэзии» выходили в нескольких изданиях, составитель – В. Д. Бонч-Бруевич.

²⁵ Письмо не датировано, на конверте имеется штамп: Москва, 5.11.12, а также надпись карандашом: «получил 6.11.12».

²⁶ ...шлю Вам сборник моих стихов... – сборник Вяткина «Под северным солнцем» (Томск, 1912).

²⁷ ...снямусь у Ренара или у Фишера... – известные московские фотографии конца XIX – начала XX вв., владельцы крупных фотографических заведений Отто Ренар и Карл Фишер.

Вяткин – В. И. Анучину

Текст письма публикуется по источнику: РГАЛИ. Ф. 14. Оп. 1. Ед. хр. 14. Рукопись.

²⁸ Василий Иванович Анучин (1875–1941, по другим источникам 1943), прозаик, этнограф, фольклорист.

²⁹ «Сибирский сборник» – несостоявшийся сборник произведений сибирских писателей, готовившийся группой литераторов при поддержке М. Горького в 1912–1914 гг.

Вяткин – С. С. Кондурушкину

Тексты писем печатаются по источнику: Ф. 231. Оп.1. Ед. хр. 300. Л. 1–3. Рукопись.

³⁰ Кондурушкин – см. примеч.⁵ к письму Новосёлов – С. С. Кондурушкину (с. 202).

³¹ ...в число Ваших сотрудников по «Земле»... – «Земля» – ежедневная беспартийная газета, издававшаяся в Петрограде около полугода в 1917 г.

³² ...«Единство», скучная газета, и вовсе не рабочая, а интеллигентско-полемиическая... – «Единство» – ежедневная рабочая газета правых меньшевиков группы «Единство», руководящую роль в которой играл Г. В. Плеханов. Выходила в Петрограде с 1917-го по январь 1918 г.

Вяткин – Н. С. Ашукину

Текст публикуется по источнику: РГАЛИ. Ф. 1890. Оп. 3. Ед. хр. 228. Рукопись.

³³ Николай Сергеевич Ашукин (1890–1972), русский поэт, литературный критик, литературовед, историк литературы, специалист в области московского краеведения.

³⁴ ...работаю в «Утре»... – «Утро» – ежедневная политическая, общественная, литературная и экономическая газета, издававшаяся в Харькове в 1906–1916 гг.

Вяткин – П. Я. Заволокину

Текст публикуется по источнику: РГАЛИ. Ф. 1968. Оп.1. Ед. хр. 33. Рукопись.

³⁵ Павел Яковлевич Заволокин (1878–1941), писатель из народа, поэт и прозаик, журналист, библиограф, собиратель поэтических материалов для сборника «Современные рабоче-крестьянские поэты».

³⁶ «Русское богатство» – ежемесячный литературный, научный и политический журнал, выходивший в 1876–1918 гг. Основан в Москве, с середины 1876 г. издавался в Санкт-Петербурге. «Журнал для всех» – ежемесячный иллюстрированный научно-популярный и литературный журнал, выходивший в Санкт-Петербурге в 1896–1906 гг.

³⁷ См. примеч.²³ к письму Вяткин – Ф. Ф. Фидлеру (с. 208).

Вяткин – А. А. Демидову

Текст публикуется по источнику: РГАЛИ. Ф. 165. Оп. 2. Ед. хр. 19. Рукопись.

³⁸ Алексей Алексеевич Демидов (1883–1934), русский советский писатель.

³⁹ «Село ЕК» – роман А. А. Демидова «Село Екатерининское» (1929).

Вяткин в редакцию «Литературного наследства»

Текст письма публикуется по источнику: РГАЛИ. Ф. 612. Оп. 1. Ед. хр. 641. Л. 1. Машинопись.

⁴⁰ «Литературное наследство» – неперіодическое научное издание, посвящённое публикации неизданных материалов по истории литературы и общественной мысли и их изучению. Основано в 1931 г. С 1960 г. – орган Института мировой литературы имени М. Горького Академии наук СССР.

⁴¹ Михаил Иванович Ошаров (1894–1937), русский советский писатель. Афанасий Лазаревич Коптелов (1903–1990), русский советский писатель.

⁴² Петр Исаевич Вейнберг (1831–1908), русский поэт, переводчик, историк литературы.

В. Д. Бонч-Бруевич – Вяткину

Текст публикуется по источнику: РГАЛИ. Ф. 612. Оп. 1. Ед. хр. 641. Л. 2. Машинопись.

⁴³ Владимир Дмитриевич Бонч-Бруевич (1873–1955), советский партийный и государственный деятель, доктор исторических наук, этнограф, писатель. Инициатор создания и первый

директор (1933–1945) Государственного литературного музея в Москве.

⁴⁴ Письмо Бонч-Бруевича является ответом на вышеприведённое письмо Вяткина в редакцию «Литературного наследства».

⁴⁵ Илья Самойлович Зильберштейн (1905–1988), российский искусствовед, литературовед, доктор искусствоведения. Инициатор создания и один из редакторов «Литературного наследства».

Письма Вс. В. Иванова Вс. Иванов – А. С. Сорокину

Тексты писем печатаются по источнику: ГИАОО. Ф. 1073. Оп. 1. Д. 282. Л. 14; Д. 373. Л. 1, 59.

¹ Между А. С. Сорокиным и Вс. В. Ивановым были сложные отношения. Во время пребывания Иванова в Омске они были дружны, Иванов участвовал во многих «предприятиях» Сорокина: устройство заборной выставки, совместное издание газеты «Согры», выпуск собственных денег «короля сибирских писателей» и т. д. Но вскоре после отъезда Иванова в Петроград Сорокин, позавидовав разгорающейся славе писателя и обидевшись на непочтение своего «ученика», развернул разоблачительную кампанию против недавнего друга. В редакции сибирских и столичных газет и журналов он отправлял многочисленные письма-доносы, в которых обвинял Иванова в различных грехах – от плагиата до сотрудничества в колчаковских изданиях. После этого переписка Иванова и Сорокина прерывается.

² Владимир Александрович Тронов (1899–1937), художник. Родился в Тифлисе. В Омске учился в студии А. Н. Клементьева (1916–1919); в 1920-е гг. в Высшем художественно-техническом институте – Вхутеине (Петроград) у Д. Н. Кардовского.

³ ...обещает переиздание моих «Рогулеч»... «Рогульки» – сборник рассказов Иванова, изданный в Омске в 1919 г. При жизни автора не переиздавался. Рассказы из «Рогулеч» опубликованы в книге: Неизвестный Всеволод Иванов : материалы биографии и творчества. – М. : ИМЛИ РАН, 2010.

⁴ ...«Фарфоровую избушку» придётся, наверное, в исправленном виде печатать за границей... – повесть «Фарфоровая избушка»

ка» Иванов написал в 1920 г., точная судьба её неизвестна, она никогда не издавалась.

⁵ ...Гребенщиков в Париже, где и прогремел своим романом «Чураевы»... – Георгий Дмитриевич Гребенщиков (1883–1964), русский писатель, критик, журналист. Родился на Алтае. Эмигрировал в 1920 г. «Чураевы. Роман-хроника одной старообрядческой семьи» – печатавшееся за границей самое крупное произведение Гребенщикова в шести томах.

⁶ Александр Павлович Оленич-Гнененко. См. примеч.³ к статье «О смерти и жизни писателя».

⁷ Алексей Павлович Чапыгин (1870–1937), русский советский прозаик, драматург, сценарист, автор исторических романов «Разин Степан», «Гулящие люди», «Россия второй половины XVII века», рассказов, повестей, пьес.

⁸ ...Евреинов говорил о Вашей монодраме «Золото»... – Николай Николаевич Евреинов (1879–1953), русский и французский режиссёр, драматург, теоретик и преобразователь театра, историк театрального искусства, актёр, музыкант, художник, философ. О «Золоте» см. примеч.¹⁰ к письму Сорокин – В. С. Миролюбову (с. 204).

⁹ Валентина Михайловна Сорокина – жена А. С. Сорокина.

¹⁰ Леонид Николаевич Мартынов (1905–1980), русский советский поэт.

¹¹ Владимир Павлович Рябов-Бельский (после 1880 – умер в блокаду Ленинграда 1943–1944), поэт, драматург, в 1918 г. сотрудничал в «Известиях Омского ревкома».

¹² Жена у меня выступает с хорошим успехом, на первых ролях, в Народном доме... – первая жена Иванова Мария Николаевна Синицына была актрисой.

¹³ Иван Евдокимович Ерошин (1894–1965), русский советский поэт.

Вс. Иванов – Н. В. Феокистову

Текст печатается по источнику: фонды ОГЛМД. ОЛМ 341/4. Рукопись. Не датировано. Датировка по тексту письма – 1931 г.

¹⁴ ...любящему... укрепляющему... – так в письме. Должно быть: ...видеть Вас... любящим... укрепляющим.

¹⁵ «Вольный казак» – газета, орган Советов казачьих депутатов сибирских казачьих войск. Омск, 1918.

Исследования

Н. В. Анучина

Павел Васильев и сестры Анучины

Текст печатается по источнику: рукопись, предоставленная автором – Н. П. Васильевой.

¹) Скуратов М. М. Человек он был!.. // Литературная Россия. 1986. 10 янв.

² Мальвина Мироновна Марьянова (1896–1972), поэтесса, автор сборников в 1920-х. В её альбомах оставили свои посвящения Сергей Есенин, Николай Клюев, Вячеслав Иванов, Рюрик Ивнев и многие другие. В 1916 г. Есенин написал в альбом:

В глазах пески зелёные
И облака.
По кружеву краплённому
Скользит рука.
То близкая, то дальняя,
И так всегда.
Судьба её печальная –
Моя беда.

В сентябре 1927 г. семнадцатилетний Павел Васильев в свою очередь написал посвящение, которое начинается словами:

Вы просите стихов...

³ Лев Черноморцев – поэт, друг Павла Васильева. Родился 16 мая 1903 г. в Красноярске. Учился на словесном отделении педагогического факультета Иркутского университета. Первые стихи опубликовал в 1925 г. Участник боёв на Китайско-восточной железной дороге (КВЖД) в 1929 г., Великой Отечественной войны. Всего выпустил 10 стихотворных сборников. Главная тема – новая Сибирь, о чём говорят такие названия, как «Тайга» (1934), «Песнь о Сибири» (1946), «Сибирская земля» (1950) и др.

В 1932 г. был арестован в составе «Сибирской бригады» (Николай Анов, Евгений Забелин, Леонид Мартынов, Сергей Марков, Павел Васильев и Лев Черноморцев). Обвинение: состо-

ят в контрреволюционной группировке литераторов «Сибиряки», пишут и распространяют контрреволюционные произведения. В отношении арестованных применили обычный метод (Иванов-Разумник Р. В. Писательские судьбы. Тюрьмы и ссылки. М., 2000): следователь получает твёрдое задание – «создать фиговый листок, который позволил бы стыдливо прикрыть тот факт, что в стране пролетарской диктатуры ссылают за идеологию... стыдливость требует фигового листка, каким является “организационная группировка”: если её нет, то её надо выдумать». И её выдумали и навязали сибирякам, мотивируя тем, что ребята собирались ежедневно в редакции журнала «Красная новь» у Н. И. Анова, который работал там ответственным секретарём. А где ещё им было собираться? Говорили о литературе, о политике – а о чём им ещё нужно было говорить? Все их разговоры записывались до единого слова, но они этого не знали, а потому вели себя неосторожно. На основании агентурных данных было заведено дело «Сибирской бригады». Сибиряков заставили «сознаться» в существовании контрреволюционной организации, каковой у них не было даже в мыслях. Однако – все «сознались», от Анова до Черноморцева, потому что в случае отказа давать показания под диктовку следователя им угрожали – нет, не пыткой, а простыми избиениями. Какие это были «избиения», читаем всё у того же Иванова-Разумника в книге «Тюрьмы и ссылки»: «Где, однако, провести грань между “простым избиением” и пыткой? Если человека бьют в течение ряда часов (с перерывами) резиновыми палками и потом замертво приносят в камеру – пытка это или нет? Если после этого у него целую неделю вместо мочи идёт кровь – подвергался ли он пытке или нет?».

И это в лучшем случае. А в худшем подследственный возвращается в камеру через лазарет на костылях, если ему сломали ноги, или на носилках, если ему повредили позвоночник. И сибиряки всё это, по крайней мере, наблюдали. Потому и сознались в несуществующей вине.

Анов, Забелин, Марков и Мартынов были отправлены в ссылку на три года на Север и в Среднюю Азию. Анов – за повести «Глухомань» и другие, трое поэтов – за «колчаковщину» (поклонились адмиралу и в честь его написали стихи и поэмы). Василь-

ев и Черноморцев, по молодости лет, не познакомились с адмиралом в 1918 г. (когда тот правил в Омске), а потому не сочинили стихов в его честь. Стихи они в ту пору сочиняли очень даже советские, если не считать васьильевских эпиграмм по поводу Джугашвили и жида (но эти эпиграммы тогда казались мальчишеством и серьёзно не воспринимались). Потому молодые поэты получили три года условно.

В нашем безжалостном обществе любят посплетничать о тех несчастных, кто побывал в лубяньских подвалах. Вот и в случае «Сибиряков» прицепились к самому кроткому и незаметному – Льву Черноморцеву. Замечательные исследователи творчества Васильева тем не менее возводят на Черноморцева бездоказательный поклёп: «За Львом Черноморцевым – тянулась какая-то дурная слава...». И ещё: «Льва Черноморцева допрашивали... лишь один раз, он получил самое мягкое наказание... И этот факт... давал основания... относиться к нему как к провокатору». И друг Павла Васильева С. А. Подделков не удержался от того, чтобы бросить камень в бедного изгоя. Утверждал, что Васильеву «дали срок три года условно», и при этом допускал: «Возможно, надо было отпустить кого-то вместе со Львом Черноморцевым, которого уже тогда... наиболее осторожные воспринимали как провокатора...» (Сидорина Н. К. Вестник Литературного института. 2010. № 1. С. 78–86). Жестокость наша не имеет границ – когда же наступит покаяние?

⁴ Пётр Орешин – поэт есенинского круга.

⁵ Елена Феликсовна Усиевич – дочь старого большевика Феликса Кона, член партии, литературный критик. Дала высокую оценку поэзии Павла Васильева. Принимала дружеское участие в его личных делах.

⁶ Наталья Петровна Кончаловская (1903–1988) – поэтесса, прозаик, переводчик. Дочь художника П. П. Кончаловского и внучка художника В. И. Сурикова. Мать известных кинорежиссеров – Андрона Кончаловского и Никиты Михалкова.

⁷ Высказывание взято из выступления В. А. Берязева «Только стихия творит» на международной конференции по творчеству Павла Васильева в 2004 г. в Павлодаре (Казахстан). Владимир Алексеевич Берязев – поэт, переводчик, заместитель главного редактора журнала «Сибирские огни» (Новосибирск).

⁸ Автор книги «Русский беркут» (М., 2001) С. С. Куняев посетил в 1977 г. С. Н. Маркова и имел с ним беседу, в ходе которой Сергей Николаевич, говоря об окружении Клюева, заметил: «Близок он был и к Васильеву – этой аморальной личности». И когда Куняев переспросил: «К Павлу Васильеву?», Марков ответил: «Да, к Павлу. Этот выдавал себя за казака, что Клюеву очень импонировало...».

⁹ В книге «Блеск и нищета куртизанок» Бальзак пишет о любви поэта: «Отмеченный по прихоти духовной своей природы редкой способностью передавать действительность образами... он (поэт. – *Авт.*) дарует любви крылья своего духа... и он возвышает сладострастие, перенося его в область идеального...».

¹⁰ Так назвал Елену Вялову С. Липкин в своих воспоминаниях «В Овражном переулке и на Тверском бульваре» (журнал «Новый мир» 1994. № 2). Правда, Липкин считал, что в 1934 г., когда он приходил к Васильеву, у поэта была другая жена, не Елена («потом женой поэта стала Елена Вялова»). Но мемуарист ошибается. Именно Елена Александровна Вялова встретила его в доме Васильева в 1934-м. Она стала женой Васильева ещё в 1933 г., и другой жены с той поры у поэта не было.

¹¹ И. М. Гронский – в 1930-е гг. работал главным редактором журнала «Новый мир» и газеты «Известия». Когда Васильев вышел из рязанской тюрьмы (1936 г.), один Иван Михайлович продолжал печатать в своём журнале его произведения. Так, в 1936 г. в «Новом мире» были опубликованы две поэмы Павла Васильева – «Кулаки» и «Принц Фома». В 1937 г. шла в набор третья поэма – «Христоробовские ситцы», но 6 февраля Васильев был арестован. Сотрудник редакции поэт Григорий Санников успел унести рукопись поэмы и тем спас её.

¹² Ошибка памяти Е. Н. Анучиной. А. С. Сорокин скончался в 1928 г., намного раньше своей жены. Именно Валентина Михайловна выхлопотала для больного мужа путёвку в крымский санаторий и сопровождала его в дороге. Но так как у Сорокина была открытая форма туберкулёза, в санаторий его не приняли. Смерть настигла его на обратной дороге в Москве. Хоронили писателя его бывшие земляки Вс. В. Иванов и Ф. А. Березовский.

Список иллюстраций

Тексты

С 39.

Фотография на память: (слева направо) стоят А. С. Сорокин и А. Е. Новосёлов; сидят А. И. Ермолов, Н. В. Феоктистов, М. М. Сиязов, В. Д. Соколов (Митрич), Ф. А. Березовский. Омск, 1914. Фотография. ОЛМ 337/1.

Материалы

С. 106.

А. Е. Новосёлов. Омск, 1911. Фотография. ОЛМ 323/2.

Писатели-сибиряки М. М. Сиязов, А. Е. Новосёлов, В. Д. Соколов (Митрич). Омск, 1914. Фотография. Фрагмент. ОЛМ 21/224.

А. Е. Новосёлов с женой Галиной Петровной и сёстрами. Омск, 1910. Фотография. ОЛМ 323/1.

С. 107.

Антон Сорокин. Рис. А. О. Никулина // Настоящее. 1928. № 4–5. ОЛМ 1062/3

Обложка книги А. С. Сорокина «Золото». Москва : Книгоиздательство «Звезда» Н. Н. Орфенова, 1912. ОЛМ 47/352.

Фрагмент экспозиции Омского литературного музея имени Ф. М. Достоевского». Раздел «А. С. Сорокин».

С. 108.

Г. А. Вяткин. 1910-е. Фотография. ИРЛИ. Ф. 742. Оп. 1. Ед. хр. 107.

Обложка книги Г. А. Вяткина «Под северным солнцем». Томск : Типография Сибирского товарищества печатного дела, 1912. ОЛМ 38/3.

Г. А. Вяткин (в центре) с братьями Иваном и Юлием Буниными. Москва, 1909. Фотография. ОЛМ 324/4.

С. 109.

Вс. В. Иванов. Москва, 1925. Фотография. ОЛМ 29/17.

Автограф письма Вс. В. Иванова Н. В. Феоктистову. Москва, б/д. ОЛМ 341/4.

С. 110.

Обложка книги Вс. Иванова «Сопки. Партизанские повести». Москва; Петроград : государственное издательство, 1923. ОЛМ б/н.

Обложка книги «Сборник пролетарских писателей». Под редакцией А. М. Горького, А. Н. Сереброва и А. П. Чапыгина. Петроград : Парус, 1917. ОЛМ б/н.

Личные вещи Вс. В. Иванова – походная спиртовка, очки, футляр для карандашей, ваза – в витрине экспозиции Омского литературного музея имени Ф. М. Достоевского.

С. 111.

Н. В. Феоктистов. Москва, 1924. Фотография. ОЛМ 21/9.

Н. В. Феоктистов и Л. Н. Мартынов. Новосибирск, 1927. Фотография. ОЛМ 21/217.

Личные вещи Н. В. Феоктистова – рукописная книга стихов, пенсне, личная печать, чаша курительной трубки – в витрине экспозиции Омского литературного музея имени Ф. М. Достоевского.

Исследования

С. 179.

П. Н. Васильев. Москва, 1930-е. Фотография. ОЛМ 25/68.

Г. Н. Анучина и П.Н. Васильев. Москва, 1932. Фотография. ОЛМ 25/80.

Г. Н. Анучина с дочерью Наташей Васильевой. Омск, 1936. Фотография. ОЛМ 25/84.

С. 180.

Г. Н. Анучина. Москва. 1931–1932. Фотография. ОЛМ 25/79.

Е. Н. Анучина. Москва. 1930-е. Фотография. ОЛМ 25/59.

Е. Н. Анучина на фронте. 1943. Фотография. ОЛМ 25/61.

Л. Н. Мартынов. Москва, 1962. Фотооткрытка. ОЛМ 42/58.

Содержание*

От составителя (Ю. П. Зародова).....	3
Список сокращений	10

ТЕКСТЫ

<i>А. Е. Новосёлов</i>	
[Биографическая справка]	12
Один и четверо.....	13 (195)
Иртышский казак.....	18 (195)
Воспоминания о А. Е. Новосёлове	
<i>Ф. А. Березовский</i>	
Александр Ефремович Новосёлов.....	29 (195)
<i>А. С. Сорокин</i>	
О смерти и жизни писателя	37 (196)
<i>А. С. Сорокин</i>	
[Биографическая справка]	40
Вечная жизнь.....	40 (197)
Что так жалобно поют.....	43 (198)
Книга Екклезиаста, или Проповедник для писателей Антона Сорокина.....	45 (198)
<i>Н. В. Феоктистов</i>	
[Биографическая справка]	57
Из книги воспоминаний «Страницы жизни».	
Святое семейство	58 (198)
Степная жакерия	66 (201)
<i>Вс. В. Иванов</i>	
[Биографическая справка]	98
У черты (Очерки с фронта).....	99 (201)

МАТЕРИАЛЫ

Авторы писем и их адресаты (иллюстрации).....	106
<i>Письма А. Е. Новосёлова</i>	
Новосёлов – А. И. Иванчину-Писареву.....	112 (201)

* В скобках указываются страницы затекстовых примечаний.

Новосёлов – С. С. Кондурушкину.....	113 (202)
<i>Из переписки А. С. Сорокина</i>	
Сорокин – Г. Н. Потанину.....	115 (202)
Сорокин – Ф. А. Березовскому.....	115 (203)
Сорокин – И. К. Пархоменко.....	116 (203)
Сорокин – В. С. Миролюбову.....	116 (204)
Н. Н. Карпов – Сорокину.....	117 (204)
А. П. Плетнёв – Сорокину.....	118 (205)
<i>Из переписки Г. А. Вяткина</i>	
Вяткин – В. Ф. Булгакову.....	119 (205)
Вяткин – Д. М. Цензору.....	124 (207)
Вяткин – М. Г. Сивачёву.....	125 (208)
Вяткин – Ф. Ф. Фидлеру.....	126 (208)
Вяткин – В. И. Анучину.....	128 (208)
Вяткин – С. С. Кондурушкину.....	128 (209)
Вяткин – Н. С. Ашукину.....	130 (209)
Вяткин – П. Я. Заволокину.....	131 (209)
Вяткин – А. А. Демидову.....	132 (210)
Вяткин в редакцию «Литературного наследства»..	132 (210)
В. Д. Бонч-Бруевич – Вяткину.....	133 (210)
<i>Письма Вс. В. Иванова</i>	
Вс. Иванов – А. С. Сорокину.....	135 (211)
Вс. Иванов – Н. В. Феоктистову.....	138 (212)

ИССЛЕДОВАНИЯ

<i>Н. П. Васильева</i>	
Павел Васильев и сёстры Анучины.....	140
Часть I. Девушка со строгими бровями (Галина).....	140 (213)
Часть II. Незнаменитая муза (Евгения).....	164 (216)
Часть III. Семейные хроники. 1926–1947 годы.....	173
Примечания и комментарии.....	195
Список иллюстраций.....	217

Научно-популярное издание

ОМСКИЙ ЛИТЕРАТУРНЫЙ МУЗЕЙ.
ТЕКСТЫ. МАТЕРИАЛЫ. ИССЛЕДОВАНИЯ

ВЫПУСК 2

Редактор *Л. В. Новосёлова*

Технический редактор *Е. А. Балова*

Подписано в печать .2015. Формат 60 × 84/16.

Бумага офсетная. Печать офсетная.

Печ. л. 13,8. Уч.-изд. л. 11,7.

Тираж 100 экз. Заказ Б-31.

Издательство ООО «Издатель-Полиграфист».

Отпечатано в типографии ООО «Издатель-Полиграфист»,

Омск, ул. Герцена, 158, тел./факс: +7 (3812) 700-502